Вова Фетт

ЗОНА 54

Annotation

После ядерной войны все крупные города разрушены и превращены в Пятна — огромные радиоактивные могильники.

Город Атом, основанный на месте чудом уцелевшего Новосибирского Академгородка, пытается жить нормальной жизнью посреди Сибирских Пустошей. Вот только из центра новосибирского Пятна идет странная радиопередача, которая вещает, что в самом центре радиоактивного ужаса стоит Новый Храм, и он обещает спасение каждому, кто достоин достичь его стен. Некоторых людей она сводит с ума, и они уходят в центр, на верную смерть.

Тем временем глубоко в пустошах собиратель довоенных технологий Артемий встречает удивительного человека по имени Юрий Скай, который несет срочное письмо для властей Атома. И этот простой прямоугольник бумаги изменит судьбу Артема, Атома и всей Сибири навсегда.

- Часть 1. Глава 1
- Ч1. Глава 2
- Ч1. Глава 3
- Ч1. Глава 4
- Ч1. Глава 5
- Ч1. Глава 6
- Ч1. Глава 7
- Часть 2. Глава 1
- Ч2. Глава 2
- Ч2. Глава 3
- Ч2. Глава 4
- Ч2. Глава 5
- Ч2. Глава 6
- Ч2. Глава 7
- Часть 3. Глава 1
- Ч3. Глава 2
- Ч3. Глава 3
- Ч3. Глава 4

- Ч3. Глава 5
- Ч3. Глава 6
- Ч3. Глава 7
- Часть 4. Глава 1
- Ч4. Глава 2
- Ч4. Глава 3
- Ч4. Глава 4
- Ч4. Глава 5
- Ч4. Глава 6
- Ч4. Глава 7
- Расщепление 1
- Расщепление 2
- Расщепление 3
- Расщепление 4
- Расщепление 5
- Расщепление 6
- Расщепление 7

Зона 54

Часть 1. Глава 1

Человек извивался, корчился на земле, бил ногами, скреб слабыми пальцами грудь, покрытую темными пятнами. На его куртке было множество отверстий. Миша стоял перед ним, опустив свой дробовик. Из обоих стволов струился слабый дымок. Артемий секунды две посмотрел на это, затем спустился к ним с насыпи, выпуская из-под ботинок фонтаны щебня. Он остановился рядом с Мишей и тоже стал смотреть на агонию.

— Смотри, какие они живучие пошли, — злобно сказал Миша. Артемий на него не посмотрел и не ответил. Лежащий человек изо всех сил сопротивлялся смерти, хотя вся грудь его была теперь начинена свинцом.

— На выстрел, поди, половина заставы соберется, — снова сказал Миша.

Тема молчал. Он смотрел на куртку умирающего. Она была темно-коричневая из хорошо выделанной кожи. На поясе у незнакомца висела пустая кобура. Большой серебристый револьвер валялся немного в стороне, видимо, человек успел вытащить его из кобуры, а вот вскинуть — нет.

— Ты уверен, что это рейдер? — с сомнением спросил Тема.

— А кто?

— Не знаю, — ответил Артемий, осторожно обошел уже полутруп и подобрал револьвер.

— Тут гравировка, — сообщил он, осматривая рукоять. — Сосна со звездами. Он республиканец.

— Да что тут республиканцу делать? — спросил Миша. Он присел над извивающимся телом. — Еще и в одного. Трофейное оружие это. Чего он грязный-то такой, раз республиканец?

Лицо, руки, ноги незнакомца — все были заляпаны землей и давно запекшейся кровью.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы у рейдера была такая куртка? — спросил Артемий внимательно глядя на агонизрующего человека. Тот не издавал ни звука. Даже слабого стона не вырывалось у него изо рта. Он просто возился на земле, испытывая, скорее всего, адскую боль.

— Чего я только у них не видел, — отмахнулся Миша. — Ты на заставе не живешь, ничего не знаешь. Оттащим его в яму, пусть там подыхает.

— Нет, — Артемий покачал головой, — мы, Михаил, утащим его Юлию. Пусть выковыривает из него твою дробь. Это не рейдер.

— И что?

— А то, что нам тут дохлый республиканец не нужен.

— Слышь, в своем Атоме порядки наводить будешь. А у нас тут пустошь. Крадешься под насыпью — получаешь свинца оптом.

Пустошь вокруг шумела сплошным сосняком с березовыми островами. Листва березы была рыжей. Говорят, до войны она бывала такой только осенью.

— Почему ты вообще выстрелил?

— Он шел вдоль насыпи. Крался, можно сказать. Я его не видел, пока не подошел к самому краю. Он выхватил пушку, и я сразу же его наградил.

— Увидел тебя и вытащил револьвер?

— Да.

— Может, это он тебя за рейдера принял?

— Нормальный человек шел бы по насыпи, а не крался под склоном, — Миша поднялся и закинул двустволку за спину и поправил ремень. — Проще пристрелить его и не мучиться с этим вопросом. И его не мучать.

Но Тема уже все решил. Он просто сунул револьвер незнакомца за пояс, наклонился и схватил человека за руки. Михаил вздохнул, но ничего не сказал. Взялся за ноги, и они понесли умирающего в поселок.

Поселок заставы лежал сразу за насыпью. Это было маленькое фронтирное поселение на сто человек, ведущих тяжелую жизнь в глубине диких земель, означающее, по сути, границы владений города Атома. Насыпь довоенной железной дороги, делающей тут поворот, брала поселок в некое полукольцо и прикрывала его с востока.

Умирающего перетащили через насыпь, пронесли по центральной, и по сути единственной, улице, где было достаточно много людей, которые, видимо, поспешили выйти, услышав выстрел.

Юлий стоял на пороге своего дома, курил и равнодушно смотрел через очки на то, что ему несут.

— Вроде не наш, — сказал он, когда полутруп поднесли к нему. — И какого черта вы мне его принесли?

— Это не рейдер, — заявил Артемий. — Это республиканец.

— Ближайший аванпост сибиряков в сотне километров, — скептически произнес Юлий. — Впрочем, неважно. Заноси. Чем его? Дробью?

— Дробью, — подтвердил Михаил, пронося подстреленного им человека ногами вперед в дом доктора.

— Попробую вытащить, — равнодушно произнес Юлий, — его сразу в операционную и разденьте. Я помою руки и приду.

Тема и Миша принесли умирающего в операционную, уложили его на стол и стали стягивать с него одежду. Тема тут же снял с него куртку и обыскал карманы. В одном из карманов оказалось измятое и забрызганное красным письмо, в другом — россыпь патронов для револьвера. Баночка с таблетками без этикетки. Больше при нем ничего не было. Впрочем, при нем вообще не было никаких вещей кроме тех, что на нем. И это было странно.

— При нем ничего не было? Так и шел с пустыми руками?

— Вроде да, — отозвался Миша, брезгливо бросив вещи умирающего в сторону. — Ты в крови измазался.

Артемий осмотрел себя.

— М-да, — пробормотал он. — Неважно. Почему он без всего? Путешествовать по пустоши без рюкзака — идиотизм.

Он достал из-за пояса револьвер и проверил барабан. Он оказался семизарядным, и в нем оставалось только три патрона.

— Этот парень уже в кого-то стрелял, — сказал Артемий.

— Да поди ж его разбери, — невпопад отозвался Миша. — Смотри — затих. Наверное, сдохнет скоро.

И действительно не то рейдер, не то огромная проблема на их задницы, перестал дергаться и тихо лежал. Грудь, изуродованная кровоточащими огнестрельными ранами, тихо и слабо вздымалась.

Вошел Юлий, уже в халате и с инструментами.

— Отлично, — сказал он. — Попробуем. Парень на краю, если сдохнет — ничего не сделаешь, шансы невелики. Он — кто? Зачем его чинить?

— Он из Сибирской республики, — упрямо повторил Артемий, — я же сказал.

— Ну да, — пробормотал доктор. — А это что? Конверт?

Артемий спохватился и осмотрел письмо в своих руках. На лицевой стороне была слегка смазанная печать с вписанными от руки словами, но чья-то, очевидно, кровь мешала хоть что-то разобрать. Нужно будет выйти на свет и попробовать там.

Юлий тем временем стал осматривать раны.

— Вообще он уже как пару минут должен дух испустить, — сказал он, близко поднося лицо к окровавленной груди. — Но, наверное, уже не испустит, раз до сих пор не умер. Попробуем оживить. Что там на конверте?

— Не могу разобрать, нужен свет поярче

— Ну и валите отсюда, — деловито предложил доктор. — Вы уже все, что нужно сделали.

Миша невесело хмыкнул.

— Ну, я пойду сдаваться, — сказал он, когда они вышли.

— Страшно? — спросил Артемий.

— А чего мне боятся? Я был в патруле, что мне оставалось делать? И это… револьвер его отдай.

— Зачем?

— Затем, что ты гражданский.

— А вы тут все капец вояки. Иди давай. Пушка у меня побудет.

— Вы с Атома все такие борзые?

— Только когда деревенщина по гражданам соседей стреляет. Тех соседей, у которых армия в пять раз больше твоей.

— Когда это мусорщик в политики заделался?

— Вали к коменданту докладываться. И дробовик свой перезарядить не забудь.

Миша спохватился и поспешно принялся заряжать свою двустволку.

— Я был в патруле. При исполнении. Я был обязан стрелять. Вне зависимости от того кто это был, — сказал он еще раз и пошел восвояси.

На крыльце лазарета стоял ряд плетеных стульев, и Артем уселся в один из них, с самого краю, откуда все вокруг хорошо просматривалось. Очень удобное это было место — этот стул. Можно сказать, он был центром поселения. Тут же в двух шагах располагалось

двухэтажное здание администрации заставы, его же занимала почта. Миша шел туда, держа дробовик подмышкой.

Комендант — толстый, безобидный дуболом лет шестидесяти, досиживающий свою лямку — любил проявить власть. Он, конечно, проорется, выпустит весь пар на Мишу, а потом заявится сюда — требовать письмо и пистолет. И пока этого не произошло, нужно было действовать.

Тема взглянул на письмо. Теперь, на солнце, он мог видеть, что печать была будто официальная — сизый прямоугольник с кучей букв, в некоторых местах слова вписаны от руки.

“Управление внешними связями Сибирской республики” — и смазанный вензель, Артемий был уверен, что это вся та же сосна со звездой у верхушки. на следующей строке “Лично в руки:” и дальше от руки совершенно неразборчиво, ручка почти стерлась и расплылась в пятне крови. Можно догадаться, что там стояла фамилия или, скажем, должность, но четыре крупные буквы различить было легко: АТОМ.

Письмо от правительства республиканцев для соседского города-государства? Осознав это, Артем задумался, не зайти ли тихонько обратно в операционную и подкинуть письмо обратно. А когда спросят, сказать, что ничего не видел.

В самом низу печати значилось “Совершенно секретно”. Конечно, куда же без этого. Если подстреленный — гонец, то почему один и без сопровождения? Почему вообще пешком? У сибиряков и спецсвязь есть, и вертолеты, и бронетехника. Им совершенно незачем отправлять человека в пустошь без припасов и в одиночку.

Вскрывать письмо Тема благоразумно не стал. Это точно бы уже не простили. Тем временем из здания администрации вывалился комендант — дядя Гоша, как называли его местные. За ним с виноватым видом плелся Миша, а с ними — Егор, командующий гарнизоном. Миша и другие дружинники-погранцы были его прямыми подчиненными.

Артемий медленно поднялся, встал в проеме лазарета — а они шли именно туда — и протянул письмо вперед, как бы приветствуя. Револьвер остался за ремнем, за спиной.

Комендант и сопровождение остановились напротив.

— Чего встал, мусорщик? — вместо приветствия спросил дядя Гоша. — Ну-ка отошел.

— Это письмо, которое было при нем, — сказал Артемий, не двигаясь с места. — Сначала посмотрите, а потом я вас пущу.

Комендант забрал письмо. Стал напряженно вчитываться. Егор, выше его на голову, тоже читал через плечо.

Надо сохранять спокойствие, думал Артемий. Не первый раз называют мусорщиком. Не первый раз фронтирные хотят наделать глупостей. Они тут хозяева, с ними лучше сильно не ссориться.

— Дай-ка нож, Егор, — обернулся комендант на командующего. — Посмотрим, что там.

— Э, нет, — возразил Артемий, — это письмо не имеем права открывать ни мы, ни вы. Оно адресовано конкретному человеку в Атоме. И, кажется, мы все понимаем, кому.

— Самый умный? — мутный, подернутый глаз коменданта уперся в “мусорщика”. — Я тут полномочный представитель, мне можно.

Толстяк снова повернулся на Егора, который уже тянулся к чехлу на поясе, поэтому Артемий не упустил момент и выхватил конверт.

— Охерел совсем?! — тут же взревел комендант.

Тема благоразумно отступил за порог — Егор уже стоял с ножом в руке, а Миша с сомнением тянул двустволку с плеча.

— Как представитель Института Реконструкции я вынужден препятствовать вскрытию документации, — спокойно ответил Тема. Он был в слабой позиции, полномочий у него было мало, а силовые аргументы — тяжелые, стреляющие, — лежали в тайнике, почти в километре от поселка.

— Мы погранцы, дурак, что там твой Институт? — вступил Егор. — Этот конверт — угроза, и мы должны с ней разобраться. Подстрелыш, кстати, до выяснения, тоже угроза.

— Убьете его на операционном столе?

— Возьмем под охрану, — ответил Егор. — Спокойно, Артем. Тебе эти проблемы не нужны.

— Я мусорщик, мне все нужно.

— Да скрути ты его, Егор, — взвизгнул за широкой спиной командующего дядя Гоша.

Глава гарнизона его не слушал, потому что лучше понимал, что происходит. Конверт очевидно был не простым — тайное послание от

Сибирской республики, да такой тайное, что его по радио передать не могли, только письмом лично в руки. В Атоме давно зреет противостояние между Военным Институтом и всеми остальными Институтами. И если конверт попадет в руки гарнизона, то информация оттуда усилит силовиков. И наоборот. Он отлично понимал, почему Тема уперся.

Институтский собиратель будет сопротивляться. А значит скрутить его живым или непокалеченным станет сложнее. И если вдруг так произойдет и новость разойдется, то уже через неделю заставу наводнят контролирующие органы всех уровней. Последнее, что нужно командующему на далекой заставе — это такие вот проверки.

— Поговорим? — спросил Артем.

— Прям в коридоре?

— Ага.

Егор сверлил его взглядом. Армейский довоенный штык-нож все еще был в его руке. Одно движение — и Артемий умрет раньше, чем успеет даже понять. Единственная его защита — это будущая головная боль командующего.

— Я собирался уходить в Атом в ближайшее время, — ответил Артемий. — Теперь, видимо, придется задержаться, пока сибиряк не поправится. Потом я заберу его с собой. И письмо тоже.

— Много на себя берешь, — вздохнул Егор. — Михаил!

— Да! — тут же отозвался Миша откуда-то с порога.

— Встань на охрану лазарета снаружи. Никого не пускать. Дверь закрой за собой.

— Скрутить, Егор… — начал было дядя Гоша, но Егор остановил его, подняв руку.

— Извини, Новиков, — сказал он ему, — но тут все иначе складывается.

— Егор, не глупи!

— Хорошо, что ты здесь, — продолжал командующий, — в случае чего, вдвоем на дно пойдем.

Артемий уловил мысль Егора вовремя. Тот все же решил идти привычным путем. Конечно, что еще может придумать вояка. Сделать так, чтобы Темы как бы и не было никогда. Закинуть его труп в болота и сказать, что таковой собиратель не приходил никогда на заставу.

Главное, заставить всех молчать. Юлий, добрая душа, поможет скрыть улики, ему такие проблемы не нужны, а Гоша навсегда заткнется, чтобы место коменданта не потерять.

Херовая ситуация!

В последнюю секунду Артемий вспомнил про трофейный револьвер. Выхватил его и направил в лоб Егору до того, как тот успел сделать движение ножом.

Тема не помнил в каком положении он закрыл барабан. Возможно, прямо напротив ствола сейчас и нет пули. Но Егор-то об этом не знает.

— Это ваша третья проблема, — пробормотал Тема, — вы всегда приходите с ножами на перестрелку.

— Что?!

Конечно, никто кроме собирателей не знает довоенных приколов. Он и не претендует. Сказал это для себя

— Не советую громко кричать, — продолжил Тема, — а то знаете, Миша разнервничается, заглянет. Дробь в тесном помещении — плохой друг.

— Ты угрожаешь оружием официальному лицу! — зашипел комендант из-за спины Егора. — Тебя за такое…

— Что? Сошлют на дальнюю орбиталь? — Тема улыбнулся. — Как хорошо, что я уже здесь, правда?

— На антрацитовых шахтах задушат, идиот, — заметил Егор, он держался очень спокойно.

— Ножик приберите, офицер, — деловито попросил Артемий. — И попробуем сначала.

— Что за волына у тебя? Тебя же шмонали по прибытии.

— У собирателей свои секреты. Ножичек!

— Иди нахер. Тебе шум нужен еще меньше, чем нам. Не выстрелишь. Нож пока наизготовке побудет.

— Тогда будем так стоять, пока Юлий не появится, — ответил Артем.

— Это тянет на измену! — продолжал шипеть дядя Гоша. — Чего ты добиваешься?

— Застава на дальней орбитали, через которую даже важные пути не проходят? — Тема задумался на секунду, — не, на измену не тянет. Так, периферийные разборки.

— Конвертик-то не периферийный.

— Я тебя, Егор, насквозь вижу. Тебя в Военном институте повысят, если письмецо в обход прям им в руки попадет. Небось надоело тут на отшибе лямку тянуть?

— У нас граница потенциального противника в полусотне километров, — сказал Егор. — Зря ты думаешь, что я тут выслужиться пытаюсь. Ты, может, прямо сейчас родину продаешь с этим конвертиком. Остановить тебя — мой долг.

Артемий ощутил укол страха. Командующий умел вертеть ситуацией и тупым воякой не был. При случае можно сказать, что подстреленный — диверсант, а Артемий — пособник, внутренний враг. Как и весь Институт Реконструкции. Суки, предатели, пятая колонна. Хотят продать Атом с потрохами. Да, такое могло бы сработать. Особенно если принять тот факт, что Сибирская республика действительно не против принять Атом в свои ласковые объятия.

И про границу все правда — сметенная войной с лица земли Югра совсем рядом, а сразу за ней — тяжелые, отравленные воды Томи, по которой сейчас проходит граница Сибирской республики.

— Тупик, получается, — сказал Тема.

— Да я бы не сказал, — Егор выглядел расслабленным. — У тебя курок не взведен. Один удар и все кончится. Без всякого шума.

— Он самовзводный, — ответил Тема. Уж в чем, а в довоенном оружии или в его репликах он разбирался.

В этот момент открылась дверь операционной. Юлий, снимающий на ходу окровавленные перчатки, замер в проеме.

— Что, вашу гребаную мать, тут происходит? — спросил он. Он не испугался, а наоборот злился.

— Как там сибиряк? — спросил Тема.

— Нормально, — ответил доктор. — Скоро придет в себя. Парень не просто сильный, он… у меня даже такое впечатление, что… Впрочем, это неважно. Я спрошу еще раз — что за херня у меня в больнице? Выметайтесь вон с этим дерьмом.

— Ничего-ничего, Юлий, — ответил комендант. — Усмиряем предателя, все под контролем.

Врач посмотрел на нож, на револьвер.

— Под контролем? — спросил он. — Я примерно знаю о скорости реакции хорошо подготовленного собирателя и прекрасно знаю состояние здоровья нашего дорогого Егора. И как врач могу заявить,

что в случае чего эти оба убьют друг друга почти одновременно. Я бы не назвал это контролем.

— Я защищаю вашего пациента, доктор, — ответил Тема. Ему было важно, чтобы Юлий встал на его сторону. Он человек образованный и, по идее, должен представлять Институт Медицины. Должен сообразить, что за хрень тут творится.

— Вы что, пришли сибиряка убивать? — спросил Юлий.

— Взять под стражу, — устало пояснил Егор, — а этот взбрыкнул. Придумал хрен знает что, видимо.

— А зачем его под стражу?

— Если это действительно сибиряк — то надо разобраться, что он тут делает.

— Отбился от своих, очевидно, — ответил Юлий и пожал плечами. Посмотрел на письмо в руке Темы. Задумался.

Давай, док, думал Семен. Пойми, что тут вопрос о сохранности Атома как такового. И лучше быть на стороне тех, кто не хочет все разрушить.

— Политический конфликт интересов, — Юлий усмехнулся, — в моем лазарете. Смешная штука — судьба. Опусти нож, Егорка.

— Ты охренел, Юлец?

— Какой у тебя выбор? Меня тоже зарежешь? Этого ладно, ты в пустоши скинешь, никто ничего не скажет, собиратели в пустоши дохнут регулярно. А с меня вопросики будут. И геморрой твой лечить кто-то должен.

Видно, как у командующего эмоции боролись с логикой. На лбу выступили вены. Давай уже, бля, думал Тема, у меня рука устала револьвер держать.

Доктор тем временем отошел от двери операционной и толкнулся в свой кабинет.

— Стой на месте! — рявкнул ему Егор.

— Ладно-ладно, — Юлий даже поднял руки, не успев открыть дверь, — я не понял, что ты еще думаешь.

В этот момент Тема краем глаза заметил движение — в операционной. Он осторожно покосился туда. На столе никого не было. Подстреленный, кто бы он ни был, исчез.

Самостоятельно передвигаться он вряд ли бы мог. Значит, доктор его спрятал. Мудро.

Не успел Тема придумать, как обратить внимание Егора на новую деталь, как что-то быстро пронеслось мимо него и снесло командующего с места — вот он стоял, и вот его уже нет, а все что видит Тема — это медленно падающий на жопу дядя Гоша. Револьвера в руке у Темы тоже уже не было. Он просто тупо стоял с протянутой рукой.

Мгновенно, как показалось Теме, он перевел взгляд к входной двери, но там уже все закончилось. Егор лежал на спине, его штык-нож был в высоко поднятой руке совершенно голого человека, который стоял коленом на груди командующего. Вторая рука упирала ствол револьвера поверженному в шею.

Это подстреленный? Какая невероятная скорость! Тема даже не успел почувствовать ничего, когда револьвер пропал из его руки. И это делает человек, получивший из дробовика в грудь в упор совсем недавно?

Мускулистая спина пациента была покрыта кучей старых шрамов. И он был чист и полностью гол — что было логично, вряд ли Юлий оставил бы его грязным и септическим.

— Эй, док, — сообщил человек обычным голосом, который мог бы принадлежать тысяче других людей, — спасибо, что подлатал.

Ч1. Глава 2

Кабинет коменданта был жестко прокурен. Пепельница на столе была с горкой заполнена окурками самокруток. Сам дядя Гоша закурил сразу, как только опустился в свое кресло во главе Т-образного стола. Егор и Артемий сели друг напротив друга, а уже облаченный в одежду с чужого плеча, Юрий, все еще с револьвером в руке, встал в торце.

Да, его звали Юрий. Юрий Скай. Так он представился.

Письмо он положил в середину стола, между Егором и Артемием.

— За это письмо, — сообщил он, — погибло шесть очень хороших людей. Больше никто не умрет. Я позабочусь.

Никто за столом и не сомневался, что он позаботится. Точно сможет.

— Советую также никогда больше не трогать мои вещи, — сказал он, глядя на Тему.

— Если бы я не взял ваш револьвер, вы бы очнулись в клетке.

— За это, конечно, спасибо, — ответил Скай. — Но в будущем, пожалуйста, не надо.

— Мы уже поняли, что ты можешь убить всех в этой комнате за секунду, — встрял Егор. — Что тебе нужно?

— Проход, — ответил Юрий.

— В Атом?

— В Атом, — кивнул он. — Я доставлю это Ректору, с вашей помощью или нет, — и он слегка двинул стволом письмо.

— Что вся эта херня значит? — жалобным голосом спросил комендант, выпуская дым. — Откуда ты такой взялся? Что это за письмо? И главное — какого хрена ты такой сильный и скоростной?

Тема посмотрел на коменданта. Что ж, ситуация была такая, что можно было и сказать.

— Вакцина Хейденберга, — сказал он.

— Чего?

Глаза Егора расширились, и он внимательно посмотрел на Юрия. Новым взглядом.

— А ведь и правда… — пробормотал он. — Другого объяснения нет.

— Что происходит? — в голосе коменданта появились визгливые нотки.

— Вакцина Хейденберга, — повторил Тема, — довоенная разработка. Сыворотка суперсолдата. Видимо, в Сибирской республике отыскали действующие образцы. Или… научились делать сами.

Егор схватился за голову и откинулся на спинку кресла. Артемий был уверен, что он сейчас забыл и про письмо и про институтские разборки. У республиканцев, при прочих преимуществах, есть еще и суперсолдаты. В этом случае Атому конец, если вдруг сибиряки решат, что пора присоединять независимый город. Возможно даже в письме написано именно это. Ультиматум. Присоединяйтесь или мы пришлем тысячу таких, как гонец. Быстрых, сильных, выносливых убийц, с которыми не сравнится ни один из ваших солдат.

— Мы не сдадимся, — пробормотал Егор. Похвальная преданность родине, что сказать.

Юрий улыбался, ему явно нравилось произведенное впечатление.

— Именно поэтому это письмо будет передано лично в руки Ректору, как тут и написано, — сказал он, — потому что у вас в голове “мы не сдадимся” и прочий мусор.

— Почему вы один? — спросил Тема.

— Потому что остальные умерли, — просто ответил Скай. — Точнее убиты. Наш вертолет сбили над Топками. Ирина Львова, наш лидер и дипломат, умерла при падении. Пилот тоже. Остальных добили на земле. Всех, кроме меня.

— Кто добил? Рейдеры?

— Не совсем.

Очевидно было, что Юрий не собирается рассказывать, кто на них напал.

— Над Топками… — пробормотал Тема. — Как вы тут-то оказались? Шли бы напрямую к Атому через пустошь. Для вас, как я понимаю, это не проблема.

— Я шел вдоль железки, — признался Юрий, — так надежнее. К тому же, если нас перехватили над Топками, то они уже отрезали нас от Атома со стороны Кузбасса. Меня бы нашли.

— Да кто они-то? — уперся комендант.

— Это я буду обсуждать с Ректором.

— Если появилась какая-то новая сила, нам нужно об этом знать сейчас, — оживился Егор.

— Вам, может, и повезет, — пробормотал Юрий. — Впрочем, это неважно. Дело срочное. Я пойду в Атом и лучше бы вам помочь. Или, как минимум, не мешать.

— Я сам собирался идти в Атом, — сказал Тема, — так что могу быть проводником.

Юрий помотал головой.

— Один я быстрее дойду.

Это было очевидно. Наверняка он мог без устали и сна идти непрерывно несколько дней. Но никто не знает местность между дальней орбиталью и Атомом так хорошо, как собиратели. Тема озвучил эту мысль.

— Разумно, — кивнул Юрий. — Транспорт? Железка до Атома идет, как я понимаю. Мотодрезина какая-нибудь?

Все трое за столом переглянулись.

— Железная дорога идет через Пятно, — пояснил Тема. — По ней никак.

— Вам — никак. Я пройду.

— Полотно тоже сам проложишь? — спросил комендант. — Сразу видно, республиканский, диких мест не видел…

— У нас Пятна тоже есть, — серьезно произнес Юрий. — Везде они есть.

— Такого большого нет, — возразил Егор.

Юрий кивнул, соглашаясь, но промолчал.

— В обход Пятна я проведу, — сказал Тема, — по краю пройдем, есть пути, которые только собиратели знают.

— Вот и нечего их республиканцам светить, — заметил Егор.

Тема только глаза закатил.

— Хорошо, тогда идем, — кивнул Юрий.

— Какие гарантии, что ты не вальнешь Ректора, как только его увидишь? — спросил командующий. — Как мы вообще можем быть уверены, что ты тут не навалил полное ведро чуши?

— Никак, — легко ответил Скай. — Но выбора у вас нет.

Комендант сморщился, затушил сигарету и повернулся к Егору.

— Если его и отпускать, то хотя бы с сопровождением, раз он не против. Тебе есть кого выделить?

* * *

Шли вдоль железки по насыпи. Вокруг шумели сосны, щебень скрипел под ногами. Ржавые рельсы некогда могучего Транссиба утопали в низкой травке, которая густо проросла меж шпал.

Определились так — Юрий идет впереди — у него, как выяснилось, и взгляд острый, любое движение видит издалека и реагирует мгновенно. Любой отряд рейдеров заприметит заранее. Вторым за ним — Тема, прокладчик пути. И замыкает Миша.

Он очень удивился, когда Егор снарядил его в экспедицию до Атома, но при этом и обрадовался. Побывать в городе ему удалось бы еще не скоро, когда отпуск подойдет, а так — вроде и на работе, а вроде идет в цивилизацию. Можно тысячу раз бухтеть про “городских” и кичится своей фронтирностью, но Атом есть Атом. Лучше жить за его стенами, спать в теплой постели и умываться незараженной водой. И не иметь привычки любой выход из дома превращать в вооруженную вылазку.

Днем они двигались вдоль рельс, а ночью спускались с насыпи и разбивали палатки под ее защитой — и от ветра, и от лишних глаз. Почти всю дорогу вдоль путей тянулся разросшийся бор — потомок довоенных лесополос вдоль железки. Сосны, в отличие от других деревьев, от катастрофы оправились быстро и легко осваивали пространства, которые раньше занимали другие деревья.

— На Сокуре свернем на ветку, — объяснял маршрут Тема, — только с насыпи сойдем пораньше. От нефтебазы фонит жестко.

Он был в полной экипировке — разгрузка, рюкзак, пистолет на поясе, в руках — нечто, ставшее сюрпризом, как для Миши, так и для Юрия. Электромагнитный ускоритель. Ложа и приклад были деревянными новоделами — Артемий сам выточил на станке, а вот вся остальная начинка оригинальная, довоенная.

— Большая редкость, — признал Юрий, глядя, как Тема достает рельсотрон из тайника.

— По документации к нему еще идет дрон-целеуказатель, — поделился Тема, — но такой мне найти пока не удалось. Мог бы подсвечивать цели за укрытиями. Снаряду из этой штуки ничего не преграда, даже армированный бетон.

— Снаряду?

— Официально патроны для ускорителя снарядами зовутся. Хотя на вид пули, как пули, конечно, просто без гильзы.

Артемий был собирателем — сотрудником Института Реконструкции. Его целью было искать, сортировать и классифицировать довоенные технологии. Полевые работники, умеющие выживать в пустоши были на вес золота и крайне ценились в Атоме. Именно поэтому Артемий мог позволить себе борзеть в поселках и заставах дальних орбиталей — он был ценным гражданином, а потому имел кое-какие полномочия и послабления. Возможно, лишь благодаря этому он был сейчас жив, а не лежал где-то в болоте с ножевой раной в шее.

Ветка Сокур — Барышево шла в стороне от Новосибирского Пятна, что позволяло безопасно обойти зону отчуждения, если ее придерживаться. Местность вздымалась небольшими холмиками, между ними — текли речки, напрочь заболачивая все вокруг. Старая дорога плавно извивалась в разные стороны, следуя рельефу. Иногда на ней попадались старые, насквозь прогнившие вагоны, когда-то груженые углем — теперь на черных кучах росли кусты и деревца.

— Дорога же в обход Пятна идет, почему бы ее не использовать? — спросил Юрий.

— Зачем? — ответил Миша, — она все равно в Пятно вливается в районе Барышева. В Кольцово такой фон, что нам придется мощного крюка дать — ближайшая безопасная переправа в Плотниково.

— Мы бы уже там были, если бы я вел нас через Плотниково, — ответил Тема, — мы идем другим путем.

— У тебя, мусорщик, совсем фляга свистит? Через Пятно нас поведешь?

Тема остановился. Повернулся к Мише.

— Тут тебе не застава, — спокойно сказал он, — а пустошь. Средняя орбиталь, если по-нашему. Здесь ты без собирателя или хотя бы местного, умрешь за пару часов. Так что подумай в следующий раз, прежде чем говорить “мусорщик”.

Миша проглотил это молча. Он понял, что сказал лишнего. Только ремень своей двустволки поправил.

— А насчет Пятна не беспокойтесь. Тут есть местечко, как в игольное ушко проскочим.

— Почему тут без собирателя не выжить? — спросил Юрий.

— Потому что фонит почти все. Это у вас получилось поселки связать, железку восстановить и республику устроить. А у нас здесь, из-за того, что Атом был зонтиком прикрыт, все на себя земля приняла. Ракеты, которые на тогдашний Городок летели, все сошли с курса — и ложились в поля. Тут мелкие пятна везде. Те, что умели менять цель после подавления падали на Новосибирск — потому и местное наше Пятно крупнее чем любое другое ваше. Каждая ракета несла три боеголовки минимум. Каждая летела в свою четко обозначенную цель… И тут зонтик срабатывает. И дурацкие чипы в маленьких мозгах этих боеголовок решали, что раз не получается упасть на цель, нужно найти другую — самую простую и большую…

— Центр города, — пробормотал Скай

— Ага. Представь — в одну и ту же точки с небольшим разбросом раз за разом прилетает ядерный заряд, один за одним… У нас не Пятно, а бетонный фарш. Никто, конечно, этого не видел, но представить можно. А поля вокруг города — сплошь кратеры.

— Но вы все равно ведь не можете победить радиацию.

— Нет, — признался Артем, — но мы, собиратели, эту земли хорошо изучили и для себя пометили — вы эти пометки и не заметите, а я вижу.

Перед Жеребцово они сошли с путей — Тема намеренно не хотел заходить в населенные пункты. Мало ли, что этот суперсолдат может там устроить.

Жеребцово — поселение крупное, средняя орбиталь. И Скаем там могут заинтересоваться люди более серьезные чем командующий дальним гарнизоном.

— Срежем через лес, — сказал он. — Выйдем к ветке на ТЭЦ и заночуем на кирпичном заводе. Там стоянка собирателей обустроена.

Чтобы идти было легче — двинули по просеке, оставшейся от довоенной силовой линии. Она поросла бурьяном, но идти через нее было куда легче, чем ломиться в чащу.

Проводов давно не осталось, а вот старые фермы опор стояли — заржавели, обросли мхом и какими-то ползучими растениями.

Тема здесь вышел вперед — заметить их среди деревьев было сложнее, а вот отыскать путь мог только он. Позади него шел Юрий, и он пер как танк, даже дыхание не участилось. Еще умудрялся оставаться почти беззвучным — никакая веточка под его ногами не

хрустела. А вот Миша пыхал позади, шумел, цеплялся за ветки своей двустволкой и то и дело чертыхался.

К ветке вышли уже на закате. Лес стал куда реже и моложе — они вышли в довоенные небольшие поля. То тут, то там попадались вросшие в землю остовы тракторов и комбайнов. Ветка шла через бывшие поля с востока на запад, в одну колею, а сразу за ней стояло широкое и низкое здание кирпичного заводика. Рыжие штабеля кирпичей поросли травой, окна были выбиты, старый кран — опрокинут, стрела плотно ушла в землю.

Внутри все продувалось, но одно помещение удалось отгородить и приспособить под безопасное спальное место с печкой, на которой можно что-то приготовить и даже с водопроводом — вода была из подземного источника, не очень чистая и радиоактивная, но для кипячения сгодится.

Кровати были сбиты из грубых досок, но зато на них лежали вполне приличные матрасы — поспать на таком после палаток и спальных мешков — счастье.

А еще тут было электричество от небольших солнечных панелей на крыше. Поэтому не нужно было разводить костер, чтобы пообедать горячим. Кроме того — здесь было радио. Работающее только на прием, но в любом случае важная для собирателей штука — на определенной частоте шла постоянная сводка о погоде в разных местах, о последних новостях от собирателей в округе — все это собирала диспетчерская в Атоме и вещала на выделенную волну.

— Ну что, послушаем Пятно? — спросил Тема, подходя к приемнику с кружкой заваренных трав.

— Что? — спросил Юрий.

— Нахрен оно надо? — уточнил Миша.

— Традиция, если хотите, — ответил Тема. — Завтра мы с вами кусочек Новосибирска увидим, так чего бы не послушать что нового.

— Погоди-погоди, — не унимался Скай, — кто-то вещает из Пятна? Изнутри города?

Проще один раз показать, чем пытаться объяснить. Артемий включил радио — оно взорвалось помехами. Стал крутить ручку до нужной частоты. И вот она. Станция Нового Храма.

— …в день шестьдесят девятый Пришедшим было сделано иное дело — взято было три мужчины и три женщины из поколения

сибирского и выяснено, что все они — потомки Полного Списка, — приемник похрипывал, но голос диктора был отлично различим. — Тогда Пришедший объявил их своими апостолами и назначил каждому дело — размножаться и выживать всеми силами, чтобы сила Списка могла воспроизводиться…

— Какая-то религиозная пропаганда, — пробормотал Юрий. — Причем тут Пятно?

— Считается, что трансляция ведется оттуда, — пожал плечами Тема, — более того, утверждается, что удалось запеленговать точное место.

— И?

— Вещание идет из здания Оперного театра. Ну, из того места где оно может быть еще есть.

— То есть из самого сердца Пятна? Куда, по твоим рассказам, били ракеты одна за одной…

— Ага.

— Как это возможно?

— Да никак, — ответил Тема, — наверняка чья-то дурацкая шутка. Но люди в это верят. Видишь ли, эта пропаганда, как ты сказал, довольно убедительна. Люди верят, что в центре Пятна есть Новый Храм, что там живет Пришедший, и он ждет верных, чтобы они вместе могли вознестись. И буквально призывает всех идти в Пятно.

— И люди идут?

— Идут, — вздохнул Тема, — и дохнут, конечно. Во всяком случае, никто не вернулся, из тех, что ушли глубоко. Те, кто вернулся — далеко не заходили, а возвращались, потому что кровью блевать начинали. Помочь им уже нельзя, как правило, — Тема помолчал, но все же добавил главное. — У меня так родители умерли.

— Соболезную.

— Это давно было, — отмахнулся Артемий, — но люди продолжают уходить иногда.

Юрий задумался.

— Я мог бы дойти в теории, — сказал он. — Мне радиация не так страшна.

— И? Думаешь там сидит кто-то невосприимчивый к радиации и ведет вещание?

— Да я так… у меня дела поважнее есть.

— Вот именно.

— А что за Полный Список?

— О, это тебе надо целую лекцию прочитать. У этого Нового Храма огромная мифология, он всегда что-то новое вещает. Полный Список — это что-то типа списка идеальных людей, которых когда-то до войны отобрали для того, чтобы возродить род человеческий. Отобрали самых лучших генетически. Какая-то сраная евгеника, в общем.

— Если подумать, до войны вполне могли таким заниматься, — отозвался Миша.

Тема покачал головой.

— Мы в целом слабо представляем, чем люди занимались до войны.

— Ну, делали кирпичи, как минимум, — ответил Миша.

Ч1. Глава 3

Юрий разбудил Тему до подъема. В мутное окно било рассветное солнце. Республиканец прижал палец к губам и указал на окно. Они вдвоем аккуратно выглянули наружу. У кирпичей стояла самодельная самоходка на гусеничном ходу и из нее вылезали люди — два человека в камуфляже оба с автоматами. Тема пригляделся.

— Спокойно, — сказал он, — свои.

В недрах здания послышались шаги и разговоры и через некоторое время в комнате появились Андрей и Паша, они же Корма и Пятый по позывным на собирательской частоте.

— О, да тут занято, — сообщил Андрей, — здорово, Фонарь.

Тема поздоровался в ответ.

— Мы уже освобождаем, — сказал он, — Эй! Михаил! Подъем!

Миша нехотя разлепил глаза и стал ворочаться, просыпаясь.

— Ты в Атом? — спросил Пятый. — Хороший груз?

— В Атом, — кивнул Артемий. И посмотрел на Юрия. По сути вот он — его груз. Наиболее ценная его часть, конечно, в кармане, но и самого бы республиканца доставить в целости и без опасных приколов.

— В этот раз по мелочи, — ответил он, — микросхемы старые, оптика какая-то.

Пятый кивнул.

— А вы, смотрю, на транспорте. Далеко собрались?

Корма улыбнулся.

— На Северск идем, — сказал он. — Ну это так, разведка. Туда, понятно, большую экспедицию надо снаряжать.

Добраться до Северска — большая мечта многих собирателей. Но без должной подготовки и, что самое важное, финансирования, такую операцию не провернуть. Очевидно, что ребята выехали скорее на энтузиазме, чем с реальным планом. К тому же Тема был из скептиков. Он был уверен, что подобные города просто не могли устоять и были уничтожены до основания первыми.

— Осторожнее там, — сказал он.

Собиратели тем временем оглядывали спутников Артемия. Миша их явно не интересовал — обычный чувак с фронтира, на что тут смотреть, а вот второй…

— Юрий, — сказал Скай и протянул руки. Собиратели охотно представились. Сонный Миша пока ничего не соображал и просто продирал глаза.

— В Атом сопровождаю с дальней орбитали, — пояснил Тема, надеясь, что лишних вопросов не будет. Для любого собирателя быть провожатым — обычное дело. Постоянно кто-нибудь набивается в попутчики за деньги или за услугу.

Ребята ничего уточнять не стали — просто раскладывались. Впрочем, совсем без любопытства не обошлось — опытный взгляд Андрея скользил по куртке Юрия. Такого в Атоме не водилось. Слишком лощеное.

— Что вы там на дальняке делали-то? — спросил Андрей Ская.

— Письмо доставлял, — коротко ответил республиканец.

— Письмо… — Андрей внимательно, повернув голову набок разглядывал рукоять револьвера в кобуре.

— А вы чего с утра-то решили остановку сделать? — спросил Тема, чтобы отвлечь ребят от гостя.

— Да колымага эта не едет нихрена, — пояснил Паша, — сейчас полезем смотреть, что не так. Потому что если серьезная поломка — придется обратно поворачивать.

— О, так если обратно, то, может, подбросите? — спросил Миша.

Кто тебя просил рот свой открывать, простая ты душа, в сердцах подумал Тема. В дороге уж точно возникнут вопросы, не говоря уже о переправе через Иню.

— Нет, — жестко ответил он. — Мы не будем ждать, пока вы там разберетесь, что не так. Только время потеряем, если вы все же дальше двинете.

— Скорее всего и двинем, — кивнул Пятый.

— Чего не в Жеребцово-то поехали? Там наверняка механик есть.

— Ага, знаем мы. Только доломает…

Пока группа завтракала собиратели постоянно терлись рядом и это стало напрягать. Тема переживал, что Юрий, который, кажется, после жесткого приема на заставе, собрался быть максимально добродушным с каждым встречным, возьмет да проговорится, что он

республиканец. На всякий случай такое лучше держать в секрете. Собиратели люди любопытные, а в их деле, кажется, лишнее внимание ни к чему. Миша тоже надежным не выглядел — слишком простодушен.

Но все обошлось — быстро распрощались и группа вернулась на ветку. Сразу за заводом местность пошла рыхлая, со стоялой водой — в общем, болото.

— Железка идет к электростанции, то есть прямо в Пятно, — предупредил Тема, — нужно вовремя сойти будет. Так что вперед меня не убегать.

Они бодро шагали дальше. Через какое-то время в пути ветка ныряла под эстакаду. Дозиметры у всех троих легонько затрещали.

— Гусинобродский тракт, — сообщил Тема, — город совсем рядом.

Эстакады было две — узкая и широкая. Та, что широкая частично обвалилась — ржавая арматура торчала из бетона.

— Не поцарапайтесь. Заражение крови в пустоши пострашнее радиации.

Аккуратно протиснулись, попялились на совершенно утопшую в новом грунте ленту дороги, уходящую к городу, двинулись дальше. Дорога снова ушла в лес, но за трактом он был другим — рыжим, больным. Это были уже не сосны, а сплошной березняк. Дозиметры продолжали потрескивать.

— Радиация шкалит, емана, — протянул Миша. — Залезли в дебри…

— Ты от воды на своей заставе больше хапаешь, — возразил Тема, — ничего страшного. На золоотвале будет посильнее, так что сильно не глазейте, задерживаться не будем.

Вскоре они сошли с путей — дальше двигаться было опасно. Они были у самой кромки Пятна.

Золоотвал показался сначала меж деревьев — блеснула голубая вода. Затем вид открылся полностью — лазурная гладь, будто они внезапно перенеслись к берегам южных морей. Опытный же глаз видел в этом неестественном цвете лишь одно — яд.

— Хера! Это от радиации так? — спросил Миша.

— Нет, — Тема покачал головой, — вода всегда такой была. От золы, собственно.

Сразу за золоотвалом начиналось чистое поле — хотя вокруг был лес, там было голо, будто когда-то высекло всю растительность, и она до сих пор не могла там восстановиться. А за полем открывался вид на развалины электростанции. Решетчатые скелеты градирен частично держались непонятно на чем, бетонные стены, будто обломанные зубы, торчали в стороне — все, что осталось от энергоблоков. Ни труб, которые наверняка некогда высились, ничего другого, конечно, не было — большую часть строений не то чтобы снесло, а скорее испарило взрывной волной.

— Не торчим тут, движемся, — сказал Тема. Дозиметры и правда разогнались.

— Подожди, — Юрий всматривался куда-то вдаль. — Там кто-то есть.

— На ТЭЦ?

— Не, на том берегу озера этого. Вон там, у бетонного строения какого-то.

Республиканец протянул руку и указал пальцем. Тема достал бинокль из чехла и приложил к глазам. И правда, у насосной станции, в ее тени, будто бы ходили два человека. Они выглядели странно и через некоторое время Тема осознал почему — они были в костюмах химзащиты.

— Хрен знает, — сказал он, — может быть, полевое исследование какое-то проводят.

Тема убрал бинокль.

— Пойдемте, — сказал он. — Они в защите, мы нет.

Быстро пошли дальше. Теперь попутчики могли полагаться только на Артемия, потому что их уже не вела железка, а вокруг снова встал лес. Шаг влево, шаг вправо — и ты по бедро в чавкающей трясине. К тому же, дозиметры то затихали, то снова принимались стрекотать. Тема петлял, ведя сложной извилистой тропой, понятной только ему.

— Сейчас будет коттеджный поселок, — предупредил Тема, — заброшенный, довоенный. Видимость будет не очень. Глядите в оба.

— Какая опасность нас ждет? — уточнил Юрий.

— Дьяволы, — мрачно отозвался Тема. — Не настоящие, конечно. Отбитая группировка рейдеров, называют себя так. Кочуют вокруг Пятна, поэтому нам так и не удалось их всех найти и отловить. Хапают

облучение, поэтому, видимо, такие бешеные. Так близко к Атому никто из рейдеров подойти не решается. Кроме них. Чувствуют себя очень свободно на самом деле. Военный институт совсем не чешется.

— Что им, парней под Пятно отправлять, чтобы это отребье отстреливать? — сразу ощетинился Миша.

— Ну, как минимум, не выпускать их отсюда. Знаешь, сколько собирателей мы теряем почти под стенами Атома?

— Ну, вы же все из себя крутые и вон с какими пушками. Могли бы научится обороняться.

— И делать вашу работу, ага. На кой вы тогда нужны.

— Вон от них тебя кто будет оборонять, — и Миша кивнул на Юрия.

— Больно вы нам нужны, — отшутился республиканец, явно не хотевший вступать в спор.

— Дааа… сидим на жопах, хапаем бюджеты. Очень удобно. Главное понапридумывать побольше гипотетических угроз.

— Когда эта гипотетическая угроза придет к тебе домой и будет мутузить тебя прикладом — тогда и поговорим, — буркнул Миша. Тема даже как-то подумал, что погорячился. Все же дружинники Военного института сидят там, на отшибе, на фронтире и месяцами горячей воды из крана не видят и даже в лютые морозы в туалет ходят на двор, не говоря уже об остальном… Обидно, когда кто-то говорит, что это все зазря.

— У этих Дьяволов есть огнестрел? — спросил Юрий через какое-то время, убедившись, видимо, что местные перестали спорить.

— Да. Но мало и херовый. Стоит опасаться ближнего боя. Если попадаем в засаду — совсем худо будет, но нас вроде не ожидают. Если заметим сами, первыми — заляжем где-нибудь, рельсотрон разберется.

Юрий кивнул и задумался, как будто оценивал угрозу. Глядя на него, Тема даже как-то успокоился. Он вспомнил с какой скоростью умеет двигаться этот парень.

Поселок начался неожиданно, потому что сплошь зарос лесом. Двухэтажные кирпичные домики с плоскими крышами стали клумбами для кустов, из выбитых окон торчали ветки. Они стояли ровными рядами, так что можно было предугадать, где раньше были улицы и переулки. А еще их углы и стены представляли собой отличное укрытие. Тема старался не издавать ни звука и при этом

самому стать слухом — любой необычный шорох или хруст мог означать присутствие людей.

Так они прошли пару кварталов, пока не вышли к широкой свободной полосе — видимо, бывшему главному проезду через поселок. И прямо посреди этого проезда лежало тело. Кто-то в обычной гражданской одежде. С цветастым рюкзаком. Такой сюда случайно не попадет, если совсем не идиот. А значит — пленник, которого сюда затащили и убили уже здесь.

Юрий вопросительно посмотрел на Тему. Тот кивнул и снял с плеча ускоритель. Скай вытащил револьвер. Миша уже был с дробовиком наизготовку. Тема показал руками — отходим.

Они остановились за ближайшим домом. Артемий принялся снимать рюкзак.

— Снимите тяжесть, — прошептал он. — Я с рельсовой пушкой почти бесполезен в плотной застройке, так что при первой возможности перейду на короткий ствол. И все равно наша боевая мощь — это вы двое. Я схожу вперед, постараюсь разузнать, не ждет ли нас что. Если рейдеры встали тут стоянкой, то мы их просто обойдем по соседним проулкам.

— Давай я, — предложил Юрий. — Я двигаюсь бесшумнее.

— Да, но ты — груз, уж извини. Ценный. Мне надо доставить тебя до Атома.

Формально это было не так, ведь никто ему за сопровождение республиканца не заплатил, но Тема понимал всю важность Ская и конверта в его кармане. Если вдруг собирателя подстрелят — ничего страшного, Юрий и сам доберется до Атома, напрямую через оставшийся кусок Пятна на юге. Мишу только жалко. Облучится ведь весь, пытаясь выбраться в одиночку.

Обычно рейдеры не умеют вести себя тихо, да у них и нет такой задачи — они просто живут на пустоши, тусуются, грабят, убивают и презирают закон. Дьяволы не были исключением — их стало слышно, как только Тема пересек широкий проезд. Ржач, разговоры, звуки драки, стук металла, бьющееся стекло. Артемий двинул на звук дворами — они заросли деревцами и кустами, пробираться было тяжело и шумно, но зато его не заметят глазами, что в данном случае важнее. К тому же, Дьяволы любят обкладывать свои стоянки

капканами, прикапывать шипы в ямки и устраивать другие ловушки — так что очевидная дорога не лучший вариант.

В одном из проулков Тема обнаружил еще два тела — парень и девушка, лежат внахлест друг на друге, видно что их убили разом, яво из огнестрела, в спины. Возможно, при попытке побега.

Тема остановился, присел над телами. Убили совсем недавно, может, несколько часов назад. Совсем молодые ребята, может быть лет по двадцать, может и того меньше. Тема пошарил по карманам — но никаких документов не обнаружил. Наверное, рейдеры все вытащили, но мало ли. Без документов никого за стен города не пускают, в том числе именно по этой причине — нужно как-то опознавать мертвых, если вдруг наткнулся.

Сама стоянка оказалась в следующем квартале. Проходы были загорожены ржавыми остовами автомобилей, но патрулей или постовых не было — очевидно рейдеры не ждали нападения. У одного из коттеджей горел огромный костер, вокруг него бродило и перемещалось с десяток одетых в тряпье человек. Все были при оружии — дубинки сделанные из металлических труб, ножи, самопальный огнестрел. Ничего серьезного для трех хорошо вооруженных и обученных стрелков, если придется вступить в бой, но количество против низ. С другой стороны, проще всего обойти — по соседним кварталам или даже сквозь некоторые коттеджи. Неизвестно сколько еще рейдеров внутри зданий и неизвестно как с экипировкой обстоят дела у них.

Рейдеры пили — Тема заметил бутылки темного стекла и знакомые этикетки — гусиная лапка. Пиво, которое варят в Атоме. Отобрали у жителей. Скорее всего, какая-то молодежь выехала на природу, решила поэкстремалить. Не думали, что могут попасть в лапы рейдерам на ближней орбитали. Но вот попались.

Тема хотел уже отходить и возвращаться к своим — рейдеров обойти легко, как услышал женский вопль изнутри одного из коттеджей. Кто-то из пленников еще был жив. Вообще, по-хорошему, его Артемия, это не касалось. Он собиратель, а не военный. Не его дело выручать любителей из лап рейдеров. Сами виноваты, что полезли из города без подготовки. Ничего такого, у каждого своя жизнь. Закон пустошей.

Но до этого ему никогда еще не приходилось сталкиваться с живыми заложниками рейдеров. До этого он всегда видел последствия — изуродованные тела, распятия, сожженные трупы, просто умершие от голода, потому что рейдеры их где-то заперли, а потом забыли… Это все было ужасно и до отвращения разнообразно — каждая группировка имела свой уникальный почерк. Но это все равно было как бы частью пейзажа, частью собирательской повседневности.

Артемий аккуратно вернулся обратно, убедившись, что его не заметили.

— Дело такое, — прошептал он, — там с десяток рейдеров. Вооружены хреново, огнестрел только у нескольких и это все самопал. Возможно, и не стреляет вовсе. Они разбили лагерь, возвели небольшие баррикады. К сожалению, я не вижу, что внутри коттеджей. Может, там еще десяток будет.

— И? — спросил Миша.

— И можно было бы это все обойти, — признался Тема, — но у них заложники.

— И? — повторил Миша, — мы не спецназ, епта.

— Десять — это много, — признал Юрий, — если их там еще больше — то совсем печально. Особенно, если заложники заперты в закрытом помещении. Рейдеры займут круговую оборону, будут стрелять из окон — мы втроем ничего не сделаем, только гнездо разворошим.

Он говорил так, будто уже не раз планировал спасательные операции. Или штурм вражеских позиций.

— И потом, если они не совсем тупые, то в их интересах сразу убить пленников, как только мы начнем стрелять. С другой стороны… я понимаю. Я бы тоже захотел вытащить соотечественников.

— Можем выманить их, — предложил Тема, — ты, Юра, в гражданском, они могут на тебя клюнуть.

— Я же важный груз, — напомнил он, — разве можно меня делать наживкой.

— Отдай письмо, — предложил Артемий, — если что — послание дойдет.

Юрий помотал головой.

— Нет, так не пойдет. Но я согласен побыть наживкой. Меня они не возьмут.

— Я тебя почти убил, — напомнил Миша, — что за геройство?

— Если у них там оружие ближнего боя — то ничего страшного.

— Огнестрел тоже есть, — сказал Тема, — мало и скорее всего херового качества, но для обычного человека этого может хватить.

— Хорошо, что я необычный, да? — улыбнулся Юрий.

Ч1. Глава 4

Скай шел прямо по улице, как бы не замечая рейдерского лагеря. Он покачивался, шумел и делал вид, что слабо соображает где находится. Типа гражданский на природе, который решил, что алкоголь — отличное решение в такой ситуации. Револьвер был спрятан в рукаве куртки. Он был большой и тяжелый, поэтому видно было, как Юрий подгибает руку, чтобы тот ненароком не вывалился раньше времени.

Тема залег на крыше одного из коттеджей — с нее хорошо просматривалась вся улица, ближайшая баррикада Дьяволов и, собственно, перекресток, на котором сейчас бродила наживка в пижонской куртке. Тема следил через прицел, ему было не очень удобно — у ускорителя не было сошек, так как он все-таки собиратель и играть в снайпера не собирался. Миша был прямо под ним — у входа в коттедж, готовый выбежать оттуда на помощь Скаю в любой момент. Артемий переживал за него. Точнее, за то, что Миша опять зарядит в Юрия, но теперь уже просто по случайности.

Сначала рейдеры не реагировали — их собственный шум заглушал попытки Ская привлечь внимание. Но потом из коттеджа вышло еще двое — две девушки, пьяные и будто исцарапанные — видимо, подрались между собой, а может кто-то из пленных постарался. Они пили и о чем-то говорили, одна другой постоянно тыкала в бок самопалом, как бы угрожая. Через прицел Тема видел их совсем близко — припухшие от постоянного употребления лица, грязные комки вместо причесок, у одной в ушах — серьги в виде четырехлистных клеверов. Слишком чистые и аккуратные, а значит — трофей.

Они стояли на крыльце — повыше остальных, а потому не услышали, а увидели, что на перекрестке кто-то есть. Одна из них вытянула руку — палец с длинным грязным ногтем уперся прямо в Ская. Заорала — “Эй, чего, кто там, смотрите!”

Юра тоже услышал. И все кто во дворе тоже. От костра отделилось трое. Один с огнестрелом, второй с битой, обмотанной проволокой, третий — с тяжелой цепью. Они легко перемахнули через

баррикаду и двинулись к Юрию. Не бегут, идут неспешно — не такие уж и идиоты, получаются, понимают странность ситуации.

И всего трое, блин! Тема от досады поморщился. Они понадеялись одним человеком выманить всю банду. Ага!

Когда до Ская оставалось метров 10, тот вдруг ожил, повернулся — и посмотрел прямо на Тему и махнул рукой в сторону лагеря. Артемий сразу понял, что он имеет ввиду. Стреляй тех, кто в лагере, с этими я разберусь.

И сорвался с места так быстро, что троица сообразила, что что-то не так, когда центральный из них — тот, что был с самопалом, уже лежал на земле без признаков жизни. А Юрий уже стоял за спиной того, что с цепью и держал того за голову. Одно движение — и рейдер падает.

Что там началось дальше Тема уже не видел, потому что целился — вжжжж — и за спиной у девушки с сережками брызнул кирпич. Она еще какое-то время стояла и даже будто продолжала что-то говорить, а потом разом осела на крыльцо. Пуля с огромной скоростью прошла через ее мозг навылет. Вторую Тема выцелить не успел — она бросилась за костер, сообразив, что огонь скроет ее от снайпера. Вокруг огня началась суета — кто-то побежал на подмогу к своим, навстречу Скаю, кто-то вертел головой в поисках стреляющего, кто-то бежал в укрытие. Тема снял еще двоих, один из них упал прямо в костер, взметнулся сноп искр, откатился и остался лежать без дыхания, слегка дымясь.

Скай тем временем встретил новую партию у баррикады — один перескакивал через машину и угодил прямо под быстрый кулак, второй засел за машиной и даже успел выстрелить из самопала, но тоже пал под яростной и неуловимой атакой. Где-то еще должен был быть Миша, но у Темы не было возможности проследить еще и за ним. Юра был уже внутри лагеря и нужно было его прикрывать. Рейдер с разукрашенным лицом появился в окне, стал целить из ржавого автомата — и тут же обвис на подоконнике, автомат хряпнулся на землю. Еще один появился в проеме двери — на секунду, но Теме хватило. Рейдер успел что-то сделать и только когда у костра громыхнуло, Тема сообразил, что тот бросил гранату. Оставалось надеяться, что Юру не задело.

Затем Тема увидел Мишу — тот зашел слева, видимо, они успели как-то договорится со Скаем, сунул свою двустволку в проем окна — бах-бах, два выстрела. Затем сел под защитой стены и стал перезаряжаться. Юра тут же, призраком, ветром влетел в этот же дом через оконный проем. Стала слышна стрельба уже внутри. Тема понял, что и ему пора двигать, на этой позиции он уже ничем не будет полезен.

Он быстро скатился вниз по заросшей лестнице коттеджа, вылетел на улицу, разбрасывая гнилую мебель, перемахнул через баррикаду и по нему тут же начали стрелять — из противоположного дома от того, в котором исчез Скай. Тема сделал то же движение, что и рейдерка — прыгнул за костер. Она будто ждала его там — и бросилась с криком. Тема махнул прикладом — тяжелым ускорителем ворочать было неудобно, но зато и удар от него эгегей. Урона он не нанес, но избежал ранения сам — блеснул нож и тут же улетел в огонь, рейдерка схватилась за ушибленную руку, но не остановилась, а атаковала снова — и успешно, потому что Тема совсем не ожидал, что она пустит в ход зубы. Она впилась ему между шеей и плечом — больно до жути — и вся вдавилась в него своим весом, так, чтобы он не мог ничего сделать, не выпустив рельсотрона. Поэтому пришлось его отпустить — но пушка не упала, а осталась сжатой меж двумя телами. Тема принялся лупить по укусившей его башке кулаками, понимая, что потерял ориентацию в пространстве и не понимает. защищает ли его костер от стрелка или нет. Стрельба причем продолжалась — он слышал выстрелы и видел как ложатся пули в землю вокруг костра.

Рейдерка разжала челюсть удара только после восьмого и обессилено повалилась на землю, потянув за собой и ускоритель. Тема судорожно перехватил его — не хотелось, чтобы в устройство попала грязь. Он пару раз дал врагу ногой поддых, чтобы уж наверняка не шевелилась и оглянулся. Да, он все еще был за костром, стрелка видно не было. Внутри коттеджа были слышны звуки борьбы, Миша все еще сидел у стенки. И не двигался.

Твою мать, сообразил Артемий. Он ведь был на прямой наводке у стрелка. Плохо дело, но разбираться с этим придется потом.

Он закинул рельсотрон за спину, достал пистолет и провернул ту же историю, что и Скай, но гораздо медленнее — тяжело перевалился

через проем окна и упал на бетонный пол. И сразу понял, почему рейдеры заняли этот коттедж. Он был недостроен, одни бетонные стены — жилые довоенные дома быстро зарастают растительностью, грибком, всем чем угодно. Бетонные коробки как были без жизни до войны, так и остались по сей день.

Стрелок продолжал шмалять — пули выбивали бетонную пыль у противоположной стены. Тема отметил, что стрельба довольно беспорядочная, а потом рискнул — сделал рывок к дверному проему и сразу завернул за стенку. Там его ждала лестница и на ней — два тела, рейдеры. Один с дыркой от пули во лбу, второй будто дышит, но ухайдокан так, что двигаться не может.

Тема рванул на второй этаж. И сразу увидел Ская — вокруг него лежало четыре тела, а пятое он держал на весу, прижимая к стене. Этот рейдер еще был жив и в глазах его стоял ужас. У самого Юры из плеча торчала рукоятка ножа, с подклада куртки вниз капала кровь.

Тема осторожно заглянул в ближайшую комнату — там были раскиданы матрасы, видимо, рейдеры спали тут вповалку, пахло плесенью и никого не было. Потом он посмотрел в окно и сразу увидел стрелка — тот все еще выцеливал его внизу, в руках у него была хорошего вида винтовка — явно новодел, но качественный, городской. Тема поднял пистолет и выстрелил в грудь, особо не целясь — стрелок почти сразу упал, исчезнув из проема. Звук выстрела в почти в пустом бетонном помещений больно шваркнул по ушам. Скай, судя по звуку, закончил с противником. Тема пошел по комнатам и быстро нашел пленных, точнее — всего одну пленницу. Она сидела на полу в пустой комнате, обнимала собственный рюкзак, черные волосы закрывали ее лицо, на руках и ногах не было живого места от гематом и синяков. Позади нее были еще пленные девушки — но, к сожалению, уже мертвые.

Надо бы ей обозначить, что опасность миновала, но Тема не знал как. Он понимал, что она, скорее всего, в глубоком шоке и если он сейчас заговорит — она может очень испугаться.

Внутрь заглянул Скай. Вздохнул.

— Я разберусь здесь, — сказал он так уверенно, что у Темы не возникло никаких вопросов. — Где Миша?

Артемий побежал вниз. В противоположном здании все еще могли оставаться рейдеры, поэтому он был осторожен и наготове. На

улице он сначала обшарил глазами окна и только потом обернулся на Мишу.

Тот сидел, прислонившись к стене. Двустволка лежала на земле в раскрытом виде, в нее был вставлен только один патрон, второй валялся рядом. Миша так и не успел перезарядиться. Вся грудь была залита красным. Он был мертв.

* * *

Костер затушили. Живых Дьяволов связали репшнуром из набора собирателя и посадили в центре у пепелища. Некоторые были серьезно ранены дробью, другие приходили в себя после ударов Ская. Кусачая же уже как будто вполне оправилась и смотрела бешеными глазами.

Дозиметры резко реагировали на одежду и другие вещи рейдеров — видимо, они брали все это в зараженных областях.

С огнестрелом разобрались просто — раздолбали битами, а само холодное оружие раскидали по кустам.

Мертвых рейдеров скидали в один из коттеджей. Мертвых пленников и с ними Мишу положили у фундамента одного из домов. Выжившая заложница сидела на крыльце и мелко тряслась, держа ладони лодочкой. В этих ладонях лежали сережки в виде клевера. Оказалось, что это ее сережки и рейдерка сняла их с нее — надорвав мочки ушей.

Сами же Юра и Тема были ранены в одно и тоже плечо — у одного глубокий укус, у другого — серьезное ножевое, но вот только Тема вот уже полчаса кровоточил даже после обработки, а Юра будто уже оправился и больше расстраивался из-за дырки в своей классной куртке, чем от самой раны. Тема обработал укус перекисью из своих запасов, но все равно переживал — вряд ли эта сумасшедшая хоть раз в жизни чистила зубы. Не хотелось словить столбняк или еще что.

— Что будем делать? — спросил Юрий, глядя на рейдеров. Тех было шестеро. Слишком много, чтобы безопасно довести их до Атома и там отдать под суд.

Тема молчал. Он не считал Мишу другом, так, приятель с дальней заставы, но все равно дико злился, что тот мертв. Более того, он считал, что это он виноват — могли просто пройти мимо и уже были бы далеко отсюда, но нет, вздумалось геройствовать. Он смотрел на пленницу. Та явно еще долго не отойдет. Ее придется тащить за собой по довольно неприятному маршруту и следить, чтобы с ней ничего не

случилось. Да, они уже в ближней орбитали, но до Атома прилично топать и к тому же, они почти внутри Пятна, им нужно будет проскочить в игольное ушко между двумя областями смерти.

Стыдно и неправильно так думать, но он глядел на нее и думал — нормальный ли это размен жизнями? Неужели он выбрал сейчас кому жить — деревенский парень пусть погибнет, но зато молодая городская девушка выживет. Конечно, не то чтобы он прям специально выбирал, это стечение обстоятельств, но что-то внутри настойчиво говорило ему, что только что был совершен моральный выбор и с этим выбором придется теперь тащится через жизнь до самой смерти.

— Эй, — напомнил о реальном мире Юрий. — Нам нужно что-то решить с этими.

Тема оглядел пленных с ненавистью. Некоторые из них умрут очень быстро без медицинской помощи — тут нет доброго доктора, который выковорит из тебя вторгшийся без спроса металл. Один из мужчин был совсем плох, этого подстрелил сам Артем — у него было ранение в грудь, он с трудом дышал, но так как снаряд ускорителя проскочил навылет по прямой, а не стал гулять как обычная пуля, встретив ребра, был живым. Другие, которые пострадали от физической встречи с республиканцем, как будто выглядели способными выкарабкаться. Очень просто было бы сейчас пустить их в расход. Они будто бы заслужили. Да и закон пустоши не позволяет оставлять за спиной недобитков — они всегда вернутся мстить.

Но одно дело стрелять в бою и с расстояния, и совсем другое — связанных, в упор.

Юра ждал решения от него, хотя мог бы быстро разобраться сам. Он как бы говорил — это не Сибирская республика, это ваша территория, город Атом здесь хозяин, а значит тебе решать.

— Черт с ними. Пусть так связанные и сидят. Развяжутся — повезло, не развяжутся — ждет долгая смерть. Или не очень, если медведь забредет.

— Не черт, а дьявол! — выкрикнула кусака. — Ты пожалеешь, что оставил нас живыми. Меня зовут Марта! Марта, слышишь? Запомни это имя.

— Они будут тебя искать, если выживут, — догадался Юрий.

— Да, — кивнул Тема и пошел к пленной. — Как всегда. Обычное дело в Путошах.

— Здравствуйте! — сказал он. — Сейчас мы отсюда уйдем. Мы отведем вас в город, хорошо?

Он впервые заговорил с освобожденной. До этого с ней был Скай — вывел ее сюда, усадил. Она показала ему на серьги на трупе, объяснила, что это ее, тот помог ей снять их.

Она кивнула, не отрываясь от сережек.

— Как вас зовут?

— Л… Лена.

— Я Тема. Я собиратель и выведу нас отсюда. Но нужно будет взять себя в руки. Немножко постараться. Самое страшное позади, но мы все еще в пустоши. Понимаете?

Она снова кивнула. Губы ее тряслись. Он спохватился, протянул ей воды. Она сжала сережки в кулаке одной руки, а другой приняла фляжку — и стала пить. Вода потекла по подбородку и шее, смывая грязь и кровь. Лицо тоже было в синяках, как и руки.

— Р-рома, — сказала она напившись, — Леша… Таня… Всех убили.

Она была очень легко одета — футболка в обтяжку, шорты, кроссовки — реплика какой-то довоенной моды. И маленький черный рюкзачок, в который и запаса на день не поместится при выезде в пустошь.

— Где вас поймали?

— Н-на берегу.

— На Ине?

Она помотала головой.

— На заливе.

— Чего? На Бердском?

Она кивнула.

— Ты представляешь где ты? — осторожно спросил Тема.

Она помотала головой.

— Нас два дня катали. Говорили, что пустошь покажут, что мы, городские, не знаем ничего. Покатают и отпустят. Отобрали у нас все — алкоголь, припасы. Пили постоянно… потом… приставать стали…

Она снова стала захлебываться слезами, и Тема решил быстро перевести тему, чтобы девушка не погружалась в пучину ужасных воспоминаний.

— Катали? — спросил он. — Они были на транспорте?

— Что-то типа трактора… с телегой. Мы в телеге ездили. Он застрял где-то, нас заставили дальше пешком идти… тогда Олег попытался сбежать его в спину застрелили…

Итак, целая группа рейдеров безнаказанно каталась вокруг Атома, похищала людей и все очень свободно — если смогли от залива аж сюда, за Иню, доехать! Как вообще Дьяволы оказались к югу от Атома, они же от Пятна не отходят вообще? С чего они такие стали охренительно смелые? Есть что предъявить Военному институту. Какого черта они не делают свою работу?

Тем временем Юра притащил рюкзаки — в том числе Миши.

— Сильно тяжелый? — спросил Тема. Юра помотал головой. Впрочем, для него, наверное, все нетяжелое.

— Не хочется бросать вещи и оставлять этим. Эй, — он повернулся к девушке, — сможешь рюкзак нести? Это нашего друга. Он свою жизнь отдал за тебя. Понимаешь? Понесешь?

Она кивнула.

— Ружье на себя беру, — сказал Юра. Тема кивнул.

Они стали собираться. Лена тяжело встала, приняла чужой рюзак на плечи. Ее маленький рюкзачок Юра Скай приторочил к своему, который ему выдал комендант.

— Хей, — вдруг тяжело и сипло позвал стрелок с ранением в грудь, когда они уже стали уходить. — Я же умру тут. У меня легкое прострелено.

— Умрешь, — согласился Тема, повернулся спиной и перемахнул через баррикаду.

Ч1. Глава 5

Фермы недостроенного моста уходили вперед на другой берег. Под ними, метрах в двадцати внизу, зеленела вода Ини. Она выглядела стоялой, хотя, конечно такой не была — вода медленно катилась дальше, к Пятну, где она вливалась в широкое и мощное русло навсегда отравленной Оби.

— Недостроенный мост восточного обхода, — сообщил Артемий. — Наше игольное ушко. Мы, собиратели, называем его Канатом.

Название было говорящее. У моста не было полотна — идти предстояло по узким стальным балкам, балансируя над темной водой.

— Дай угадаю, — сказал Скай, — если упасть в воду — радиации хапнешь, что на всю жизнь хватит?

— Если повезет, — ответил Тема, — невезучие просто тонут. Двадцать метров и удар об воду — после такого тяжело плавать. Да еще в разгрузке и с рюкзаком.

— Я не смогу, — сказала Лена.

— Надо смочь, — отрезал Тема. — У нас два варианта — идти назад и давать кругаля через Плотниково или переходить здесь. И уже завтра мы будем в городе.

От слова “назад” глаза девушки наполнились ужасом.

— Я возьму оба рюкзака, — заявил Юра. — Пройду с ними в руках, как с балансирами. Без тяжести легко справитесь, — он улыбнулся Лене.

— А еще веревка есть? — робко спросила девушка. — Ну, для страховки.

— Это репик, — пояснил Тема, — он для этого не предназначен. Не выдержит динамической нагрузки.

— Динамической это…

— Это когда кто-то падает, ага.

Распределились, что Юрий пойдет первым, за ним — Лена, а Тема будет замыкать, как самый опытный. Ширина балки была приличной — почти полметра, по дорожке такой ширины можно и пробежаться. Но на высоте ощущения совсем другие.

Юрий легко и быстро пошел вперед, держа оба рюкзака на весу. Даже сквозь куртку было видно, как надулись его мощные бицепсы. За ним пошла Лена — гораздо медленнее, глядя себе под ноги, хотя выгоднее было бы смотреть вперед. И уже за ней ступил Артемий. Он ходил тут множество раз, поэтому шел с Леной почти впритык. Если вдруг она потеряет равновесие — можно даже ее поймать. Это будет рискованно — можно обоим свалиться. Тема не знал как поступит и надеялся, что проверять не придется.

Когда Лена дошла до середины реки, Юра был уже над твердой землей — все еще на балке, но уже на другом берегу. Ему оставалось еще немного до полотна эстакады над железкой.

— Дозиметр орет! — крикнул он.

— Продолжай движение! — ответил Тема.

Потихоньку они все оказались на той стороне. Юра ждал, глядя на железную дорогу внизу.

— Столько путей, — сказал он, — могли бы все восстановить, пустить составы. Как у нас.

— Ну давай, восстанавливай, — и Тема кивнул дальше на запад, куда уходили пути. Там все поросло лесом, но и так было видно кольцо кратера.

— Что это?

— Станция “Инская”. Точнее, место, где она когда-то была. Прямое попадание. Некогда центральный узел всей Сибири. Если бы он уцелел — Кузбасс был бы нашим, а не вашим. Но, как видишь. С другой стороны — Пятно Кольцово. Вообще входит в Новосибирское Пятно, так как соединено с ним вот этой перемычкой, на которой мы сейчас стоим. Но так как тут дозиметр лается, но не прям чтобы смертельно — мы, собиратели тут проскакиваем, чтобы путь сократить.

— До войны, — ответил на это Юрий, — нам бы и в голову не пришло говорить “нашим” или “вашим”. Мы все сибиряки.

— Но некоторые больше сибиряки, чем другие, — мрачно ответил Тема, когда они продолжили движение, — знаем мы вас.

— А что не так-то?

— А то, что мы будем периферией. Западным краем вашей республики, Нам это зачем? Быть буфером между вами и Новым Союзом?

— Но вы ведь и так буфер. Уже.

— Но мы сами себе центр.

— Серьезно? — вдруг завопила Лена между ними. — Вы решили спорить об этом здесь?

Она была права, так-то. Они уже почти прошли полотно, дальше начиналась насыпь, заросшая малинником. Это место нужно было поскорее проскакивать о чем напоминал треск дозиметра. Они снова обменялись рюкзаками и быстро пошли вниз, по призраку так и не случившейся трассы.

За деревьями ничего не было видно, но Тема будто чувствовал весь черный груз и тяжесть, они будто шли меж двумя стенками. Слева, буквально через полтора километра — уничтоженный городок Кольцово, который, судя по записям, бомбили так, будто ракетам было обидно, что соседний наукоград они поразить не могут. Справа — Первомайский Выступ, которого может быть и не было бы, не прикройся Академгородок противоракетным зонтиком.

Их предки — и Темы и Лены этой, выжили за счет других. И теперь это продолжается. Она, Атомская девчонка, живет, потому что простой парень с заставы Миша — погиб.

Они двигались медленно — группа всегда идет со скоростью самого медленного, а Лена очень ослабла и вымоталась. Теме очень не хотелось делать промежуточную ночевку, он надеялся успеть в Атом до темноты, но теперь стало очевидно, что придется. Впереди еще километров 10 пути, а они делает разве что 2 километра за час.

Слева и справа стали появляться “поляны” — довоенные дачные поселки, от которых остались лишь пятна более молодого леса, да иногда торчащие из земли гнилые крыши. Вокруг были уже знакомые сосны с яркими рыжими стволами. Где-то стучал дятел. Где-то стрекотали белки. Под зонтиком не только люди спаслись.

— Придется встать где-то тут, — с досадой сообщил Тема. — Идти по темноте не очень хочется.

Лена посмотрела на него с сомнением — она слышала, как тихо и неспешно, но все же шелестит дозиметр.

— Лучше чуть облучиться, чем стать обедом медведю, — развел руками собиратель.

— У вас же пушки, — попробовала возразить Лена. Конечно, ей не хотелось еще одну ночь проводить в пустоши. Это значило бы

продлить ее кошмар еще на день.

Юрий уже снимал рюкзак. Он за время перехода научился слушаться опытного проводника.

Разложили палатки, костер разводить не стали — поужинали холодным, воду пили из запасов. Нет смысла сильно заморачиваться, если уже завтра ты будешь обедать в тепле и за столом.

Засыпая, Тема слышал, как Лена тихонько хнычет в своей палатке. Точнее, в палатке Миши.

* * *

Утром, еще полностью не проснувшись, находясь в неге сна, Артемий услышал, что снаружи разговаривают. Сон слетел почти сразу, потому что могли говорить чужие. Например, рассуждать, какую палатку в первую очередь взрезать. Если рейдеры катаются от Берди до Ини без всякого страха, то и здесь, в непосредственной близости от Атома, они могут быть.

Но это были лишь Юра и Лена. Видимо, оба проснулись раньше проводника. Тема прислушался. Судя по голосу, девушке сильно полегчало. Вчера ее голос трясся и срывался на плач, а сейчас вот — спокойно разговаривает. Кажется, она говорила что-то про университет и жизнь в общаге. Студентка, понял Тема и ужаснулся. Получается все те убитые, которых они видели — всего лишь студенты на выезде. Абсолютный молодняк. Только начинали жить.

Он вылез из спальника, оделся и выбрался из палатки.

— Доброе утро, — сообщил Тема. Попутчики жевали протеиновые батончики из его запасов и запивали водой. Он присоединился к завтраку.

— Два-три часа и мы на месте, — бодро сказал он. — Как вы?

Лена кивнула — мол, нормально. Скай доел батончик и стал критически рассматривать дыру на плече.

— Жалко такую куртку, — оценил Тема.

— Да, — ответил Юра, — эксклюзив, можно сказать.

— А еще по ней сразу понятно, что ты не местный, — продолжил собиратель, — не то чтобы это большая беда, но на КПП может случится два сценария — либо я показываю удостоверение и нас как бы прицепом пропускают всех троих, либо у офицера плохое настроение, и мы проходим полную проверку, на которой окажется, что ты, Юра, без документов.

Республиканец молча достал письмо.

— Это мой документ, — заявил он.

Лена посмотрела на конверт.

— Вы не из Атома? — спросила она.

— Сибиряк он, — мрачно ответил Тема. Ему не понравилось, что теперь какая-то студентка это знает.

— Из Красноярска прям? — удивилась девушка.

— Прям, — ответил Скай, улыбаясь.

— Хотела бы я там побывать, — мечтательно сообщила девушка. — Большой город, который не стал Пятном…

— Ну… — Скай помялся, — большая часть города все-таки стала…

Но Лена не обратила на это внимания.

— В Красноярске почти сто тысяч человек живет, — продолжила она, — а в Атоме — тысяч тридцать. У нас и вместе с орбиталями миллиона не наберется.

— Как по мне — меньше народу, больше кислороду, — кисло сказал Тема. Почему-то он чувствовал ревность — чего это уроженка Атома так сохнет по чужому городу? Хотя, казалось бы, чего такого. К этому ведь и стремятся Институты — чтобы был обмен, в том числе студентами, чтобы люди могли ездить друг к другу в гости. Да, это опасно потерей независимости, но без расширения отношений не может быть и Реконструкции, в которую верит в том числе и сам Артемий.

— Подъем, — сообщил он, — собираемся и выдвигаемся. А письмо, Юрий, лучше все-таки не показывай, если специально не спросят.

Они быстро скрутили палатки и спальники, надели рюкзаки и двинулись дальше. Дорога дальше не менялась — все те же сосны, все та же просека старой недостроенной дороги. Через два часа они добрались до развилки — вышли на Восточную дорогу. Раньше это была трасса как раз-таки в Кольцово, а еще — на учебный военный полигон, но и то и другое сгорело в ядерном огне. Теперь это была дорога на Плотниково, к ближайшей переправе через Иню. Строили ее чуть ли не всем городом, тоже сквозь радиационную зону, но не такую интенсивную, как на Канате.

— Четыре километра по асфальту — и дома.

Здесь они ускорились, даже Лена — то ли чувствовала, что дом близко и конец кошмару, то ли ровная дорога способствовала. Слева появился и проплыл мимо большой зеленый холм без единого деревца — довоенный мусорный полигон. Вынырнули из-за леса и потянулись вдоль дороги V-образные опоры ЛЭП — заброшенные и теперь играющие разве что роль указателей, что впереди великолепный город Атом, дом науки и справедливости.

И вот уже слева замаячила над деревьями труба котельной, которой уже, наверное лет сто стукнуло, а она все еще дарует людям тепло и горячую воду. Последний поворот — и вот она городская стена — бетонные плиты уходят влево и вправо за деревья, поверх них — колючка, а по низу, будто средневековый ров — журчат извивы Ельцовки, северо-восточного рубежа города.

Тема подошел к Юре вплотную и шепнул в ухо:

— За КПП — территория Военного Института. Если про тебя до города новость уже дошла — они в курсе, что мы через восточные ворота заходить будем.

— Есть чего опасаться?

— Да кто его знает? Но мужика без удостоверения гражданина, конечно, ждет особый прием и нас разделят. И хрен знает, что будут говорить и спрашивать. Но рано или поздно отпустят, ты им, главное, конверт не отдавай ни в коем случае.

— Не хочется мне его силой защищать, — признался Скай.

— Да, это будет такое себе, — согласился Артемий. — Но выбора особенного нет. Собиратель, который тыкал пистолетом в офицера, непонятный республиканец с письмом счастья, который этого офицера на лопатки уложил и окровавленная студентка вместо заявленного дружинника. К нам будет много вопросов. Даже если ты передашь сейчас конверт кому-то из нас — они найдут.

— И что делать?

— Да придерживаться твоей тактики — твердить, что передашь это только лично в руки Ректору и все. Они все равно с тобой ничего сделать не смогут — стрелять в новоприбывших у нас не принято, а отобрать письмо силой — ну пусть попробуют. Рано или поздно сдадутся и доложат Ректору. Это все, что нам надо.

— Как нам потом в городе найтись?

— Я, понятно, тебя под воротами ждать не буду, — признал Тема. — Но я сразу пойду сдаваться к себе, в Институт Реконструкции, надо многое обсудить с начальством, сам понимаешь. Это такое здание рядом с двумя башнями по типу арки над дорогой, от КПП недалеко, увидишь сразу. Если тебя вдруг отпустят без сопровождения — иди туда, внизу спросишь меня, мне позвонят.

Пропускной пункт представлял собой ворота двух видов — одни большие, на электроприводе — для транспорта. Вторые — по сути просто дверь, через которые проходят пешие. Дверь вела сразу в здание, а на его крыше был организован наблюдательный пункт — и там стоял постовой. Тема приветственно помахал ему, и он помахал в ответ.

— Вроде этот из расслабленной бригады, — шепнул Тема Юре. — Может, проскочим.

Он бодро подошел к двери и открыл ее — пропуская вперед попутчиков. Они нырнули внутрь, и он зашел следом.

Юра и Лена застыли прямо на пороге. Потому что в проходе, загораживая его полностью стояли два солдата с автоматами. За ними, возвышаясь, как наблюдательная вышка, стоял капитан Максимов — главный особист Военного Института и заноза в жопе любого собирателя.

— Привет, Фонарев, — сказал он с высоты своего внушительного роста. — С возвращением. Познакомишь с друзьями?

* * *

Их сразу разделили — Лену отправили в медпункт, Юрия в допросную, а самого Тему Максимов отвел в кабинет начальника бригады. Самого смотрящего за КПП там не было, видимо, капитан выгнал заранее. Рюкзак и ускоритель поставили в сторонку, сели. Особист по-хозяйски занял начальственное кресло.

— Хорошо, что девчонку нашли, — сказал он. — Мы два дня уже весь берег Берди прочесываем.

Издалека начал. Сейчас будет тереть про рейдеров и заложников и только потом, когда Тема успокоится — начнет говорить о главном. И в этом его ошибка.

— Где остальные студенты?

— Мертвы, — ответил Тема, — убиты Дьяволами.

— Дьяволами? Чего бы им делать к югу от Атома?

— У меня тот же вопрос, — Тема специально распалял себя. Пусть капитан видит провалы собственного института. — Как это так, рейдеры свободно под самым городом разгуливают? Знаешь, где я их отыскал? В Березках, за Иней.

— В Березках? В Пятне?

— В логичном для Дьяволов месте. И эта девушка, Лена, сказала, что их два дня по округе катали, прежде чем Иню форсировать. То есть двое суток у вас под носом рейдеры на тракторе с заложниками разъезжали. Какого хрена?

Максимов не велся, выглядел спокойно. Впрочем, ему и полагается так себя вести. Внутри, возможно, он уже клокочет.

— Сколько их было? Рейдеров?

— Пятнадцать вроде.

— Пятнадцать? И вы вдвоем их зачистили и еще и заложницу освободили?

— Втроем. Мишка там остался.

— Петров? С заставы?

— Да, — устало ответил Тема, подражая манере капитана, — Петров. С заставы.

— Тело не удалось забрать?

— Как ты себе это представляешь? Там помимо него еще студенты — мы бы всех не унесли.

Максимов что-то записал себе в небольшой планшет.

— Как вы втроем победили противника, у которого в 5 раз больше людей?

— Это ж рейдеры. У них самопалы да дубины. А у нас нормальное вооружение.

Капитан покосился на угол, в котором стоял рельсотрон.

— В тесноте поселка дубина сподручнее будет, — усомнился он. Конечно, понятно, чего он хочет — чтобы Тема сказал, что вот де этот Юрий всех раскидал, он суперсолдат Сибирской республики. Чтобы подтвердил то, что с заставы уже давно доложили. Чтобы у Военного Института появился легальный аргумент заграбастать чужака к себе.

— А еще сподручнее, когда ты трезвый, а не бухой. Они там перепились все.

Максимов кивнул, поиграл пальцами по столу.

— Пятнадцать — серьезная группировка, — примирительно сообщил он, — это неприемлемо, что такая группа расхаживает так близко к городу и похищает наших людей. Я взгрею кого надо.

Пытается продать идею, что они на одно стороне, как будто по отношению к рейдерам это как-то иначе. Сейчас начнет обобщать — по вопросу Юрия Ская, мол, они тоже на одной стороне.

— Живые остались из банды?

— Шестеро, — кивнул Тема, и Максимов снова стал тыкать по планшету, — некоторые серьезно ранены были, так что возможно и меньше.

Максимов покивал.

— Это важные сведения, — сообщил он, — я распоряжусь отправить группы зачистки и усилить патрули. Скорее всего, это какие-то совсем одичавшие радикалы, даже в среде Дьяволов.

Он отложил планшет, вздохнул, как бы обозначая, что сейчас будет переходить к неприятному.

— А теперь поговорим о твоем попутчике и происшествии на заставе. Мы тут без дела не сидели, пока вы плелись, как ты понимаешь. Твой дружок — вакцинированный, машина для убийства. Никаких дипмиссий из Сибирской республики мы не ожидали. Во всяком случае, официально. Поэтому то что он тебе и Егору Шестову наплел — либо брехня, либо самодеятельность республиканцев. Он что-нибудь еще по пути говорил?

— Кроме того, что будет говорить с Ректором лично — ничего, — спокойно ответил Тема.

Максимов покивал.

— Вот у нас есть опасение, что он специально подослан, чтобы Ректора убить. Мы, конечно, с этим бы справились, но они-то там у себя думают иначе — лидера снять, и мы все тут обосремся и под них ляжем.

— Тогда бы он не стал раскрывать, что он супер, нет?

— Ну, тут скажем так, ты нам помог своей выходкой. Шестов мне все доложил. Ты, конечно, молодец, студентку вот спас, важную персону в целости доставил и все такое, но тот факт, что ты угрожал оружием офицеру мы, как ты понимаешь. опустить не можем.

— И?

— Что “и”? За такое тюрьма полагается, Фонарев.

— Арестовывайте, суд решит, — просто сказал Артемий. Он решил, что по поводу стычки с Егором ни слова без суда и адвоката не скажет. Это, в конце концов, город Атом, который гордится своей системой справедливости.

Капитан молчал. Думал. Конечно, ему бы проще без суда. Это затянется на месяцы, а приструнить собирателя было бы выгодно сейчас, чтобы лишить Институт Реконструкции лишнего свидетеля, который видел и самого Юрия и его способности и, что самое важное, — чертово письмо.

К тому же арест собирателя — событие громкое и привлечет ненужное внимание.

— Можешь хотя бы объяснить с чего вдруг такое геройство?

Артемий только протянул обе руки вперед. Мол, заковывай в наручники, а там поговорим.

В этот момент дверь в кабинет открылась и внутрь ворвался буквально ураган — а точнее максимально заряженная Татьяна, представитель Института Реконструкции в Ученом Совете. Она с порога начала требовать отпустить ее сотрудника, иначе она весь Особый отдел разнесет по кусочкам и вообще по какому праву гражданину Атома препятствуют во входе, собственно, в Атом.

— Любой гражданин может быть задержан для выяснения до двух часов… — начал было Максимов, но сразу стало понятно, что говорить ему не дадут. Татьяна — высокая, красивая, большеглазая, всем телом выражающая напор и решимость умела давить нескончаемым акустическим потоком.

— Это не допросная, — говорила она, — а ты — не начальник бригады. Когда это у нас особисты решают, кого задержать, а кого пустить? Если собираешься арестовать моего сотрудника — то просто сделай это и будем говорить уже в другом месте, а если нет — то мы сейчас все втроем отсюда выходим и расходимся по своим делам.

Тема готов был признать, что неожиданно прибывшая кавалерия в виде Тани очень сильно ему помогла. Максимов умел терпеть — он бы скучающе задавал одни и те же вопросы, Артем также скучающе отвечал, что ничего не будет говорить и так пока бы не прошли положенные два часа. За это время с Юрой могли сделать что угодно, а помощники особиста могли бы придумать, как все же надавить на Артемия, чтобы он согласился сотрудничать без суда.

В итоге уже через пять минут Тема был свободен по эту сторону стен — вокруг все еще лес, но уже свой. Дорога впереди уходила направо — к территории, собственно Военного института с его памятникам и танкам. Налево — уходила тропинка — к котельной, кладбищу, а там и до жилой зоны недалеко.

— А что с республиканцем? — спросил он.

Таня закурила несмотря на запрещающую табличку.

— Пойдем, — сказала она, — обсудим все в офисе.

— Мне на склад надо, сдать все, — ответил Тема.

— Потом. Даже если ты делал все в интересах Атома — преступление есть преступление. Они что-нибудь придумают и все же выкатят обвинение. У нас нет времени.

Они пошли по тропинке — Таня впереди, легко и быстро, а Тема, вымотанный за время дороги и в разгрузке — тяжело и грузно. Все же было бы неплохо скинуть снарягу сначала.

— И что мне делать?

— Это нам и нужно придумать. До завтра.

Ч1. Глава 6

Теме удалось переодеться и скинуть рюкзак, но все оборудование он оставил при себе. И сразу сообразил почему — один из вариантов решения проблемы для Тани было снова отправить собирателя в пустошь. Там действуют другие законы и там Военный Институт может пойти на крайние меры, но с другой стороны, там Тема мог бы защищаться — так, как умел. Потому что в бюрократии и хитросплетениях интриг между Институтами он ничего не понимал, а в стрельбе и выживании опыт имелся.

Он долго сидел в большом кабинете Тани, пока ее самой не было — она сказала, что уйдет на полчасика, а сама исчезла на полтора часа. В окно открывался вид на две склоненные друг к другу башни Института Технологий. Переход между ними — нависший над улицей тяжелый бетонный блок — снизу был украшен барельефом Отцов Основателей. Строго говоря, это были отцы и матери — группа ученых, чиновников и высших офицеров, которые быстро сообразили, что Городку очень повезло остаться стоять посреди пепла и не дали обществу распасться. Среди их лиц в середине светился “зонтик” — точнее конусообразная антенна перехвата ракет. Она была установлена здесь, на вершине этих башен и работала в экспериментальном режиме, что и спасло город. Если бы война началась чуть позже, а проект успели признать успешным — этим бы накрыли все крупные города и, возможно, сейчас была бы совсем другая жизнь.

С тех пор общество Атома было поделено на Институты — каждый занимался своей сферой деятельности и стремился принести в ней как можно больше блага для общества. В теории каждый Институт имел равное представительство в Совете Ученых, но на деле как обычно все пошло не так. Военный институт, по сути, силовой блок города, естественным образом стал давить все остальные. У них оружие, благодаря ним люди спокойно спят по ночам, расширяются орбитали и уже скоро Атом перестанет быть городом-государством, а станет полноценной страной со своей пусть небольшой, но территорией. До войны существовали страны куда меньшего размера, чем текущая зона влияния Атома — так почему бы и нет?

Естественно, когда выяснилось, что они не единственные на планете, кому повезло выжить, ситуация стала еще сложнее. Полвека назад выяснилось, что на востоке существует большой сосед — Сибирская республика. Огромный регион, которому по большей части удалось восстановить старую инфраструктуру, в первую очередь — железные дороги, и теперь они сильны, богаты, многочисленны и, конечно, были бы не против видеть Атом в своем составе.

На западе — совсем далеко, но не так, чтобы совсем уж это игнорировать, поднимался Новый Союз — технологичное государство, которое утверждало, что оно преемник старой России. У них были довоенные технологии и, если верить слухам, какой-то запас ядерных ракет, которые так и не были заряжены в шахты. Представители оттуда добирались до Атома редко, но их интересы были очевидны — снова править огромной территорией, как это было до войны. Они пугали и тяжелым навесом прошлого, и страшным наследством, и тем, что про них вообще мало что было известно.

Да, были и другие соседи — за мертвыми степями на юго-западе, и в Алтайских горах на юге, но все они были несравненно малы и также как Атом опасались двух тяжеловесов, между которыми угораздило оказаться.

Военному Институту такое было на руку — на референдумах жители последовательно голосовали за повышение оборонных расходов, и силовой блок необычайно разжирел и усилился. Всем остальным Институтам пришлось создать коалицию, чтобы хоть как-то противостоять влиянию военных.

Татьяна вернулась как раз вовремя, чтобы вынуть Тему из рассуждений, в которых он мало понимал. Она упала в свое кресло и устало откинула голову.

— Этот Юрий Скай — гребаная бомба, — поделилась она, — все вокруг глотки друг другу перегрызть готовы, чтобы его заполучить.

— Но почему?

— Потому что в конверте, который он несет может быть что угодно. Ультиматум на присоединение, договор о сотрудничестве, объявление войны, предложение от которого невозможно отказаться… да что говорить, там банально может быть просто боевой нейротоксин, который должен убить Ректора, как только конверт будет вскрыт.

— И в итоге он все равно у военных. То есть я зря геройствовал.

— Они как раз настаивают на последнем варианте. Мол, в Сибирской республике понятия простые, избавляешься от головы — тело падает. Поэтому для них идея ликвидировать Ректора кажется логичной. И если этого не сделает письмо, то поможет этот Юрий. Здесь я, признаюсь, с ними согласна — чертов суперсолдат в наших стенах — это сраный шершень в пчелином улье… — Таня выпрямилась в кресле. — Это все неважно сейчас. Давай займемся тобой. Я все инстанции оббегала, до Ректора даже достучалась и, кажется, есть решение.

Она замолчала. Внимательно посмотрела на Тему, изучающе. Будто он не работал на нее последние десять лет.

— Ты можешь отказаться, конечно.

— Я еще не знаю от чего.

— И, к сожалению, не узнаешь, пока не подпишешь согласие. Нужно будет много знать и при этом молчать, Артемий. Это бывает трудно.

— Альтернатива?

— Суд и наверняка арест. Большой срок тебе вряд ли светит, но само расследование может тянутся годами и все это время тебя будут держать взаперти где-нибудь на дальней орбитали. Копать антрацит, тебя, конечно, не пошлют, что уже неплохо.

— Почему расследование будет долго тянуться? У них же все на руках. Показания Егора в первую очередь.

Татьяна помялась, будто решала, говорить или нет.

— Видишь ли, тебе предстоит написать подробный рапорт обо всем что произошло, — она говорила очень серьезно, — и они могут, точнее они точно усомнятся в правдивости твоей истории. Этот Петров с заставы погиб где-то в Пятне, проверить это будет тяжело. Они могут решить, что рассказ про рейдеров — просто отмазка, чтобы скрыть убийство представителя Военного Института.

— Мы вообще-то приятелями были, — ответил Тема сухо. Суки. Уроды. Засидевшиеся в городе жопы. Даже не представляют как там, снаружи, бывает. Но все готовы повернуть так, чтобы тебя закопать.

— Думаешь, это можно приобщить к делу? Так или иначе, друг мой, но с моей точки зрения проще всего подписать пару бумаг, шагнуть в неизвестность, но остаться на относительной свободе. Но решать тебе.

Тема думал. Он доверял Тане, но понимал, что и на нее могут давить. Конечно, подписать бумаги легко. Но то что за ними кроется наверняка не слаще колонии на отшибе. Все секретное так или иначе окунет тебя в дерьмо — взять хотя бы этот чертов конверт.

— Та студентка… дай угадаю, ей тоже придется подписать какие-то бумаги?

— Всем кто взаимодействовал с республиканцем придется это сделать в том или ином виде, — кивнула Татьяна. — Мы, конечно, открытое общество, но приходится думать о безопасности. Мы понятия не имеем сколько в нашем городн внедренных агентов из Нового Союза и уж точно не хочется проверять их реакцию на любое содержимое конверта.

— Звучит так, что после подписания пути назад не будет. Выход будет только через могилу.

Таня пожала плечами.

— Надеюсь, что это не так, — сказала она и чуть помедлила. — Потому что мне тоже придется многое подписать.

* * *

Зайти домой ему не дали — пришлось мыться и приводить себя в порядок в офисном душе, а обедать в столовке. Ощущения были странные — многие люди были ему рады, спрашивали как прошла вылазка в пустошь, звали в гости или просто поболтать, а он наблюдал за этим будто издалека.

Возможно, он уже никогда и не встретится с этими людьми. Возможно, вся его карьера только что закончилась — впереди была неизвестность, и она выглядело ужасно неприятно.

После подписания огромного документа о неразглашении — Тема даже не вчитывался, само количество листов говорило о том, что лучше просто в целом не разговаривать ни о чем, что он узнает в ближайшие часы — ему сообщили, что вечером будет встреча с Ректором.

Он не слишком переживал. Наверняка ему предстоит просто слушать кучу всего, нужно будет только кивать. К тому же текущий Ректор — Маргарита Антонова — слыла очень мягким человеком, что подтверждалось ее публичными выступлениями и тем фактом, что она, как и все, частенько ходила по Атому пешком, чего не скажешь о

многих Советниках, которые предпочитают щеголять восстановленными довоенными автомобилями.

За ним пришли прямо в столовку — и отвели к машине снаружи. Она стояла под самым переходом Института Технологий и возле нее уже кто-то стоял — мужчина в костюме и шляпе.

— А где Татьяна? — спросил Тема у сопровождающего.

— Уже там, — коротко ответили ему бесцветным голосом.

Стоящий у автомобиля оказался мужчиной в возрасте. Он улыбался, от чего по его лицо расходилась сетка морщин, и показывал завидные для такого возраста ровные белые зубы.

— Здравствуйте! — вежливо приветствовал он. — Приятно видеть собрата по несчастью.

Сопровождающий открыл заднюю дверь и пригласил обоих внутрь. До этого Тема никогда в автомобилях не катался, даже общественный транспорт игнорировал — предпочитал ходить пешком, чтобы и внутри города не отучать себя от необходимости много ходить. Так можно быстро расслабиться, а пустошь этого не прощает.

— Что значит — “собрат по несчастью”? — спросил Артемий, когда машина мягко покатилась по дороге.

— Вы, полагаю, как и я подписали некоторое количество документов, — пояснил мужчина в шляпе, — вот, собственно, и…

— Так, — кивнул Тема. Это могло быть проверкой. Уж больно этот товарищ своим нарядом напоминал особиста в гражданском из довоенных книг. — Как же вас угораздило?

— Наука поощряет любопытство, — широко улыбаясь ответил незнакомец, — но в обществе, бывает, только вредит. Меня кстати, зовут Роман. Роман Панин. Институт Технологий.

— Артемий. Собиратель, — они пожали друг другу руки. — Так как именно ваше любопытство привело вас сюда?

— Скажем так, кое-кто слушал не те частоты в радиоэфире, — он продолжал улыбаться, будто они на какое-то приключение собираются, — оказалось, это может привести к неожиданным последствиям.

Понятно. Видимо, построил собственный приемник, многие в ИТ так делают, и слушал, случайно или специально, военные переговоры. И, видимо, узнал про некое происшествие на дальней заставе.

Машина двигалась вперед под плотной сенью деревьев, слева и справа лежали территории исследовательских площадок — затем

выехали на перекресток с Центральным проспектом и повернули на него. Теперь их путь лежал между корпусов Институтов самого разного толка. Атом делился на несколько районов — зону Военного Института, Нижнюю зону, где в основном располагались жилые дома и Верхнюю зону, где находились все производства. Верхняя зона в свою очередь делилась между Институтами, кампусом Университета и старой жилой застройкой, которой минуло сто лет в обед и поддерживать ее в жилом состоянии становилось все сложнее. Впрочем, жить в Верхней зоне, пусть и давно просроченных домах, считалось престижным.

Дорога лежала широко, с вынесенными далеко в стороны тротуарами для прогулок и четырьмя полосами движения. Всего этого не было еще пятнадцать лет назад — почти вся протяженности проспекта была застроена трущобами из мусора и здесь жило не меньше двадцати процентов населения Атома и сам Артем вырос в одной из хибар, выстроенной прямо на растресканном асфальте. Только расселение людей в соседние поселения — Шлюзы и ГЭС, Нижнюю Ельцовку, а также на среднюю и дальнюю орбиталь, позволило превратить эту улицу в то, чем она была до войны — хребет научного города.

Не все были рады переезду из Атома, многим претило строить новую жизнь где-то в пустоши, подвергая себя постоянной опасности. Надо признать, что здесь снова свою роль сыграл Военный Институт — многих сманили приятными по доходу контрактами на работу в пограничной дружине. Так, например, было с семьей Миши. И со многими другими, чьи отцы и матери решали, что риск стоит того.

Теперь огромная доля поселений в орбиталях — это военные или те, кто на них работает.

Вопреки ожиданиям машина проехала мимо поворота на администрацию и продолжила движение по проспекту — он пошел вправо мягким изгибом, постепенно переходя в Морской проспект — единственную дорогу, сохранившую в Атоме довоенное название. Своим противоположным концом проспект упирался в берег водохранилища, отчего и получил свое название.

Роман тоже не скрывал удивления, но довольно быстро сообразил:

— Ну, конечно, нас будет много таких. Будем общаться в Доме ученых.

Он оказался прав. Машина остановилась у вход в Малый зал Дома — здания, где проводились все общественные мероприятия города. Зал нависал над ними тяжелым серым блоком, опирающимся на четыре будто невесомые колонны. Не верилось, что они могут нести такую тяжесть.

Они дождались, пока сопровождающий откроет им дверь, вышли, и их сразу повели внутрь, ничего не объясняя.

Их быстро провели через холл, на второй этаж — и завели в малый зал. Тема замер в дверях, увидев сразу несколько знакомых лиц. В первую очередь — спасенную им и Юрием студентку Лену. Она сидела во втором ряду зала, глядела перед собой. В ушах были те самые серьги с клеверами. Кроме того, здесь был капитан Максимов, особист Военного института. Он был в камуфляже, будто переоделся для пустоши, на соседнем кресле стоял рюкзак.

Еще одного молодого парня он не знал — абсолютный альбинос, смотрит в одну точку, рядом с ним на кресле — какие-то знакомые очертания, довоенный хлам. Тема пригляделся и удивился — это была реальная редкость, диковинка. Робоглаз, летающий робот-шпион. Таких, говорят, было много до войны и в ее короткий, но печальный разгар. Соединенные Штаты Америки засылали таких роботов, чтобы они следили за определенными людьми или территориями. Или — распространяли пропаганду.

Тема сразу направился к Лене и сел рядом с ней.

— Как ты? — спросил он, хотя и так было видно, что она гораздо лучше — вся залеплена пластырями, синяки все еще зияют, но взгляд уже не зашуганный, а ровный, твердый. И мочки ушей, судя по всему, пострадали не так уж сильно, раз уже вдела в них свои серьги.

— Нормально, — ответила Лена. Теме показалось, что она не сразу узнала его. — Точнее… да не, нормально.

Он не стал допытываться, что она хотела сказать.

— Я думал, тебя трогать не станут. В том смысле, что не ожидал тебя тут увидеть.

— Я бы тоже хотела себя видеть в общаге. И желательно в спящем виде ближайшие часов пятнадцать.

Тема кивнул. Да, им вообще не дали передохнуть. Он тоже чувствовал усталость — после захода по пустошам полагалось хотя бы пару дней откисать даже ему, опытному собирателю.

По опыту он знал, что девушке еще далеко до того, чтобы прийти в себя. Да, сейчас она собралась, но с ней делали ужасные вещи и убивали ее друзей у нее на глазах. Такое за день не проходит.

— Эй! — вдруг оживился Максимов. — Не шептаться.

Тема повернулся на него. Ты посмотри, строит из себя невесть кого. Не понимает, что его сюда заграбастали вместе с ними, потому что он тоже заляпался в этом дерьме с конвертом.

— Я не очень внимательно читал приказ о неразглашении, — спокойным и ровным тоном произнес Тема, — но мне кажется там достаточно пунктов, позволяющих мне безнаказанно послать тебя нахер.

На удивление капитан не вскочил, не начал орать, вообще ничего не предпринял. Только улыбнулся, хотя видно было, как напряглись его скулы. Тема угадал. Особисту пришлось проглотить обиду. Смущало только одно — если их, судя по его униформе, выкинуть в пустошь, там пойдет совсем другой разговор.

Общительный же Панин отправился к альбиносу.

— Илья! — жизнерадостно заговорил он. — Это ты, неужели? Я думал, тебя уже искать перестали…

Голубоглазый Илья медленно поднял голову и придирчиво осмотрел склонившегося над ним — прошелся по шляпе, плащу, задержался на лице.

— Извините, — сказал он тихим виноватым голосом, — я потерял память и ничего не помню. Мы были знакомы?

Потерял память? Вот это интересно, очень интригующая компания собралась. Неужели и он как-то связан с Юрием?

Видно было, что для Романа это шокирующая новость. Он аккуратно уселся в соседнее кресло с бедолагой.

— С тобой что-то случилось? Как ты здесь хотя бы оказался?

Илья какое-то время думал.

— Мне помогали, но я мало что помню, — ответил он, — помню как очнулся, будто ото сна — в Скорбной обители. Выяснилось, что я бродил там, как кукла, без всякой цели, пока монахи меня не нашли и стали выхаживать.

Скорбной обителью называли монастырь-крепость посреди руин станции Мочище к северо-востоку от пятна. Тема, Юра и Миша не дошли до него километров десяти, свернули к золоотвалу ТЭЦ. Там

жили монахи и успешно оборонялись от рейдеров. Формально признавали власть Атома, так как попадали в среднюю орбиталь.

— А потом? — спросил Панин.

— А потом я оказался здесь, — ответил Илья, — точнее, за мной прибыла группа и отвела меня в Атом. Со мной еще была эта штука, — он показал на робоглаз.

— Шпион, — кивнул Роман, — по закону подлежащий уничтожению.

Он был прав — даже собиратели должны были уничтожать любые шпионские довоенные устройства, мало ли кто там, за океаном, их слушает? Поэтому они специальным образом утилизировались после изучения и извлечения полезных материалов. Но Теме показалось, что он услышал в словах Романа что-то еще. Будто у него с этими шпионскими роботами была какая-то история. Какие-то личные счеты.

— Этого нельзя, — просто ответил Илья. — Но пока не знаю, почему.

В этот момент в зал стали заходить люди. Сначала вошли строгие мужчины и женщины и стали расставляться по углам. Охрана. Видимо, им всем особо не доверяют.

Затем еще один охранник ввел Юрия Ская. То есть как ввел — он его просто сопровождал. Сам Юрий шел свободно, на каждом запястье у него висело по дужке наручников, но цепь была разорвана.

Республиканец увидел Тему и Лену, обрадовался и сразу пошел к ним.

— Эй! Эй! Для тебя отдельное место! — крикнул в спину ему охранник.

— Пусть сидит где хочет, — произнес вдруг властный женский голос, — это уже неважно.

Юра сел слева от Темы.

— Что это? — шепнул собиратель, показав на наручники.

— Пугнул их, — весело ответил Скай, — последовал твоему совету. Сработало, кстати. Конверт, пока ваша Ректор не появилась, никто так и не забрал.

— У вас будет время поговорить, — снова властный голос. У двери стояла она — Ректор, глаза Совета Ученых, избранный правитель города-государства Атом. Официально — доктор Антонова.

За ней заходили другие участники Совета — прям весь цвет. Татьяна, как представитель Института Реконструкции, была среди них. Сильнее всех выделялся седой, но при этом статный дед в генеральской форме — глава Военного Института Сергей Алдаров.

Они не шли в зал, а рассаживались за стол на сцене, Тема только сейчас обратил внимание, что на сцену падает специальный свет, а напротив каждого спикера стоит маленький микрофон. Прямо сейчас одна из охранниц расставляла по столу стаканы с водой.

Пока советники рассаживались, вынужденные “зрители” заметно заерзали на своих местах — все-таки, видеть глав государства так близко было непривычно. Но все замерли и замолкли, когда Ректор положила на середину стола конверт. Тот самый. Вскрытый.

Ч1. Глава 7

— Итак, всем вам интересно, что сейчас происходит, — начала Ректор, обращаясь в зал, — И я не собираюсь держать вас в неведении, так как все вы подписали нужные бумаги. Кто-то из вас знает чуть больше, кто-то чуть меньше. Кто-то попал сюда по ужасно несправедливой случайности, — Антонова кинула взгляд на студентку Лену, — кто-то — по своей воле ввязавшись в историю, которую они не понимают. Атом всегда славился справедливостью и, к сожалению, сейчас происходит именно тот момент, когда мы временно вынуждены отпустить нашу главную ценность. Потому что вы все без исключения с минуты подписания бумаг серьезно поражены в правах. Обычно так приходится делать с преступниками и только по решению суда. Но сейчас у нас нет времени на формальные процедуры.

Ректор остановилась, чтобы отпить немного воды.

— Как вы понимаете, все дело в этом, — она положила руку на конверт, — некоторые из вас уже видели его и даже держали в руках. Как вы понимаете, не только вы с ним взаимодействовали, не думайте, что вы уникальны. Многим людям пришлось подписать бумаги. Советникам, присутствующим здесь, тоже. И мне. Сколько времени продлятся эти ограничения — неизвестно. Но именно людям, которых мы собрали здесь, мы даем шанс сделать так, чтобы эти ограничения были сняты быстрее. И, возможно, спасти Атом. И заодно всю Сибирь.

Зал зашуршал. Тема переглянулся с Юрием, тот тоже выглядел удивленно — видимо, ему не дали просмотреть содержание конверта, который он героически нес до адресата.

Ректор достала лист бумаги из конверта и развернула его. Он был заполнен мелким шрифтом с обеих сторон.

— Это послание предупреждения от Сибирской республики. Понятно, почему оно было доставлено таким образом — сообщение такого рода по радиосвязи посеяло бы панику и хаос и здесь у нас, и у них. Здесь говорится о том, что с юго-востока в Сибирь вошла армия. Огромная, моторизованная армия на ржавой модифицированной довоенной технике. Их настолько много, что фронт их наступления растянулся более чем на тысячу километров. Они называют себя

Ордой — видимо, считают себя преемниками монголов. Все это — одичавшие, сошедшие с ума от радиации выжившие Китая. Судя по всему жизнь на радиоактивных пустошах уничтоженной Поднебесной, по которой пришелся самый страшный удар войны, настолько невыносима, что они смогли объединится и совершить бросок через Гоби на север в поисках лучшей доли. Их ведет некто, зовущий себя Ханом, и он, кажется, верит, что он ведет настоящую победоносную армию Китая.

Ректор снова сделала паузу, чтобы отпить воды, и Тема заметил как Роман с готовностью поднял руку. Но его проигнорировали.

— Есть проблема — ни один переговорщик не вернулся. Судя по пропавшей связи, поселения Монголии, окрестностей Байкала и многих других перестали существовать. Даже если когда-то эта армия имела своей целью найти новую землю для жизни, радиация и переход через холодную бесплодную пустошь превратил их в беспощадную волну, задача которой лишь одна — снести любую цивилизацию, до которой можно дотянуться. Сибирская республика уже ощутила на себе первые удары на южных рубежах. Им удалось сдержать натиск, но потерять довольно много поселений. Наткнувшись на преграду, Орда стала растягиваться на запад — судя по всему очень скоро падет Алтай, и мы ничем не сможем помочь. Они движутся вдоль границы республики, а значит скоро естественным образом мы будем отрезаны от сил Красноярска.

Окей, подумал Тема. Очень круто. Звучит угнетающе и довольно-таки безнадежно. А мы о рейдерах переживали…

— Естественно, — продолжила доктор Антонова, — мы сразу же принялись проверять это своими способами. И действительно — юг стремительно погружается в молчание. Все поселения с радиоточками постепенно замолкают. Мы сейчас активно готовимся к приему беженцев. Если что нас и ждет в первую очередь — то это сотни людей, бегущие впереди Орды, чтобы спастись. Это приоритет Атома номер два. Номер один — придумать способ остановить это. Если даже мощи Сибирской республики не хватает, чтобы обуздать противника, то мы погибнем в этом омуте как щепка. И вы здесь в том числе для того, чтобы решить нашу проблему номер один.

Тема огляделся. Студентка, суперсолдат-республиканец, собиратель, особист, потерявший память ученый и, что уж греха таить,

довольно-таки пожилой человек не то, что для ведения боя, а просто для выхода в пустошь. Это что — команда спасения?

— К счастью, нам удалось выяснить еще кое-что, — после паузы начала Ректор, — Орда движется не совсем хаотично. У них есть своего рода маяк, лампа, на которую они летят как мотыльки. И, к сожалению, так вышло, что наш город Атом стоит ровно между ними и лампой, — она сделала выразительную паузу, чтобы все осознали сказанное. — Эта лампа — трансляция Нового Храма, ведущаяся из Новосибирского Пятна. Неизвестно как и когда они поймали эту волну, но судя по их поведению то ли вся Орда, то ли значительная ее часть следуют пропаганде Нового Храма и стремятся к нему. Мы пока не очень понимаем, как это возможно, однако кое-что выяснить нам все-таки удалось…

Он протянула руку вперед, будто приглашая кого-то, и позади всех поднялся Илья. Он держал в руках робоглаза и копался в нем, щелкая тумблерами. Секунд через тридцать шпионский робот загудел атомным движком, крошечные реактивные струйки ударили в пол. Круглый шар с антеннами, отведенным назад для аэродинамики, завис в воздухе. Из него глухо раздался чей-то голос. Но что он говорил — разобрать было нельзя.

— Это китайский, — пояснила Ректор, — кто-то настроил автоматический перевод трансляций Нового Храма. Неизвестно кто и зачем, у нас есть разные версии, одна хуже другой.

Их даже можно было не озвучивать. Конечно, у всех в голове возникла картина, где некто за океаном сидит и специально науськивает остатки китайской цивилизации на Сибирь.

— Господин Нерв, будьте добры, переключите канал на обычную трансляцию.

Илья послушно притянул к себе робота за антенну и перещелкнул что-то в его недрах. Трансляция сразу стала чище и все уже было понятно.

— …могущество лежит в Сибири. Это было известно и передавалось от отца к сыну от первого колена Полного списка. Мудрость сих семей до того велика, что все они задолго до Дня Первого, нашли себе убежище в этом райском краю. С тех пор многое потеряно и еще большее — забыто, но наша цель проста — найти

потомков Полного Списка и привести их в Новый Храм, дабы посредством этого возродилось семя человеческое на всей Земле…

Что-то изменилось в лице Ильи. Глаза остекленели и из них пропала всякая мысль. Он бездумно смотрел на покачивающийся рядом с ним робоглаз, из которого текла певучая речь неизвестного.

— Господин Панин, я попрошу вас отключить устройство, — попросила Ректор, — к сожалению, господин Нерв активно реагирует на трансляцию. Его начинает тянуть туда, в Пятно. Судя по всему это же происходит и с людьми в Орде. Мы не знаем, что произошло с господином Нервом, но очевидно, что лечение у этого недуга может быть только одно — прекращение трансляции. Это, как мы думаем, остановит Орду.

На этот раз пауза оказалось затяжной. Видно было, что Ректор готовится сказать то, ради чего все это затевалось.

— Вы — те кто остановит вещание, — сказала она, наконец. — Вы отправитесь в Пятно и прекратите это любым способом, который будет вам доступен.

Это звучало бредово. По многим пунктам. Во-первых, никто из них, за исключением, может быть, Юрия, не проживет в глубине Пятна и пары дней. Это буквально изощренная и мучительная казнь, а не задание. Во-вторых, очевидно, что ни одна живая душа не способна вещать изнутри Пятна. Да, трансляция пеленгуется оттуда, но наверняка этому есть какое-то объяснение — какой-то изощренный способ ретрансляции. Тот кто вещает от имени Нового Храма находится где-то в пустоши. Да черт возьми, он может быть даже в самом Атоме! Всего-то надо отыскать шутника. Или сумасшедшего.

— Понимаю, что у вас много вопросов и вижу вашу руку, господин Панин, но мне уже пора. На все вопросы ответят советники.

— Вы посылаете нас на смерть, — сказал Тема громко, когда Ректор поднялась из-за стола. Она внимательно посмотрела на него.

— Да, — сказала она, — скорее всего так и есть. Я бы хотела возразить и опровергнуть ваши слова, но это было бы лицемерием.

Такое простое признание оглушило Артемия. Доктор Антонова медленно, будто он попал в какую-то мутную воду и смотрит через нее, шла к двери на выход. Охранник уже нажимал на ручку, чтобы выпустить ее. Получается, что она, Ректор, вообще-то гарант справедливости в Атоме, возомнила себя неизвестно кем и отобрала

людей, которых не жалко? Чем она тогда лучше этих мордоворотов Военного Института? Или она… уже их часть? Три из шести человек в этом отряде — представители научного сообщества. Почему не набрали вояк?

Из ступора его вывел будничный кашель генерала. Он привлекал к себе внимание.

— Так, — сказал он, — теперь поговорим с вами о том, как выжить в Пятне.

* * *

Им выдали перчатки, маски и затычки ноздрей и только затем завели в лабораторию. На столе лежало тело. Тема видел в пустоши всякое — лежалые трупы, мертвых в запертых помещениях, скелеты погибших давным-давно. Но ему все равно слегка подурнело. Менее привычные к такому Лена, Илья и особист Максимов не сдержали возгласов. Остальные держались на удивление стойко, даже кажущийся абсолютно кабинетным Панин.

У трупа почти отсутствовала кожа, лицо было обезображено, нос провалился, на голове остались лишь случайные пучки волос. Такого Артемий никогда не видел.

— Этот образец доставили сюда буквально сегодня, — буднично произнес генерал. который их сюда и привел. — Его нашли у края Пятна на территории старой ТЭЦ.

Так вот кого мы видели, догадался Тема. Те в химзащите нашли… это?

— Радиация? — деловито спросил Роман.

Генерал кивнул.

— Многолетнее воздействие, если быть точным, — заявил он. — Смерть, по нашим данным, наступила три дня назад.

— Что?

Этот вопрос немо звучал у всех. Труп выглядел так, что его убило облучением, и он еще недельку жарился на солнце.

— Все повреждения, которые вы видите, — объяснял генерал, — очень старые. И этот человек… или существо, если угодно, жило в таком виде многие годы. Пока что-то не убило его на выходе из Пятна.

— Разве можно спокойно жить с такими изменениями? — спросил Тема.

— Видимо, можно, — ответил генерал. — Мы и раньше получали сообщения о, скажем так, ходячих мертвецах, люди горазды сочинять сказки про пустошь. Но судя по всему у всех этих сообщений были основания — вот такие вот ребята. Представьте, что вы видите такую штуку, но живую. Невольно полезут мысли о зомби.

— То есть вы хотите сказать, что внутри Пятен могут жить люди? — спросил Юрий. — Изуродованные радиацией, но приспособившиеся к ней?

— Что частично дает нам ответ на то, кто ведет трансляции Нового Храма, — задумчиво пробормотал особист Максимов. — Но какая у них цель? Какой смысл заманивать людей в радиоактивную ловушку?

— Это выяснить — уже ваша задача, — коротко ответил глава Военного Института.

— Откуда такая уверенность, что он жил под радиацией? — уточнила Лена. — Может, просто болезнь какая-то?

Генерал какое-то время молчал, будто раздумывая, говорить или нет. Посмотрел на Илью.

— Все благодаря его шпионскому устройству, — сказал он.

Все повернулись к Илье.

— Я ничего не помню, — сказал он свою мантру, — но, видимо, я с кем-то общался через робоглаз… на английском языке.

— Ты хочешь сказать… — начал было Роман, но остановился.

— Да, — вместо Ильи ответил генерал, — кажется за океаном тоже кто-то выжил. И даже может связывать с робошпионами на этой стороне. Благодаря человеку на той стороне мы выяснили, что такие существа для них — обыденное явление. Они называют их гулями.

— Как?

— Гули. Бывают такие, у которых от радиации мозги спеклись, и они агрессивны и сбиваются в стаи. А бывают такие, у которых сохранился разум, на них не действует радиация и, вроде как, они не стареют.

Тема не знал, что его шокировало больше — новость о том, что существуют некие гули или тот факт, что удалось связаться с кем-то из Америки и там, оказывается, тоже есть выжившие сообщества. Это наводило на многие мысли. И от главной из них у Темы вспыхнули щеки. Он был уверен, что они доживают последние годы человечества.

Просто барахтаются, но уже обречены. Если же по всему миру сохранились устойчивые сообщества… возможно, у людей еще есть шанс.

— Стоит ли верить старому противнику? — спросил особист Максимов.

— Пока это не идет вразрез с нашими наблюдениям, — отозвался генерал, — но вопрос верный. Этот человек может быть одним из тех, кто гонит на нас Орду. Поэтому стоит быть осторожным со всем, что он говорит.

— Может быть тогда и нас он гонит в ловушку, рассказывая сказки! — не унимался особист.

— Может быть, — отрезал генерал, затем посмотрел на труп, — все это может оказаться тупой и опасной шуткой. Но других вариантов нет. Нам здесь интересно лишь одно — ваша защита от радиации. У нас мало времени, но мы постараемся в короткие сроки выяснить, что дает им устойчивость и создать… вакцину, получается.

— Невозможно, чтобы она успела пройти все испытания, — с сомнением пробормотал Тема.

— Она и не пройдет, — согласился генерал. — Вам придется проверить ее на себе в полевых условиях.

Конечно. Раз уж все равно планируется отправить несколько человек в расход, то почему бы не испытать на них что-нибудь? Тема внимательно посмотрел на генерала. Ожидаемо, конечно. Что еще ждать от Военного Института, как не вот таких вот штучек? Именно поэтому нужно не допустить их доминирования в Атоме.

— Это еще не все, — произнес генерал, — пойдемте отсюда.

Они покинули лаборатории и все без исключения вздохнули с облегчением. Затем они двинулись дальше мрачными коридорами. Подвалы клиники Военного Института выглядели именно так, как Тема и ожидал — низкие потолки, тусклый свет, железные двери с маленькими окошками и без опознавательных надписей. Больше похоже на тюрьму, чем больницу.

— Товарищ генерал, — особист Максимов влез вперед. чтобы быть поближе к начальнику, — а почему мы не можем просто… ну я не знаю, ударить чем-то по Опере? Мы же знаем локацию, можно навести артиллерию или, чтобы наверняка, небольшой ракетой жахнуть?

— Нет никаких гарантий, что это остановит трансляцию, — ответил Алдаров. — К тому же, мы не знаем, есть ли у них какие-то системы защиты. Будет неприятно, если что-то прилетит в ответ по Атому. К тому же, советники от науки считают, что если уж там существует цивилизованное общество, то всегда можно договориться. Во что я лично не верю.

— Почему? — не удержался Тема.

— Ты сам все видел, сынок, — неприятно фамильярно отозвался генерал, — будет удачей, что за таким лицом сохранилась хоть капля разума. А если и сохранилась, то как они будут относится к нам? Не просто так они из Пятен не лезут, и мы ничего о них не знаем.

Конечно. Если кто-то отличается от тебя, то лучше считать его врагом. Можно было и не спрашивать. Как еще могут мыслить в Военном Институте?

— Пришлось перевезти их сюда, чтобы не тащить вас на полигон, — ответил генерал, поворачивая на лестницу. Они пошли еще глубже в довоенные подземные ходы научного центра. Он вывел их к большим, как ворота гермодверям.

— Ну-ка, Юрий, подсобите-ка…

Скай тут же вышел вперед, схватился за тяжелый вентиль, провернул его и дернул на себя — тяжелые металлические ворота отошли в сторону, показав свою толщину.

— Старое убежище, — пояснил генерал, — тут просторно, поэтому сунули их сюда.

Внутри было темно, но Алдаров повернул какой-то рубильник и под потолком зажглись лампы. Где-то загудела вентиляция. Пахло пылью. Помещение было большим и пустым, как будто отсюда все вытащили.

Но вдоль дальней стены на специальных кранах-подвесах висели три… несомненно это было то о чем Тема подумал. Довоенная силовая броня.

Он в своих похождениях находил только фрагменты и никогда не видел экзоскелет в полном сборе. Он производил впечатление.

— Неплохо! — не удержался Юрий Скай.

— Рано радуетесь, — мрачно заметил генерал, — как видите, у нас всего три рабочих экземпляра. запустить их и испытать удалось

только на днях и даже жаль, что такие машинки придется отправить в Пятно.

Конечно, подумал Тема. Свои игрушки вам жальче чем людей.

— Они прилично защищают от радиации, — продолжал генерал, — но только в том случае, если постоянно находится в нем. Если вы внутри Пятна решите вылезти из экзоскелета и нарушите герметизацию — радиоактивная пыль тут же попадет внутрь и никакого смысла от брони уже не будет. Для отправления естественных надобностей там все предусмотрено — специальные насадки и катетеры… звучит неприятно, но лучше чем облучаться. Есть запас и подача воды для питья и даже система, подающая жидкую пищу. Мы зальем туда протеиновые коктейли.

— Нам надо решить, кто будет в броне, а кто — на своих двоих? — спросила Лена.

— Так точно, — ответил Алдаров, — точнее даже так. Много вакцины тоже сделать не получится. Поэтому три человека без вакцины будут в силовой броне, а еще три — с вакциной. Скорее всего, мы сможем дать вам еще парочку запасных уколов с собой на случай, если чей-то экзоскелет выйдет из строя и придется идти на своих двоих. Но это максимум.

— Пробыть неизвестно сколько времени в консервной банке без возможности ее покинуть, ходить под себя и питаться жидким раствором, — подытожил Тема, — или вколоть в себя неизвестно насколько рабочую вакцину? Прекрасный выбор.

Генерал покосился на него.

— Это и не прогулка, — заметил он.

— Как мы решим, кто возьмет броню, а кто вакцину? — спросил Максимов.

— Это вы сами. Совет считает, что мы здесь не можем отдавать вам приказы.

Совет просто не хочет брать ответственность на себя, перевел для себя Артемий.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Часть 2. Глава 1

Их на пару часов оставили в покое в одной из зон отдыха Института Технологий. С высоты башен открывался панорамный вид на Атом, на общественной кухне было все что пожелаешь от кофе до сладостей, а на длинных диванах можно было даже и поспать при случае. По домам их отпускать не хотели.

Настроение у группы было подавленное — очевидно, что никто из них не ожидал, что ситуация окажется именно такой.

Они сидели на диванах. Кто-то пил кофе, кто-то что-то жевал и каждый думал о своем.

Юрий активно поедал кухонные запасы ученых, хотя, вроде бы, недавно ужинали.

— Эй, Скай, — вдруг нарушил молчание особист. Он, видимо, возомнил себя кем-то вроде комиссара отряда и начал прощупывать почву, — а тебе это все зачем? Ты вообще гражданин другой страны, волен уйти. Да и судя по всему, если ты захочешь — тебя ничто не удержит. Почему ты до сих пор здесь?

Юра, выглядящий гораздо бодрее всех остальных с интересом посмотрел на вояку, продолжая жевать.

— Моя задача — безопасность Сибирской республики, — ответил он, — сгонять в Пятно и заглушить это радио — часть этой задачи. К тому же, извиняюсь, конечно, за эту мысль, но у меня гораздо больше шансов выжить, чем у вас.

— Вот да, кстати, — встрял Тема, — почему просто не попросить доставить нам вакцину Хендерберга? Это наверняка быстрее, чем разрабатывать неизвестно что на основе вытяжки из трупа.

— Да, — согласился Максимов, — в такой ситуации какие уж секреты!

— Дело не в этом, — просто ответил Юрий, с сомнением оглядывая корзинку с печеньем, — дело в том, что ее больше нет. Точнее есть небольшое количество доз, которые нужны для изучения и попыток синтезировать что-то подобное. Основной найденный нами запас уже исчерпан.

— Много нашли? — с интересом спросил Максимов.

— Не особо, — не вдаваясь в подробности ответил Скай и все-таки приступил к уничтожению печенья.

Максимову явно хотелось узнать побольше. Еще бы, это важная информация о “потенциальном противнике”.

Возможно, конечно, что республиканец врал. Может быть у них завались вакцины, но она нужна им, чтобы отбивать атаки Орды, а делиться с Атомом может быть чревато в будущем, если волну с юга удастся обуздать.

— Звучит так, кстати, что нашему гостю силовая броня не понадобится, — виновато сообщил Роман. Рано или поздно кто-то должен был начать разговор на эту тему.

— Я и не претендую, — ответил Юрий, жуя, — более того, я и вакцину принимать не буду. Мало ли как она будет взаимодействовать с той штукой, что уже во мне… Так что у вас на один “экстренный” укол больше.

— Сибиряк, ты можешь не жевать, пока говоришь, — поморщился Максимов.

— Извините, — республиканец, как будто всерьез смутился, — побочный эффект. Метаболизм повышенный.

Максимов усмехнулся.

— Еще и кормить тебя за наш счет, — пробормотал он. — С другой стороны, может, и хорошо, если вас таких там много. Сожрете все продовольствие и загнется ваша республика.

— Что за ужасное желание, чтобы у соседа было все плохо? — с искренним интересом спросил Скай.

— Был бы сосед добр — проблемы бы не было. Процветайте себе. Но вам же мало, не так ли?

— Я не политик, но, по-моему, единственное, что мы вам предлагаем — это объединится. Не самое плохое предложение, учитывая плачевное состояние… да, пожалуй, всего на свете.

— Для вас — объединение, для нас — потеря независимости. Мы маленькие, вы большие. Исход очевиден.

— Мы большие и можем защитить.

— Кажется, мы вернулись к началу. Если можете защитить, то что за прикол вообще с этим прикол? Притащи сюда пару тысяч твоих братьев и нагнем Орду на ближних подходах!

— Значит, ты понимаешь, что этих, как ты сказал, “братьев”, у меня нет. Так что, простите, что расстраиваю, но придется колоть в себя жижу из мертвеца и ехать в Пятно.

— Что возвращает нас к вопросу, кто ее получит, — напомнил Панин.

— Вообще выбор очевиден, — заявил Тема. Он считал себя самым опытным в комнате по части выживания в пустошах, а потому был уверен, что его послушают. — В силовую броню садим тех, кто очевидно менее всего приспособлен к передвижению в пустоши. И это, можете обижаться, можете нет, вполне конкретные люди. Лена, Роман и Илья — силовая броня ваша. Остальные принимают вакцину.

Группа отреагировала по-разному. Лена смотрела с открытой благодарностью. По ней было видно, что она собиралась бороться за броню — таскаться по Пятну пешком молодой девушке было решительно незачем, да и первый опыт вышел, мягко говоря, ужасающим. Роман улыбался, как показалось Теме — снисходительно. Илья только кивнул — он признавал свою слабость и соглашался с раскладом более опытного коллеги.

— Не согласен, — возразил Максимов. Он сверлил Тему взглядом. Видно было, что ему хочется погонять в броне и то, что собиратель сейчас хотел его этого удовольствия лишить, ему сильно не понравилось. — Силовая броня нужна тем, кто будет силовым кулаком группы. Бойцам.

— Я, например, стрелок и разведчик. Я эффективен, когда могу спокойно перемещаться и при этом иметь нормальные человеческие пальцы, чтобы на спуск нажимать, — ответил Тема, — мне ваша броня нахрена? Да, согласен, экзоскелет звучит интереснее, чем порция неизвестной жижи, но мы будем в Пятне, а это в первую очередь пустошь. В пустошах выносливость важнее всего остального. Те, кто не могут сохранять темп и работать в условиях тотальной усталости — будут нас тормозить и, скорее всего, погибнут. Силовая броня решает эту проблему.

— Я, с вашего позволения, буду относить себя к этому вашему силовому кулаку, — Скай смотрел на Максимова так, будто изучал его. И правильно. Если кому в этой группе стоило доверять меньше всего — так это особисту. Возможно, его и приписали к группе для слежки и поддержания субординации, а не в реальную помощь.

— Можем проголосовать, — предложил Тема, — мы все-таки в Атоме, тут все решает коллектив.

— Позвольте, — неожиданно вступил Панин, — я, возможно, смогу решить вашу проблему без голосования. Так как я с удовольствием уступлю силовую броню господину Максимову.

Тема устало посмотрел на Романа. Тот не выглядел прям старым, но был уже заметно в возрасте. Здесь, в теплом комфортном помещении, кажется, что он в целом мужчина в самом расцвете сил — острый ум, крепкое здоровье. Но Тема понимал, что это обман. В пустошах это будет первый человек, который запыхается, сотрет ноги, схватит понос, подвернет лодыжку или выкинет еще что-то в таком роде.

— При всем уважении, — сказал он, — но без силовой брони вы будете нас задерживать.

— Не буду, — с твердой уверенностью произнес Роман, — да, я не полевой работник, я кабинетная крыса. Но поверьте мне, Артемий, там, снаружи, я смогу вас удивить.

— Если вы ходите в качалку или бегаете по утрам — это не показатель, — заметил Максимов, но тут же поправился, так как понял, что играет против себя. — С другой стороны, у нас будет транспорт. Это, как мне думается, немного поможет с проблемой выносливости, которую так боится наш собиратель.

— Наш собиратель, — сдерживаясь, ответил Семен, — убежден, что транспорта можно лишиться легко и быстро. И придется надеяться на наши ноги.

— Здесь я согласен, — подал голос Скай, — нужно продумывать все так, будто нам предстоит все провернуть пешком.

— Дело не только в этом, — произнес Панин, — здесь я частично согласен с нашим добрым особистом. Нам нужен хотя бы один человек с боевым опытом в силовой броне.

— А он у вас есть? Боевой опыт? — напрямую спросил Тема, глядя в глаза особисту, откровенно используя его допросную манеру.

— Как сказал господин Панин, — ответил Максимов спокойно, тоже не открывая взгляда, — там, снаружи, я смогу вас удивить.

* * *

— У вас есть немного времени подготовиться, — говорила Татьяна, собрав их всех в лекционном зале Института Технологий, —

пока готовится вакцина. Нам неизвестно, что именно может вам помочь, но кое-что сделать мы все же способны. Наши лингвисты и филологи будут прослушивать записи трансляций Нового Храма. Возможно, им удастся вычленить из них что-то полезное.

— А у них не начнется такая же штука, как у Ильи? — спросил Максимов.

— Может быть, — ответила Татьяна, — но судя по всему механизм несколько сложнее, мало просто слушать, должно быть что-то еще. К тому же, если все же начнется — это тоже информация, не так ли?

— Как-то жестоко, — заметил Роман.

Тема не выдержал и захохотал.

— Они отправляют нас на миссию, у которой нет обратного билета, — сказал он и затем передразнил ученого. — “Жестоко”.

Он замолчал, уловив на себе взгляды Ильи и Лены. Они явно не считали свое положение объектом для шуток. Возможно и зря. Дольше бы сохранили рассудок. А то, что все они немного тронутся умом в процессе, Тема не сомневался.

— Пусть выяснят, что такое Полный Список, — предложил Роман как ни в чем ни бывало, когда Артем закончил, — звучит как ключ ко всему.

— Наши спецы тоже так думают, — согласилась глава Института. — Это первая часть подготовки, вам в ней участвовать необязательно, но если хотите можете тоже слушать трансляции, может быть, придут в голову какие-то идеи. Второе, что нам нужно сделать — определить способ вашего захода в Пятно. Я аккуратно пообщалась с собирателями на тему гипотетической возможности такого и собрала несколько вариантов. Но может быть у вас есть свои соображения.

— Почему бы это не поручить Военному Институту? — спросил Максимов, — это по сути военная операция.

— Именно поэтому стратегию разрабатываем мы, — поставила его на место Татьяна. — Последнее о чем стоит думать при этом — что мы тут в войну играем. Но вы, конечно, можете что-то предложить из своего опыта.

Уф, подумал Артем. Второй раз особиста поддевают тем, что у него нет боевого опыта, что он в кабинете свои штаны просиживает и

зарабатывает на жизнь тем, что мешает нормальным людям заниматься своими делами.

Впрочем, Максимов держался спокойно, будто получил приказ не реагировать.

Затем Татьяна изложила варианты, которые она собрала с собирателей.

Первый был прост — взять мотодрезину и прямо по железной дороге влететь в Пятно до тех пор, пока рельсы не кончатся. Конечно, в районе Инской пути вряд ли уцелели и придется спешиваться. Второй вариант был похож — взять самоходку и влететь в Пятно на ней, но уже по обычной дороге. Здесь плюс был в том, что можно было забраться гораздо глубже.

— Это если мосты через Иню уцелели, — усомнился Роман, и Тема вынужден был с ним согласиться.

Оба эти варианта предлагали заход со стороны Атома, с юга. Во-первых, это значило, что операция будет заметной и шумной, если не сказать демонстративной. Если там есть устойчивое поселение, то они такое заметят сразу. С точки зрения Татьяны это было то, что нужно. Открытый приезд будет принять менее подозрительно, чем попытка проникнуть в Пятно скрытно. А значит, можно будет сразу выстроить доверительные отношение с теми, кто внутри. Если это вообще возможно.

— Третий путь — скрытный, да, — нехотя сообщила Татьяна, — он предполагает исключительно пешее перемещение по тропам собирателей и заход в город с востока. Можно было бы попробовать перебросить вас через ГЭС и попробовать заход с левого берега Оби, но опять же — мы не знаем, уцелели ли мосты через реку. Точнее почти на девяносто девять и девять процентов уверены, что они не уцелели. Если на Иню надежда еще есть, то с Обью — вряд ли. Все крупные мосты были приоритетными целями для ядерных ударов.

— Заход с востока хорош еще тем, что мы войдем под жесткое облучение ближе к Оперному театру, — ответил на это Тема, — с юга мы почти сразу попадем под Первомайский Выступ и весь путь проведем в Пятне.

— Но у нас будет преимущество в скорости, — заметил Скай, — если двигаться на транспорте.

— И какая-никакая защита от радиации благодаря броне, — добавил Максимов.

— Есть еще одно преимущество захода с юга, — заметила Татьяна, — если вам удастся добраться до Речного вокзала на транспорте, то там вы сможете спешиться и зайти в тоннели метрополитена, если они не обрушились. Наверняка радиация под землей пониже. По ним вы дойдете до театра.

Тема признал, что эта идея хороша. Конечно, новосибирский метрополитен не был полноценным укрытием от такого удара, который принял на себя город — все же это мелкое заложение и полноценным убежищем от прямых ударов ядерного оружия такой тип подземки быть просто не мог.

— У нас есть амфибии? — спросил он и повернулся к Максимову. — Ваши бронетранспортеры, вроде, умеют плавать? На случай, если нормальной переправы через Иню все же не осталось.

— Я думаю, генерал нам не откажет, если мы возьмем одну из таких. Тем более, что нам придется везти три единицы силовой брони, — веско кивнул особист. — Но я все же за путь с востока.

Тема внутри себя был согласен с ним. Там дороги тысячу раз им хоженные. И можно будет не показывать себя. А если их и правда сразу атакуют, не успеют они пересечь границу Пятна? К тому же до кирпичного завода можно было доехать на транспорте — они ведь своими глазами видели, что это удалось ребятам, отправившимся на Северск.

— Есть еще один вариант, — заметила Татьяна, — он вам точно не понравится.

— И какой же? — осведомился Максимов. Он вел себя так, будто представлял, что он глава группы.

— Выйти на Дьяволов, — ответила Татьяна, — если кто и вступал в контакт с жителями Пятна — так это они. Никто из собирателей не уверен, что с рейдерами из этой группы можно вступить в адекватный диалог, но я все же решила оставить этот вариант тоже. Слухи о “зомби”, которые мы собирали, были в том числе и о Дьяволах. Мол, среди них мертвецы ходят.

— О нет, — сразу же возразила Лена, — нет-нет-нет.

Тема понимал ее. Последнее, чтобы он хотел в ее ситуации — это пытаться поговорить с теми, кто еще недавно на твоих глазах убил

твоих друзей. С другой стороны, идея Татьяны имела смысл. Если не поговорить напрямую, то как минимум взять пленного и допросить. А уже потом выбирать маршрут, на месте, в поле. Лене придется потерпеть.

Возникла неловкая пауза — непонятно, как было реагировать. Все бросали сочувственные взгляды на девушку, но высказаться никому не хватило смелости.

— Как нам на них выйти? — прервал молчание Максимов.

— Это как раз по вашей части, разве нет? — вопросом ответила Татьяна. — Вам и так нужно усилить патрули, чтобы история Лены и ее друзей не повторилась. Так пусть сообщат, если увидят перемещения или стоянку Дьяволов.

— Учитывая как эти твари осмелели, — Роман потер подбородок, — думаю, нам не придется долго ждать о новых сообщениях о них недалеко от стен Атома.

— Хочется здесь задаться вопросом почему вдруг они так осмелели, — добавил Максимов.

— Потому что ваши дохрена расслабились? — спросил Тема, не удержавшись.

— Если вы решили затеять очередной спор на эту тему, то это нам сейчас не поможет, — строго заметила Таня и была права.

Какое-то время они обсуждали каждый вариант, строили теории, догадки, спорили. Максимов уперся и хотел скрытую операцию, Лена — за самый быстрый вариант, пусть бы это уже все кончилось, Илья и Роман смотрели на Тему. И Скай тоже. Они понимали, кто здесь должен решить.

Тема виновато посмотрел на Лену.

— Выйдем в пустошь и найдем Дьяволов, — сказал он, — нам нужно больше информации. Я не против быстрого пути, но нам хотя бы что-то нужно знать о гулях. Насколько они разумны и готовы общаться? Что они сами знают про трансляцию? Они ли ее ведут?

— Общаться с дьяволами… — пробормотал Максимов, — да, вот это деньки, конечно, настали.

Ч2. Глава 2

Крыша у десантного отсека откидывалась — поэтому Тема наполовину торчал из бронемашины с ускорителем наготове и осматривал окрестности. Вел Максимов и делал он это, надо было признать, хорошо — умело смягчал неровности бездорожья, держал приличную скорость и даже умудрялся не слишком пылить.

Транспортер оказался внушительным — в нем даже как-то пусто было, пока они вшестером внутри без комплектов силовой брони. Очевидно, этот транспорт был создан именно для перевозки и десанта тяжелой пехоты в экзоскелетах.

О следе Дьяволов им сообщили на рассвете, срываться пришлось быстро. Команда предложила взять силовую броню на выезд — потренироваться, но Алдаров уперся — нечего раньше времени секретами светить.

Дьяволы захватили пост “Юрманка”, бывшую довоенную горнолыжную базу, ныне — наблюдательный пост, бывшая застава до расширения территории до Маслянино. Туда расширятся было тяжело — нормальных дорог нет, нужно объезжать Искитимско-бердское Пятно, местность сложная, рельефная, слоится холмами и скалами, и густо поросла плотным, по-настоящему таежным, сосняком — отсюда начинается Салаирский кряж, цепочкой идущий дальше, к Горной Шории, где, если верить Скаю сейчас армия Сибирской республики сдерживает натиск Орды.

Территория была совсем не дьявольская, там вообще рейдерских групп или других аутсайдеров особо не было, чего им там делать? Хвою жевать? Но дела делались по-дьявольски дерзкие — захватить пост, это надо обладать и изрядной дерзостью и изрядным безумием. Этого у них имелось в достатке. Но, видимо, было что-то еще, чтобы иметь возможность зайти так далеко от Пятна. Какая-то цель и воля, несвойственная рейдерам.

Штурмовая группа засела на Бердских скалах, но им приказали не спешить — дождаться “особый отряд”. Скорее всего, заложники-постовые, если не все успели сбежать, уже мертвы — Артемий ощутил укол совести. Промедление ради них стоило кому-то жизни.

Вокруг двигался лес. Еще ненастоящий, посеченный радиацией и давней войной — то и дело они выезжали в широкие поля, дозиметры сразу начинали петь свою песню, а по правую руку открывался вид на широко разлившуюся Бердь. Что за ней — видно не было, но все знали, что там Пятно — погибшие довоенные города-сателлиты Новосибирска, которым не повезло так, как Атому. А точнее даже больше досталось из-за него. Сюда действительно выезжали из Атома городские, чтобы развеяться, посмотреть на мир за стенами и ощутить себя настоящими исследователями пустоши после душных кабинетов, затхлых квартир и подвальных лабораторий. Местность считалась относительно безопасной для такого типа вылазок. Только не ходи в камуфляже, чтобы тебя, если что, быстро нашли и спасли, и имей хоть какое-то представление о технике безопасности в дикой местности. И, конечно, не лезь в руины! Вообще-то очень полезное правило, которое сплошь и рядом нарушалось.

К созерцанию природы присоединилась Лена — вылезла наверх, сложила руки на броне и положила их на подбородок. Как раз одна из таких “туристок”, которой сильно не повезло.

— Почему мы не едем по шахтерской дороге? — спросила она. И правда, можно было взять восточнее и, скорее всего, застрять в веренице автопоездов, идущих от антрацитовых карьеров к Атому. Добывать опасный, зараженный радиацией уголь, отправлялись только осужденные по определенному списку преступлений. Добыча была тяжела, без довоенного оборудования — низкоэффективна и довольно травмоопасна, но Атому нужен был уголь для горячей воды и отопления. К тому же обе котельные, имеющиеся у города приспособили и для выработки электричества. Да, у них была ГЭС — огромная гордость и источник мощности Атома, но Совет разумно решил, что надеяться только на один источник энергии — слишком ненадежно.

— Я своими тропами нас веду, — ответил Тема, — они трудные, но для такой машины проблемой не станут.

— Как ты понимаешь, что ты на тропе собирателей?

Тема улыбнулся. Все-то тебе расскажи.

— Это наш цеховой секрет, — ответил он.

Дорога пошла хуже, их стало покачивать. Гусеницы чавкали в жиже. Болото в извивах небольшой, но своенравные речки — Коен.

Предстоял брод. Здесь-то машинка и покажет на что она способна. Если здесь не проедет, то и Иню не форсирует, а значит заход будет с востока.

— Можно вопрос? — подала голос девушка.

— Ага.

— Чисто в теории — нас же послали на смерть, да? Не сейчас, в смысле, а там…

— Я планирую выжить, — коротко ответил Артемий. Он, конечно, бравировал и храбрился. Глубоко внутри себя он понимал, что их команда обречена если не на гарантированную гибель внутри Пятна, то на скорую мучительную смерть на больничной койке после. Герои, спасшие город и, возможно даже, всю Сибирь, будут умирать в мертвенном свете больничных ламп, пока с них кусками сходит кожа и плоть.

Лена поняла его мысли.

— Если мы все умрем, — страшно буднично произнесла она, — то почему мы сейчас не даем по газам и не валим подальше от Атома? Доехали бы до какого-нибудь независимого поселения и пусть попробуют найти.

— А через полгода нас уничтожит Орда, — скептически произнес Тема. Не сказать, что он не думал о побеге. Но раз за разом приходил к мысли, что это глупость. И, скорее всего, сама попытка превратиться в бойню между собой — кто знает, может остальные уже решительно смирились с ролью героической жертвы.

— Поэтому они нас так спокойно отпустили без сопровождения, да? У нас нет выхода.

— У тебя — есть, — честно ответил Тема. — Мы можем высадить тебя в Маслянино, там найдешь другого собирателя, он тебя на заставу Танай проводит, а там и до границы с республикой недалеко, в другой стране затеряешься.

Лена как будто всерьез об этом задумалась. На ее месте он бы так и сделал. Во-первых, он был бы честен перед собой и осознавал бы свою бесполезность. Ни опыта, ни подготовки. Кинули чисто на убой, чтобы на кампусе не болтала, а то мало ли, студенты — шебутной народ. Во-вторых, никакой подвиг не стоит того, чтобы настолько молодой девушке складывать голову. Кто бы что ни говорил, а ее собственная жизнь будет поважнее, чем глобальная война. Это было

непопулярное мнение в таком мире — неуютном и смертельно опасном. Но пустоши учат, что кроме тебя самого ничего больше нет, все остальное пыль, фотончики на рецепторах. Собственное выживание превыше всего.

Почему я тогда сам не воспользуюсь своим же советом, подумал Тема. Мне-то какое дело до Атома? Пошлют другую группу, делов-то, как-то проблему разрулят, мало ли у города было смертельных угроз? Ничего, стоит уже не один десяток лет.

Но его много что удерживало и в первую очередь — сама сущность собирателя. Его движимой силой было любопытство, а что может сильнее утолить этот голод, чем сердце Пятна? Увидеть руины былого, чего не видел никто из ныне живущих. Это ему подходило.

— Я маме сказала, что меня на расследование взяли, — поделилась вдруг Лена, — мол, я буду показывать, где что произошло и как на нас напали. Рассказывать правду было нельзя, да и духу не хватило…

— Тебе разрешили свидеться с родителями? — удивился Тема. Он не мог поговорить даже с коллегами, не то что с родными.

— Татьяна разрешила, — кивнула Лена, — хорошая женщина. Видно, как она на меня смотрела. У нее дочка могла бы быть моего возраста… или есть.

— У нее два сына, — ответил Тема машинально, — один еще в штаны ходит, а второй школьник.

— Так и думала, что с одними мужиками будет тяжело и одиноко, — грустно улыбнулась Лена, — вместо поддержки сыпете фактами какими-то. Постоянно.

— Я тут не психолог, — мрачно ответил Тема. Он разозлился — чего эта мелочь его судит? — Хочешь за чувства поговорить — вон есть Максимов.

Лена тихо засмеялась.

— Последний к кому я бы пошла, — шепнула она. Даже такая неопытная, чтобы разбираться в людях девочка понимала, кто в этой компашке опасная зловонная куча ядовитого дерьма.

Тем временем БТР добралась до самого русла и без снижения скорости ухнула в воду. Прилично качнуло, нос зарылся в темную гладь, взрыхлил ее, а затем поднялся наверх — машина оторвалась от дна и поплыла.

— Как-то это даже… успокаивает, — удивленно заметила девушка. Скорость сильно упала, и они шли по воде будто прогулочный катер — неспешно и плавно.

Ширина речки была небольшой — метров тридцать. Другой берег плотно порос лесом, но впереди был проезд — старая просека. Сосны по обе стороны стояли как войско хранителей врат. За Коеном начинался настоящий лес.

— Я, кстати, не обижаюсь, — вдруг сказала Лена.

— На что?

— Что ты решил Дьяволов искать. Я заметила, что ты учел мое состояние, когда принимал решение. Да, мы теперь едем к тем, кто меня мучил и… всех убил… но ты хотя бы обратил внимание, что мне это важно. Спасибо.

— Надеюсь, что тебе и не придется с ними сталкиваться, — ответил Тема, — мы все сделаем сами. Там военные, спецназ… сил достаточно, чтобы ты могла тихо посидеть в транспорте.

— Знаешь, что самое страшное? — спросила она, понизив голос так, что собирателю пришлось наклонится к ней ближе, чтобы слышать за гудением мотора. — Узнать кого-то из них. Что вот этот чувак — убил Олега. Понимаешь?

Артемий кивнул.

— Что бы ты сделала?

— Ты имеешь ввиду, хотела бы я отомстить? Н-не знаю…

— Я не думаю, что кто-то из той шоблы выжил, — серьезно сказал Артемий, хотя в ушах его все еще стоял злобный визг: “Меня зовут Марта! Запомни это имя”. Она могла и выбраться — да, связана, но серьезно не ранена. В отличие от остальных, которые попали под руку Юрия. — Но это хорошо, что ты не знаешь. Пустошь не любит мстителей.

— Ты так говоришь о ней, будто она — живое.

— А она живое, — подтвердил Тема, — в ней бьются десятки тысяч сердец и миллионы деревьев шелестят хвоей или листьями.

— Поэтично. Это речной променад так влияет? — она снова тихо засмеялась.

Впрочем, речка заканчивалась — южный берег был выше, поэтому транспортер сначала ткнулся в землю носом, чуть взрыл ее, подняв на броню комья травы, а потом двигатель заорал что есть силы

— мокрые скользкие траки тащили металлическую тушу наверх. Чуть впереди и вверху показалась ржавая ферма старой опоры ЛЭП.

— Эй! — рядом появился Скай, — там капитан хочет, чтобы мы забросили трос лебедки на эту штуку. Помоги.

Артемий кивнул, посмотрел на Лену, мол, хорошо поговорили, и полез наружу.

* * *

Они вернулись на дорогу в районе разреза — огромные карьерные самосвалы выплыли из-за деревьев, как какие-то древние ископаемые существа, только оквадраченные и отесанные человеком. Миновать шахты совсем было нельзя — дорога на Юрманку вела мимо них, но зато они объехали самую неприятную часть — пыльную дорогу, забитую вагонами с углем, от которого звонко фонит.

— После Усть-Чема такого крюка придется дать, — заметил Максимов, которого за рулем сменил Роман — на хорошей дороге эту машину мог вести почти любой. — Там нет твоих тропок мусорщицких? Напрямую сквозь Легостаевский лес или вообще вдоль берега рвануть?

Тема сел так, чтобы его мог слышать только особист.

— Каких тропок, говоришь?

Максимов смотрел на него бесстыжими глазами. Кого ты хочешь надуть здесь, с возмущением подумал Тема. Сейчас начнет свою телегу про то, что мы же тут все как будто из вашего брата, вот я и решил, что…

— Ты чего? Я же типа по-дружески.

То, что Максимов проверял его реакцию — было очевидно. Конечно, он не стал бы провоцировать собирателя просто так. Но проверка ему нужна, он ведь в комиссара играет. И, конечно, чувствует конкуренцию. Они не выбрали командира, а открыто претендовали на эту роль только он, Максимов, и Тема. Один — вел технику и вроде представлял Военный Институт, который им тут все обеспечивал, второй — определял маршрут и знал пустошь лучше остальных.

— По-дружески? — спросил Тема. — Окей, чекист, давай разберем твой вопрос. Вдоль берега мы бы прошли пешком, но на этой колымаге — рельеф не позволит, тут берега крутые, а местами вообще скалы. Через лес щемиться — тоже не вариант, здесь он слишком плотный, ни просек, ни тропинок, где бы мы протиснулись.

Дальше Максимов ехал молча. Утратив к нему интерес, Тема вернулся к открытому верху. Там кроме Лены торчал теперь и Скай. Они ехали прямо вдоль карьера, дорога изгибалась, подчиняясь его границам. Черный уступчивый провал уходил вниз, на ярусах выделялись желтые коробочки самосвалов. Дозиметр тревожно трещал.

— Может закроем? — предложила Лена.

Юрий не отвечал, он смотрел в сердце карьера.

— Что, — не удержался Тема, — как дома?

Скай улыбнулся.

— Я красноярский, — сказал он, — хотя на Кузбассе бывал. Там помасштабнее разрезы бывают.

— Девушка права, давай закроем борт, пыли налетит угольной — будем стрекотать, пока до душа не доберемся, а это еще не скоро случится.

Они вдвоем подняли тяжелую плиту верхней крышки, — она тяжело перевалилась на петлях и ухнула в пазы. Максимов щелкнул светом, так как в отсеке сразу стало темно и гулко. Говорить стало тяжело — звук мотора глушил все.

Они долго двигались по извивам дороги разреза, затем начался прямой участок, а после него дорога сделала два резких поворота направо — и Тема и без всяких ориентиров понял, что они подходят к Усть-Чему. Но открываться сразу не стали — хотелось отъехать подальше. Поэтому, когда они вылезли снова на свет божий, вокруг уже потянулись деревенские домики.

— Остановимся? — предложил Максимов. — Три часа в дороге.

Они встали на перекрестке, который выглядел как центральный — на нем стояло небольшое здание магазина. Дорога направо вела к мосту через Чем, где эта речушка почти под прямым углом вливалась в Бердь — их дальнейший путь.

Тема ни разу здесь не останавливался, поэтому поселение знал плохо. Вроде здесь поселили надзирателей с шахт — то есть сплошь сотрудники Военного Института. Долго стоять тут не хотелось. Но Максимов был прав — нужно было перекусить да размять ноги.

Они бодро покинули десантный отсек.

— За мостом дорога — херня, — сообщил особист Роману, — так что снова я за руль.

Вокруг них потихоньку собирались любопытствующие местные, в основном женщины и дети разного возраста. Наверняка такую бронемашинку они здесь у себя еще не видели.

По дороге от моста к ним шел человек с автоматом — патрульный.

— Здравствуйте! — издалека еще начал махать он. — Атомские? Какими судьбами?

Увидев форму особиста постовой перестал махать и улыбаться, а вдруг выпрямился и отдал честь.

— Вольно, — разрешил Максимов.

Что за дичь, подумал Артемий, мы же в пустошах. Никто тут честь никому не отдает, даже офицерам. Миша, например, никогда перед Егором пальцы к виску не прикладывал — не принято было.

— Так что, — повторил вопрос постовой, — вы к нам или проездом?

— На Юрманку едем, — ответил Максимов.

— Так вы рейдеров прете выбивать? — и вояка осмотрел их отряд. На боевую группу они были похожи меньше всего.

— А я смотрю вам тут уже про захват известно тут, — кивнул Максимов.

— Так у нас тут двое оттуда раненные, их вчера доставили.

— А вот это интересно. Где вы их держите?

Илью, который за всю поездку не проронил ни слова и Лену оставили у транспорта — одновременно присматривать и не мешаться. Тема бы и Романа оставил, но тот упрямо увязался за ними.

Они прошли немного назад и повернули к длинному одноэтажному зданию местной администрации. Около нее стоял какой-то довоенный памятник — человек на постаменте и, судя по всему, какие-то стелы, но от них остались одни обломки поросшие плющом.

— У вас отдельно фельдшерского пункта что ли нет? — уточнил Максимов.

— Здесь — нет. Он там у нас, на шахтах. Но их же туда не потащишь…

Они зашли в администрацию, повернули в коридор налево и шагнули в широкое пустое помещение с небольшой сценой — клуб, общественный центр. Раненые лежали на походных матрасах прямо на

сцене, рядом с ними сидела какая-то женщина и читала растрепанную книжку.

— Забирай гражданскую и подожди нас снаружи, — распорядился особист. Патрульный заметно сник — он, видимо, ждал, что получится услышать какие-то интересности и потом почесать языки с мужиками. Не вышло.

Ч2. Глава 3

Оба бойца, бежавших с поста, были в сознании. У одного была перебинтована голова и рука в гипсе, а второй был гол по пояс, все его туловище было широко перехвачено бинтом поперек грудной клетки.

— Привет, парни, — голос Максимова изменился стал похож на тот, которым он разговаривал на КПП — мягкий, вкрадчивый, опасный.

— Здорово, капитан, — ответил голый, — сержант Трунев. Приехали нас забрать?

— Не, мы дальше, туда, — Максимов махнул рукой, но не угадал со стороной в помещении — на север. Тема улыбнулся. Он везде чувствовал направление. Под землю засунь — сможет определить куда идти.

— Выбивать этих чертей, — кивнул сержант. — Закурить есть?

— Какой тебе курить, лежи давай. А ты, друг?

— Семенов, дружинник, — слабым голосом отозвался раненный в голову. Кажется, его основательно мутило.

— Нам будет полезна вся информация, которой вы располагаете, — продолжил Максимов и аж прошелся перед сценой, — сколько Дьяволов на вас напало, какие здания и помещения у вас там есть, высоты может. Все, что поможет их выбить.

— Я думал их уже выбивают, — отозвался сержант, — там же штурмовики.

— Ну вот так вышло, что их мало, еще мы нужны.

Сержант осмотрел всех и не сдержал усмешки.

— Без обид, капитан, но наши парни там посерьезнее вас будут. Раз в десять.

— Не твоего ума дела боевую оценку производить, Трунев, — поставил его на место Максимов. Он вдруг стал очень уверенным. Включил особиста и нажал на газ. Фамилия прозвучала особо неприятно. Чекист как бы говорил: вот видишь, я тебя запомнил. — Так что там?

— Их человек тридцать, может чутка больше. Четырех или даже пятерых минимум мы точно положили — они на пулеметную точку

бежали как идиоты, скосили их… а остальные не знаю. Может, другим ребятам удалось кого еще снять.

— Пулемет захвачен?

— Да, — кивнул сержант, — херовое дело, знаю. Но из этих чудиков стрелки так себе.

Максимов внимательно оглядел сержанта.

— Только вот эти чудики сейчас там, а ты тут чалишься. Другие раненые есть?

— Не знаю. Другие могли на Маслянино уйти, рейдеры в лоб ударили, так что нас почти пополам разделило. Мы в эту сторону стали отходить, нас свои по дороге приняли и сюда проводили. У них точка на Берди.

— Сколько вас было на заставе?

— Личный состав — двадцать человек, но трое в отпуске по болезни, в Атоме. Значит, семнадцать было.

— Кто старший?

— Лейтенант Рудак. Но его убили, я видел.

— Почему отступили? Чудаки с пукалками почти так легко взяли гарнизон с пулеметом и двадцатью обученными солдатами?

Сержант ответил не сразу. Понимал кто перед ним, нужно было выбирать слова. Тема искоса смотрел на Юрия, но тот выглядел абсолютно скучающе. Хотя кто их знает порядки у республиканцев, может, они допросы людей, которым вообще-то медпомощь нужна, каждый день устраивают.

— Патрульные продолбались, — наконец, произнес сержант, — они к этому непривычные, у нас рейдеры редкий гость. То ли в карты сидели играли вместо того, чтобы за округой сидеть, то ли бухали вообще. Их первыми вальнули.

— Сам видел?

Трунев помедлил.

— Тела видел. Они их несли перед собой. Ну типа как щиты. Думали, мы в своих мертвых стрелять не будем, наверное. Или что пулеметная очередь тело прошибить не в силах. Не знаю.

— Какое у них вооружение?

— Самопалы. Пара автоматов была. Но теперь-то они при полном арсенале. И пулемет у них, и автоматы почти на всех. Патронов

дохрена. Если они там серьезно окопались, то ждите жесткий отпор. Будут вас давить к земле, поливать без остановки.

— Высота рядом есть?

— Конечно. Верхняя точка подъемника. Но если они не идиоты, то они ее взяли.

— И как они? Похожи на идиотов?

— Вообще… да. Крайне. Какие-то совсем безумные.

— Точно наши клиенты, — подал голос Тема. — У вас алкоголь был на базе?

Максимов повернулся к нему с недовольным лицом. Типа, чего лезешь?

— Было чутка, — немного сбитый с толку ответил сержант. — А какая разница?

— Они прибухнуть любят, — пояснил Тема, — с пьяными драться легче.

— Ты собиратель что ли? — вдруг спросил сержант. — Совсем забыл — у нас там ваша одна чалилась. Не помню как звать, собиралась уходить на днях куда-то на юг дальше. Но тоже попала в замес. Девчонка, жалко ее. Сбежала или нет — не знаю. Но ваши выживать вроде умеют.

— Кстати об этом, — вернул к себе внимание Максимов, — есть шанс, что там заложники есть?

— Хрен его знает, — сержант поморщился и схватился за грудь, — основной состав уже в отбое был. Так что может их всех там внутри накрыли и держат сейчас. Не побрезгуют и ими прикрыться от вас.

Дальше Максимов стал спрашивать расположение зданий, комнат в них — тактическую информацию. Сержанту явно поплохело, и он отвечал односложно. Три здания под склоном — штаб, офицерский дом, караульная. Плотная группа домиков чуть ниже в два ряда — казармы. Еще чуть дальше, как бы отдельным проулком — склады и прочее подсобное хозяйство. Транспорта не было.

Закончив с этим они наконец-то вышли.

— По-хорошему, вздрючить бы этого сержанта. Двадцать бойцов не смогли одолеть ораву оборванцев! Я твой рапорт читал, Фонарев, вы втроем полтора десятка положили — не солдаты даже ни разу.

Юрий кашлянул, мол, сам ты не солдат, но Максимов его проигнорировал.

— Их прямо отсюда можно в шахты гнать, — продолжал Максимов, — чтобы не терять время на пересылку до Атома и суд.

— Они были не готовы, — ответил на это Тема, — то, что Дьяволы от Пятна сюда добрались без вашего ведома — не их вина. Та же ситуация, что и со студентами. Один в один.

— Ты гарнизон бойцов с гражданской мелкотой не сравнивай!

Они разрешили сиделке вернуться, а патрульного Максимов властно отпустил обратно на пост. Тема решил разговор не продолжать и немного расстроился, что его никто не поддержал. Роман будто думал о своем и вообще непонятно зачем с ними ходил, Юра будто не хотел лезть во внутренние разборки Атома. К тому же Тема увидел, как из магазинчика вышла Лена и стала передавать то ли пирожки, то ли беляши Илье. Увидев остальных, Лена замахала свободной от рюкзака рукой. Говорить про Дьяволов при ней не хотелось.

— У нас же есть паек, — сказал Максимов, подходя.

Тема с удовольствием принял горячий пирожок, откусил — оказалось, с яйцом, и стал с удовольствием жевать.

— В монастыре похожие пекли, — вдруг впервые за все время подал голос Илья.

— Как ты, вспоминаешь что-нибудь? — спросил его особист. Он еды не брал. — Пустошь, все дела, может это памяти помогает.

Альбинос покачал головой.

— Внешние факторы не работают. Меня даже привязывали, трансляцию Храма включали. Я порывался идти в Пятно, но ничего не вспоминал. Если я вообще из-за этого память потерял. Может, что-то другое было.

— Что? — спросил Роман. Он тоже активно жевал.

— Не знаю, — Илья задумался на секунду, — может на меня напал кто. И как-то иначе воздействовал.

— Ты, вроде, целый.

— И в монастыре очнулся целый. Везде, кроме, — бледный палец постучал по белой голове.

Перекусили, запили местным квасом, загрузились — двинули дальше. Их ждал долгий крюк в обход Легостаевского леса, а затем дорога возвращалась к реке и очень скоро с нее надо было съезжать, чтобы добраться до Бердских скал. Штурмовики разбили лагерь не на самих скалах, а ближе, на Зверобое — самой высокой скале массива,

подобраться туда на транспорте не получится, придется оставить где-то у подножия.

Дорога и правда стала хуже — колея, грязь, лужи, в общем, распутица. Мотор рычал, из-под гусениц летели комья влажного грунта. Они проехали пару вросших в землю довоенных деревень, а потом заехали в еще одно крупное село — Новососедово. Тут жили уже практически фронтирные люди. Еще не дальная орбиталь Атома, но уже близко к ней. Спешится решили здесь. На этот раз никто кроме Лены оставаться не захотел — всем надоела тряска, прогуляться по живописному месту казалось отличной идеей.

— Речки, леса, холмы, — произнесла Лена, сидя на выходе из десантного отсека, — и почему это пустошью зовут?

— Не обманывайся, — ответил Тема, надевая рюкзак, — пустошь только с виду милое место. Опасность — повсюду.

— Дикие звери, — кивнула Лена.

— В основном — люди, — возразил собиратель, — но звери иногда тоже.

Максимов бросил девушке рацию.

— Как мы там с отрядом захвата договоримся — не знаю, — сообщил ей Максимов — можем с ними двинуть пешком, можем вернуться. Так что будь на связи. Пятый канал.

Девушка кивнула.

— Местных к БТР не пускай. Пусть даже оружием им угрожай, если наглеть будут.

— А они будут?

— Черт их знает, — Максимов посмотрел вокруг. В целом, деревня-деревней, но Тема понимал его. Фронтирным людям насрать на то, какой ты начальник. Могут и взять покататься, если стволом в лицо не потыкать. — На всякий случай держи оружие наготове.

Лене эта мысль не понравилась — и она не скрывала этого, все было написано у нее на лице, но она с готовностью подтянула к себе автомат.

— Сколько тут до скал? — спросил Максимов.

— Километров семь, — ответил Тема, — так что идем в темпе. Не хочу по темноте возвращаться.

* * *

Первый труп был прямо на тропе — лежал поперек, весь в отметинах, на ушах запекшаяся кровь. Судя по форме это был дружинник. Он пытался сбежать, оружия при нем не было. Его убило гранатой — кусты и деревья вокруг посечены осколками.

Еще метров через пятьдесят еще два тела — сцепившиеся Дьявол и военный. Эти пошли врукопашную, будто неожиданно столкнулись нос к носу — хотя бесшумно подобраться друг к дружке в лесу почти невозможно. Они просто забили один другого, неизвестно кто нанес последний удар, но потом он тоже скончался от ран. Когда Тема наклонился над ними — застрекотал дозиметр.

— А вот это странно, — сказал он, отпрянув.

Решили у этих ничего не трогать — перешагнули и пошли дальше. Тропа шла вверх, где-то это была земля, заросшая травой и молодым кустарником, где-то — сгнившие, утопшие в земле доски, на которых густо порос мох — тропа стала напоминать сказочную ковровую дорожку.

— Чо за херня, Дьяволы вылазку что ли сделали? — спросил в воздух Максимов, который шел согнувшись — его внушительный рост доставал до сомкнувшихся наверху сосновых лап.

— Вооружились на базе, — предположил Юрий, — осмелели.

— И раскидали профессионалов?

Вопрос был риторический. Рейдеры бы не полезли на подготовленную группу без серьезного перевеса. Даже эти дьявольские безумцы.

Ближе к вершине дозиметр стал попискивать уже просто так — будто радиация была в самом воздухе.

— Что за…

Перед вылазкой они смотрели на самые свежие военные карты, а также сверялись со знаниями собирателей — на “Зверобое” не было ничего радиоактивного.

Еще несколько трупов они встретили уже на подходе. По большей части это были военные. Они будто брели вниз по склону из последних сил и здесь они кончились. Один прислонился к дереву, автомат лежал на коленях. Второй лежал головой в кустах, будто поскользнулся на скальнике и улетел.

На самой тропе они увидели офицера — молодая женщина. Ее удалось рассмотреть получше, и Максимов сразу отметил контузию —

на ушах обильно и черно запеклась кровь.

— Оглушили, — сказал он, — видимо, накрыли лагерь чем-то мощным.

Дозиметр совсем зашелся.

— Дальше идти небезопасно, — заметил Илья, до этого молчавший.

— У нас нет выбора, — возразил Тема, — надо посмотреть, что там наверху. Можешь остаться тут, покараулить тропу. Роман, ты тоже.

— Еще чего, — Роман выглядел так, будто они тут не на бойню смотрели, а участвовали в захватывающем приключении, — мне тоже интересно.

Интересно ему! Теме хотелось надавать деду по щекам, чтобы он пришел в себя. Это не приколы на экране, не кино, реальная пустошь и реальная жизнь. Эти люди мертвы по-настоящему. Неужели он не ощущает ужаса от вида смерти?

Илья подумал и тоже решил подниматься. Одному в лесу торчать не хотелось — и понятно, они не знали, есть ли рядом рейдеры и в каком количестве.

На вершине их ждало то, о чем стоило бы догадаться. Наверху, на небольшой ровной площадке в окружении сплошного скальника, они увидели остатки лагеря. Точнее они увидели серьезную воронку — землю разбросало, камни скрошило, а кое-где по краю и поплавило. Вне воронки что-то еще можно было понять — обгоревший кусок палатки, ошметки тел, кровавые пятна, щепа от ящиков с патронами и сами патроны, щедро рассыпанные повсюду, блестящие в траве. Внутри же кратера не было ничего — кто или что бы ни попало в эпицентр, оно просто-напросто испарилось.

— Ядерный заряд? — спросил Илья.

— Еба… — не сдержался Максимов. — Сверхмалый, — подтвердил он, — только откуда он, сука, у рейдеров?

— Нашли в окрестностях Пятна? — риторически спросил Тема, игнорируя заходящийся дозиметр. — Мало ли складов было вокруг Новосибирска. Миномет или даже ручной гранатомет. Довоенный, конечно.

— Их делали для силовой брони… — пробормотал особист. — В одной установке с зарядом — килограммов сто пятьдесят.

Тема, с одной стороны, был серьезно насторожен. Ядерка у оборванцев — это серьезная проблема. С другой стороны, он не мог не чувствовать сладкое, противоестественное удовлетворение. Военный Институт все сильнее обсирался. Сначала новости о рейдерах в окрестностях Атома, потом — на юго-восточном рубеже, а теперь выясняется, что у них еще и серьезные пушки на руках.

Максимов, конечно, это понимал. И видно было как он злился.

— Надо поискать выживших, — предложил сохраняющий обладание Роман, — с обеих сторон.

— Рейдеры вряд ли понесли большие потери. А раненных явно оттащили на базу, — ответил Тема. — Но наших может и отыщем. Все равно надо убираться с вершины, фонит жесть.

Он все же подзадержался — бросил взгляд на окрестности в надежде заметить какое-то движение. Внизу крутобоко изгибалась излучина Берди — река обнимала противоположный берег, который ярко зеленел сосновым ковром, то тут, то там побитый желтыми и красноватыми проплешинами больного березняка. Вдоль реки Тема не увидел ничего особенного. Солнце уже шло к закату, на лес падала тень его собственного рельефа. Там могло шевелится что угодно — хоть рейдеры, хоть просто морок в глазах.

Группа поделилась на два неравных отряда — двойка с Максимовым и Скаем, причем особист прям настоял, чтобы республиканец был при нем, и группа, так скажем, от науки.

Они углубились в лес — идти было сложно, скалы и корни будто специально лезли под шаг, чтобы идущий споткнулся, а кусты подрост цепляли одежду и оставляли царапины на открытых участках кожи. Впрочем, Тема очень быстро понял куда идти. Восточный склон — та сторона, видимо, откуда рейдеры налетели на лагерь. Все же военные неплохо сопротивлялись — вниз по склону, оставив проплешины в зелени, скатилось несколько тел, сраженных очередями. Действительно Дьяволы, судя по одежде. Некоторые без оружия, некоторые лишь с импровизированными дубинами. Очевидно, выжившие собрали с тел огнестрел. Тема невольно искал знакомые лица — будут ли среди них те, кого он пощадил там, в коттеджном поселке?

Если сбежавшие с Юрманки бойцы посчитали верно, то рейдеры потеряли в этом налете почти треть своих людей — считая тело на

тропе их тут полегло девять штук.

Соединилась группа вновь на тропе.

— В сумме я насчитал шесть наших бойцов, — сообщил Максимов. — Считая офицерку. Неизвестно еще сколько испарило при взрыве. Так или иначе наша подмога вырезана под корень.

— Слишком слаженно и методично для Дьяволов, — заметил Тема. — Да даже сам факт их нахождения так далеко от Пятна говорит что…

— Что у них появилась цель, — завершил Илья. — Их ведет конкретная воля.

Ч2. Глава 4

В поселок вернулись уже затемно. Погода испортилась, подул холодный ветерок с болот и помимо всего принес с собой мошкару. Изрядно озябшая Лена встретила их, дыша на ладони. Она уже была в курсе — Максимов сообщил по рации.

— Заночуем здесь, — распорядился он, когда все собрались у транспортера, — а завтра придумаем, что нам делать дальше.

— Я бы сходил в разведку аккуратно, — предложил Тема, — подобрался поближе, посмотрел как там у них и что.

— В этой темени хрен что разберешь, — заметил Максимов.

Тема усмехнулся и похлопал по прицелу на ускорителе. Он все что нужно увидит.

— Ладно, — кивнул особист. — Это нам не помешает. Остальные — загружаемся! Отгоним транспорт назад и спросим у местных, где нам можно разместиться.

Все полезли внутрь, Тема провожал их взглядами. Он придумал разведку не столько затем, чтобы правда что-то разузнать, а чтобы остаться в одиночестве. Убрать шум, помехи, отдаться всем своим рецепторам и послушать пустошь всем телом. Он — собиратель, ему так проще.

— Канал тот же, — заметил Максимов, который залезал последним. Он закрыл люк десантного отсека за собой и транспортер тут же ожил, заорал, точки габаритных огней загорелись во тьме. Тяжелая машина тронулась, сделала небольшой круг, загребая гусеницей грунт и покатила в центр поселка.

А Тема повернулся и зашагал в другую сторону. Вообще до Юрманки было достаточно далеко. По прикидкам при хорошем темпе он бы добрался туда за два с половиной часа. Но темнота, комарье, холод — все это будет его замедлять. Скорее всего, вылазка займет всю ночь. Он вернется уже засветло. Ему не привыкать пропускать сон, хотя вообще это не очень приветствовалось — внимание и бдительность падает, а пустошь такое любит. Невнимательный собиратель — мертвый собиратель. Но это был осознанный риск.

Дорога была дрянная для пешика, размочаленная тяжелой техникой — никто кроме военных тут не ездил, дорога превратилась в месиво, взбитое гусеницами. Вросшие в землю довоенные отбойники обозначали границы дороги. Поэтому Тема жался обочины — там почва была потверже. Лес впереди менялся, и собиратель скорее чувствовал это, чем видел — днем все до горизонта впереди было бы забито рыжей листвой, но сейчас по темноте все потеряло свои краски.

Довольно быстро Тема достиг отворота на лыжную базу — не ту, которая ему нужна, другую, заброшенную, используемую как заставу во времена, когда до Юрманки Атом еще не дотянулся. Здесь он наконец почувствовал, что он действительно в пустоши и ничего не мешает ей “говорить”. Сначала он, конечно, услышал себя — шаги, сердцебиение, размеренное дыхание, поскрипывание и шуршание снаряги. Затем — лес. Стоны и скрипы деревьев, шелест ветра и еще много чего еще, что нельзя было просто идентифицировать. Хищник с голодухи вышел на ночную охоту? Лось прет через чащу по своим делам? Медведь решил почесать спинку об упавший ствол? Бобры обтачивают дерево, чтоб построить запруду?

Это были понятные звуки, они существовали и до того, как эти места стали звать пустошью. Их, может быть, было куда меньше из-за вездесущности человека, которому только дай пошуметь — потарахтеть двигателем, потрещать ветками в костре, погреметь музыкой из колонок, потренькать на гитаре, пошуршать пакетами и, конечно, заполонить абсолютно все своей отвратительно членораздельной речью, стройность которой была чужда всему вокруг.

Сейчас природа наверняка смелее. Но кроме нее было и другое — что, как считается, умели ощущать только собиратели. Земля и все вокруг болело. Человечество нанесло планете такой мощный урон войной, что боль этого летящего в космосе шара можно было ощутить физически. Тема чувствовал стопами, как где-то внизу пытаются очиститься грунтовые воды. Как везде, по всему лесу вокруг скрипит ржавчина, как радиация — та, которую не чуют дозиметры, — течет и изливается почти из каждой мелочи, которая имеет человеческое происхождение и эта сраная мелочь повсюду — от забытых в лесу автомобилей, которые медленно превращались в кустистые холмики, до разлитого повсюду невидимого взгляду пластика.

Лес болел — он корчился, он выживал. Комары и мошка, от которых Тема лениво отмахивался, чувствовали себя еще хуже человечества. В старых книжках и журналах он много раз читал фразу, что в ядерной войне выживут только насекомые, особенно тараканы. Но это оказалось неправдой — как минимум фонд летучих сикарашек сильно поредел. До войны его в этих местах наверняка сожрали бы с потрохами, и он вернулся бы в поселок больше похожий на бугорчатый шар плоти, чем на человека. Теперь же было достаточно иногда шевелить открытыми участками, чтобы вообще избежать укусов.

И было что-то еще, совсем неуловимое и вскоре Тема, словно дегустатор, вычленил этот тонкий аромат, струйку чужеродности. Пятно. Дьяволы притащили за собой почти незаметный, но очень характерный привкус мертвого мегаполиса.

До поворота к базе Артемий не дошел — нырнул в лес раньше, учуяв речку. Судя по всему Дьяволы тут поумнели и, скорее всего, выставили дозоры. Зайти к ним с главного хода было бы глупостью. Поэтому Тема пошел речкой, хотя это было и гораздо сложнее — берега заболотило, в темноте было совсем не видно куда ступать и всегда была опасность в целом потеряться. Но журчание ручья подсказывало путь. У самой заставы военные карты, которые им показывали, обозначали запруду. А значит ручей выведет прямо к ней. К подножию горы, под которой расположилась застава.

Лес отреагировал на вторжение человека — какая-то мелкая живность разбегалась в стороны, шелест ветра в ветках стал сильнее и будто закрыл от внешнего мира со всех сторон. Тема чувствовал, что его будто обнимают и убаюкивают. Сказывалось, что он решил не спать ночь.

Очень скоро он понял, что ручей ведет его не туда — он ошибся с речкой. И стал загребать восточнее. Без очевидного звукового ориентира будет сложнее, но ему надо найти новый такой же.

Двигаясь на восток он довольно быстро вышел из-под сени деревьев и оказался в поле, разрубленном лесополосами. Здесь было легко — еще более черный, чем само небо, горб Глухариной горы лежал почти на юге, а значит Тема был почти у цели. Он двинул туда, используя массу впереди как ориентир и довольно быстро уперся в новый ручей. Теперь осталось только идти вдоль него.

Очень быстро слева он увидел свет — кто-то шарил фонариками по темноте. Слышались негромкие разговоры. Быть замеченным в планы Темы не входило, поэтому он аккуратно перемахнул через ручей, угодил в мягкий, чавкнувший берег, ушел в грязь почти по лодыжку, но теперь он был на другом берегу и стал пробираться вверх по склону. Он двигался вверх и в сторону и вскоре вышел на относительный простор — бывший лыжный склон. Конечно, он давно зарос, но подниматься здесь было проще, чем в лесу, где вообще ничего не было видно. У Темы был с собой фонарик, но он благоразумно им не пользовался.

Встретив одну из опор довоенного кресельного подъемника, собиратель остановился отдохнуть и осмотреться. Тросы канатки уцелели, ветер шумел и потрескивал в них, ржавые сиденья натужно скрипели.

Тема посмотрел сначала вниз через ночную оптику ускорителя. Ближе к склону, у самого ручья — три капитальных строения, некогда штаб и администрация заставы. Три теплых пятнышка рядом — люди, видимо, выставленный Дьяволами караул, их фонарики он и заметил. От зданий уходила дорога на север и терялась во тьме. На схеме там значились склады и домики казарм. Все было темным и непроглядным — заставу отрубили от внешнего электроснабжения. Не были ни костров, ни других признаков заметного тепла. Странно. Дьяволы вели себя максимально разумно — понимали, что любой свет и тепло будет их выдавать. Обычно рейдеры не были так осторожны, а кострища в пустоши — обычное дело в любом лагере.

Хорошо было бы связаться с группой, но Тема не рискнул. Надо подняться выше, чтобы его точно не услышали. Он развернулся и посмотрел на вершину. Там тоже угадывалось небольшое строение, верхняя станция подъемника или сторожка какая-нибудь. Никакого движения или тепла тоже не было, но это еще ничего не значило. Если Дьяволы внезапно поумнели, то поставить кого-то на высоту догадались бы.

Тема двинулся дальше с большой осторожностью, стараясь держаться ближе к большим деревьям, иначе он хорошо выделялся бы на склоне. Подниматься было тяжело, но, к счастью, склон имел одинаковое наклонение на всем пути и можно было держать ровный темп и не сбиваться с дыхания. Через некоторое время Артемий уже

хорошо различал домик с двускатной крышей и идущие мимо него, сходящиеся в точке где-то выше и позади, линии подъемников — слева тянулась еще одна ветка, поменьше, видимо, бугельная.

Рядом с домиком Тема вдруг увидел разгорающуюся точку и замер. Огонек сигареты появился в ночи, кто-то делал добрую затяжку. Аккуратно подняв ствол рельсотрона собиратель посмотрел в прицел. Дьявол стоял на углу дома, его не было видно за бугром целиком — только по пояс. Он курил и смотрел вниз, но не замечал противника внизу в кустах, потому что смотрел выше — на лагерь. Это хорошо. Явно ждет атаки на заставу, а за себя не переживает.

Тема надеялся, что наверх отправили только одного Дьявола — справится без шума с парой или большим количеством рейдеров он бы не смог. Стрелять был не вариант. Ускоритель гораздо тише классического огнестрела, но все равно производит много механических звуков, которые никак нельзя списать на шумы леса или стоны старой инфраструктуры. Внизу его, может быть, и не услышали бы, но если у врага есть сообщники в здании — они тут же вывалят на улицу.

Дьявол докурил и выбросил бычок — огонек прочертил длинную линию и выпустил несколько искр, улетая вниз по склону от умелого щелчка. Уходить он, впрочем, не спешил. Потянулся, а затем зашел за торец дома и встал спиной. Раздался звук ширинки. Лучшего момента уже не будет.

Окон на первом этаже у дома не было, он в целом выглядел дряхло и заброшено, его будто много раз заколачивали разным мусором снаружи, чтобы защитить от непогоды. Все эти наслоения скрыли реальный фасад дома давным-давно. На втором этаже, в мансарде, окошко было — без стекол, если бы там кто и стоял и наблюдал, Тема бы его заметил.

Поэтому он сначала пошел медленно, чтобы не издать ни звука, а когда до справляющего нужду рейдера осталось метров десять — сделал рывок и, помогая весом, врезался прикладом в затылок противника. Тихо не получилось — Дьявол охнул, подался вперед и шумно влетел всем телом в стену. Не давая возможности очухаться, Тема схватил рейдера за шиворот свободной рукой и бросил в сторону. Тот развернулся в воздухе и наконец увидел нападавшего. В молодых глазах мелькнул страх.

Да, это был совсем еще пацан — может, лет двадцать, а может и меньше. Вместо того, чтобы пытаться сражаться он упал на задницу и инстинктивно схватился за пах — спасать оголенное достоинство.

Тема упер ствол ему в грудь.

— Сколько людей внутри? — шепотом спросил он. Парень помотал головой, мол, нет никого.

— Яйца отстрелить? Сколько?

— Да никого нет! Я один тут караулю, — сипло ответил пацан. Ему было страшно. Наверное, он не врал.

— А внизу?

Дьявол натужно задумался.

— Человек… тринадцать?

Либо рейдеры потеряли своих людей где-то еще, либо парень врал, либо не умел считать.

Тема рывком поднял его и повел вкруг дома. Вход нашелся со стороны бугельного подъемника, и он был открыт. Они вошли внутрь — рейдер в качестве щита впереди, Тема сзади, тыкая стволом в поясницу. Но внутри и правда было пусто. Да, тут явно был пост когда-то — две кровати, печка, куча довоенной рухляди свалена в углу. Но и все. Нормальная лестница на второй этаж обрушилась, из провала наверху свисал канат.

Тема задумался. Второй этаж он проверить физически не сможет — придется убрать оружие, чтобы залезть наверх, пленник тут же умотает. Придется поверить, что там никого. Первым делом он обыскал парня. В кобуре висел самопал — Тема бросил его в кучу хлама и тот сразу провалился в недра из трухлявых стульев и столиков. Рации или другого средства связи у постового не было. И хорошо. В кармане нашелся фонарик — с большой палец величиной, что таким вообще осветить можно. За отворотом ботинка обнаружился нож-бабочка — его Тема сунул себе в карман.

— Теперь поговорим, — сказал он и толкнул Дьявола к кровати. Тот послушно сел, панцирная кровать протяжно скрипнула. — Давай еще раз — сколько людей внизу?

— Я же уже сказал…

— Это немного не совпадает с моими подсчетами. Сколько было людей в вылазке на Зверобой?

— Куда?

— Вы замочили военных, западнее, на скале над рекой.

— А… не знаю. Я только взрыв слышал.

— Откуда у вас ядерные заряды? Что у вас? Пусковая установка? Миномет?

— Пушка большая такая. Типа базука.

— Сколько зарядов?

— Я не знаю.

— Какое еще оружие есть?

— Всякое. Там всякие автоматы, двустволки нашли, ну, на заставе…

— Тебе не досталось?

— Я… меня облезлый сюда отправил, мне ничего не говорят и ничего не дали. Просто сказали следить за округой.

— Что за облезлый?

— Да чувак какой-то из Пятна, откуда я знаю! Рожа у него, будто вся кожа сошла…

Гуль? Здесь? Тема на какое-то время замешкался со следующим вопросом. Это следовало обдумать. Один думать он не собирался.

— Сиди смирно, — сказал он пленнику и полез за рацией. Максимов ответил сразу же, хотя и слышно было, что он только что спал.

— Я на вершине над Юрманкой, — сообщил Тема. — Взял заложника, допрашиваю. Кроме него видел еще минимум троих. Сколько всего людей сказать точно сложно. Сама застава обесточена на вид.

— Да, — ответил особист сквозь помехи, — их сразу отрубили. Там дизельный генератор есть, но возможно у них нет топлива.

— Еще кое-что. Дьявол утверждает, что с ними гуль.

— Чего?

— Я тоже удивился. Видимо, он их и ведет. Потому они действуют так разумно.

— Похоже на то. Гуля будем брать живым, если получится.

Еще бы. Теперь их вылазка превращается именно в это — поймать уроженца Пятна и доставить в Атом. Есть очень много вопросов. Тема даже приободрился. Может быть, и в Пятно ехать не придется.

— Не спи там, — предупредил Тема, — все, что выясню — сообщу. Конец связи.

Впрочем, дальнейший допрос пошел совсем плохо, потому что паренек очень слабо соображал. Возможно, он даже не очень понимал Тему из-за скудности словарного запаса. Он ведь вырос в пустошах…

Удалось выяснить, что его зовут Заяц, что людей внизу тринадцать и заложников тоже тринадцать. Очень быстро стало понятно, что он не знает никаких других чисел кроме этого. Но заложники точно были — одного притащили с вылазки на Зверобой и еще сколько-то были местные — с заставы. После этого выяснилось, что Заяц не очень понимает концепцию жизни и смерти и не может сказать живы ли заложники.

— Разговаривают? — нашелся Тема после нескольких бесплодных попыток.

— Да.

То есть как минимум вчера, пока этого парнягу не отправили сюда, военные еще были живы. Это тоже удивительно и разумно. Дьяволы обычно жестоки и очень быстро доводят своих пленных до смерти.

— Этот облезлый — он ваш главный?

— Типа того.

— Зачем он вас сюда привел?

— Проверить.

— Что проверить?

— Не знаю. Он типа ждет кого-то. Или типа того.

— Пусковую установку он вам дал? Базуку?

Парень кивнул.

Тема попытался поспрашивать насчет караула, меняется ли он и как часто, где расставлены постовые, ходят ли патрули по периметру, но почти ничего не добился. Заставу да, охраняют, дорогу — охраняют, пулемет как раз вдоль дороги смотрит, но и все. Если бы не пусковая установка — группа могла бы ворваться прямо в центр заставы на транспорте, подавив пулемет просто гусеницами и только потом спешиваться. Но если у рейдеров есть еще хотя бы один снаряд — рисковать опасно…

Дальше нужно было решить, что делать с самим парнем. Закон пустоши велит накрыть серой подушкой, упереть в нее ствол — и

закончить его жизнь. Причина, по которой Тема здесь, живой, а не лежащий где-то в болотах, была в следовании этому закону.

Но Тема уже знал, что он ничего такого делать не будет. Он оторвал кусок простыни и соорудил нечто вроде кляпа. Потом связал Зайцу руки. Неплотно, часа за два можно раскачать узлы и освободиться. Или воспользоваться битым стеклом, коего тут много.

— Лучше тебе не дергаться, пока внизу не утихнет, — миролюбиво предложил Тема, — если жить хочешь.

Он оставил пленника внутри, вышел наружу и посмотрел вниз. Там было все также — горели фонарики, а остальное — погружено во тьму. До рассвета оставалось часа два. Тема достал рацию и вызвал Максимова.

— Судя по всему заложники живы, — сказал он, — у рейдеров — пусковая установка с ядерными зарядами, но остались ли они у них неизвестно. Пулемет нацелен на подъездную дорогу.

— Понял.

— Я останусь тут. Выдвигайтесь на рассвете, я прикрою вас сверху. Буду ждать указаний.

— А что заложник?

— Я разобрался.

Ч2. Глава 5

Заяц так и сидел связанный. Один раз Тема вынул кляп и попоил того водой и оставил дальше сидеть. Солнце поднималось на востоке, база внизу стала хорошо проглядываться. Домики казарм стояли чуть поодаль за деревьями в две шеренги, еще дальше — были еще какие-то плотно стоящие строения, видимо, склады. Дорога шла вдоль всего этого, чуть изгибаясь. Пулеметное гнездо Тема тоже разглядел — за складами, окопано и замаскировано ветками и кустами. Рейдер в гнезде либо спал, либо просто отдыхал.

Троица у реки потянулась к казармам, вместо них пришли двое других — смена караула у рейдеров все же была настроена. Все это Тема методично передавал команде. Те уже выдвинулись. Максимов решил прорываться в лоб на транспорте, чтобы отвлечь на себя пулеметный огонь. Тема должен был обнаружить пусковую установку, как только ее вытащат наружу и ликвидировать оператора. Остальные десантируются заранее и пойдут через лес, чтобы напасть с фланга.

Какое-то время внизу ничего не происходило — какое-то шевеление у казарм, пара человек прошлись туда-обратно, стала вырисовываться какая-то иерархия. Рейдеры по большей части находились в казармах, но некоторые занимали строения у ручья, причем два дома, стоящие справа от дороги. Дом слева, с ржавой железной крышей будто обходили стороной, лишь один раз туда прошел один из Дьяволов, пробыл внутри какое-то время, потом снова появился и исчез в домах справа. Кто-то дошел до пулеметчика, наорал на него и сменил на посте.

А потом рейдеры из казарм потянулись к ручью, их было много — двенадцать человек. Тема стал смотреть на них через прицел и его сразу бросило в пот. Среди них стояла Марта, та самая, что его укусила. Она шла впереди всех и ее цель была ясна — дом с ржавой красной крышей. Караульные сорвались с места и перегородили ей дорогу. К ним подтянулись еще несколько человек. Разговора слышно не было, но очевидно, что они спорят. Защитников красного дома было гораздо меньше, чем делегатов от казарм, но все они были вооружены автоматами, а вот казарменные нет — обычным рейдерским хламьем.

— Максимов, вы где? — спросил Тема в рацию.

— Сгружаю десант, — ответил тот. — Минут через пять будем на позициях.

— Поторопитесь, — посоветовал собиратель, — рейдеры, кажется, цапаются между собой. Лучшего момента может не быть.

— Держи в курсе.

Перепалка продолжалась. Толпа из казарм махала руками, что-то кричала — до горы стали долетать рассерженные голоса, но ничего разобрать было нельзя. Ругань привлекла внимание пулеметчика — тот вылез из гнезда на дорогу и оттуда наблюдал за происходящим. Спиной к выезду. Хороший момент, но группа еще слишком далеко.

Марта вдруг заорала совсем громко — и бросилась на стоящего напротив автоматчика всем весом, и они оба сразу исчезли за стенкой дома с красной крышей. Остальные стрелки не растерялись — очереди вдарили по толпе. Стрекот автоматов разнесся по округе.

Тема залег возле самого входа, а потому сразу заметил, как открылась дверь и на пороге появился Заяц. Он посмотрел вниз, глаза его округлились из-под кляпа донесся сдавленный вой.

— Сиди внутри! — приказал ему Тема, но тот будто застыл на месте. Если дернется — придется убить.

Толпа рейдеров влетела в автоматчиков, но пять-шесть тел осталось лежать. У дома началась суматоха. Пулеметчик, пригнувшись, бежал с дороги в гнездо, боясь попасть под шальную пулю. От домиков справа бежали еще люди, некоторые стреляли на ходу из самопалов.

— Максимов, сейчас! — рявнкул Тема в рацию.

— Рано, — ответил тот, — мне еще минуты три. Ребятам и того больше.

— Я начинаю, — коротко ответил Тема.

Один из бегущих встал посреди дороги — он стоял в стойке, держа самодельный пистолет двумя руками и вел огонь куда-то в сторону красного дома. Тема прицелился и сделал точный выстрел. Рейдер какое-то время стоял, будто не понял, что умер, а потом брякнулся в пыль всем телом.

Ускоритель рванули в сторону. Заяц! Тема отнял глаз от прицела. Пленный — все лицо мокрое, в слезах, тащил рельсотрон за ствол в

сторону связанными руками и громко мычал. Тема рванул пушку в другую сторону и пленник повалился носом в грязь.

— Я же сказал, лежи пока все не утихнет! Убью!

— Папу не надо, — выдохнул в землю Заяц. Кляп, видимо, выскочил у него изо рта.

Это было совсем плохо. У рейдеров тоже были родители, дети и прочие дорогие им люди. Заяц, скорее всего, не успокоится. Если он будет продолжать мешать — кто-нибудь внизу обязательно заметит, что на вершине холма что-то происходит.

— Кажется, твои сами друг друга порешают, — ответил Тема и предпринял последнюю попытку, — хочешь жить — иди в дом.

Но Заяц не пошел. Тогда Тема встал, рывком поднял пленника, закинул его в дом — рейдер головой открыл дверь, — подтащил к веревке, свисающей со второго этажа, продел ее через руки пленника и завязал узлом. Сунул кляп обратно в рот.

Вышел наружу, лег обратно, прицелился. Битва, видимо, перешла в дом — выстрелы слышались глухо. От казарм бежали еще люди и вдруг грянул пулемет. Человек в гнезде развернул его в сторону заставы. Он палил в спину бегущим — те падали или шарахались в стороны, под защиту деревьев или домов. Артемий, думавший уже стрелять, остановился. Пусть срежет побольше своих, а потом можно.

Тем временем у дома с красной крышей открылась задняя дверь, ведущая к ручью, оттуда тяжело вывалился рейдер — в руках у него была пусковая установка. Длинный решетчатый желоб направляющей, само пусковое устройство и, наконец, ложе — явно приспособленное для плеча силовой брони.

Рейдер прошел несколько шагов к мосту через ручей, сел на нем, упер установку ложем в землю и нацелил прямо на дом. Тема понял, что тот хочет сделать и торопливо нажал спуск. Дьявол грудью упал на установку.

— Пулеметчик стреляет по своим, за дорогой не следит. Оператор ядерки ликвидирован. Давай! — скороговоркой проговорил Тема в рацию, вскочил и побежал вниз по склону. И почти сразу увидел шлейф пыли, поднимающийся за деревьями.

Транспорт с ревом вылетел из-за поворота, круто забрал в сторону, съехал с дороги и с размаху накрыл пулеметное гнездо. Огонь

тут же стих. Залегшие рейдеры стали подниматься, но тут же снова падать. Автоматные очереди раздались из леса слева.

Тема бежал как мог быстро, но все же аккуратно, чтобы не упасть и не покатиться кубарем. Он уже достиг моста, когда увидел Ская — тот вылетел из леса со своей невероятной скоростью, сшиб какого-то Дьявола так, что тот улетел на дорогу, подняв тучу пыли. Республиканец, не останавливаясь, исчез среди домиков казарм.

Тема задержался на мостике. Наклонился, достал из одного из подсумка небольшую шайбу с выбитым номером и приложил к пусковой установке. Шайба тут же примагнитилась к направляющему желобу. Теперь это по закону была его добыча как собирателя. Штука редкая и Максимов конечно захочет заграбастать ее для Военного Института. Тема просто работал на опережение.

Затем он поднялся и направился к задней двери дома, откуда все еще были слышны выстрелы и крики. Осторожно открыл ее, заглянул внутрь. Это был небольшой тамбур, сени. Дверь дальше была снята с петель, проем вел в коридор, который упирался в большой холл перед парадной дверью. Дверь открывалась. Тема прицелился, но входящим оказался свой — Роман. Он хорошо двигался, правильно держал автомат, заметил Тему, направил на него ствол, но, узнав, остановился.

В холле лежало несколько тел рейдеров, вповалку друг на друге. Еще одно тело лежало на лестнице. Сверху доносилось невнятное монотонное бормотание. Тема показал стволом — идем наверх, медленно. Роман кивнул. Он выглядел достаточно нелепо в камуфляже и с оружием, но держался уверенно.

Тема пошел первым, осторожно перешагнул через тело и, шагая так, чтобы ступеньки не скрипели, пробрался на второй этаж. Да, это определенно был штаб заставы — на стенах коридора висели плакаты с расписанием постов и караулов, графиками дежурств и прочим. Дверей было около шести, все были в дырках от пуль, на полу — тела. Из-за ближайшей двери теперь уже четко доносились слова:

— Семени Полного списка должно собраться вместе и стать едиными под сенью Нового Храма. Только тогда гордые сыны Сибири смогут поднять головы, увидеть простор свой и взять его…

Радио. Там работало чертово радио. Тема сунулся туда, готовый стрелять с любой момент.

— Не двигайся! — заорал он еще до того, как понял, что увидел, — не вздумай!

Но поздно. За столом, который раньше, очевидно, принадлежал главе гарнизона, сидел гуль. Рядом с ним стояла Марта, так, будто просто подошла посмотреть, что у того на столе. Но в шее гуля торчал нож, а его рукоятку плотно держала рука Дьяволицы. Жизнь гасла в глазах выходца из Пятна, облезлое, безносое лицо медленно клонилось к столу.

— Найди заложников, — бросил Тема Роману за спину. — А ты не шевелись, — обратился он к Марте, держа ствол так, чтобы в случае чего у нее во лбу оказалась маленькая аккуратная дырка.

Рейдерка, конечно, его сразу узнала.

— Ааа, говорила, что мы еще встретимся, городской! — заявила она.

— Отпусти нож и отойди в угол. Медленно.

Она легко подчинилась. Даже руки подняла, хотя он не просил. Гуль, уже ничем не удерживаемый, ткнулся лбом в стол. По каким-то бумагам потекло красное.

Радиоприемник тоже стоял на столе и, судя по всему, был на аккумуляторах, так как спокойно вещал на волне Нового Храма.

— …Двести имен, мужчин и женщин, созданных намеренно, чтобы править землями, когда все рухнет. Время наступило. Мир обрушился, кара опустилась на землю и забрала всех слабых. Потомки Полного списка выжили и должны собраться вместе. Остальные, потомки слабых — да суждено им умереть и больше никогда не возродиться, — продолжала надрываться хриплая колонка.

Позади началась возня. Послышались стоны, всхлипы, бормотание. Нашли заложников, догадался Тема, но не шелохнулся, держа взгляд на рейдерке.

— Что ты делаешь? — спросил сзади голос Максимова. — Убей ее и…

Он прервался, увидев, видимо гуля.

— Кажется, придется оставить ее живой, — ответил Тема, — судя по всему это наш единственный источник информации.

— Это она его?

— Ага.

Возня позади перешла уже в какой-то ненормальный шум.

— Что с тобой? Ты куда?! — голос Романа. — Эй! Выключите радио!

Тема все же обернулся. Проем двери в коридор загораживал Панин, но мимо него пытался не протиснуться даже, а просочится Илья. Глаза у него были стеклянные, и он будто весь обратился в слух, а губы шевелились в такт речи из приемника.

Тема сделал два шага к столу и вырубил трансляцию. В возникшей тишине раздался смешок Марты.

— Так среди ваших тоже болванчики есть, — весело сказала она и засмеялась.

* * *

Освобожденных доставили в Новососедово. Их было всего пятеро — один человек из штурмовой группы, трое солдат с самой заставы и собирательница Ника, которая, несмотря на разбитую голову и мутное сознание, узнала Тему и пригрозила не воровать ее хабар. Рюкзака при ней при этом не было, но это и неудивительно — любой нормальный собиратель, если запахнет проблемами, по возможности сбросит его в укромном месте, а подберет, когда опасность минует.

Марту связали и посадили между Скаем и Темой, чтобы точно не сбежала и не выкинула чего-нибудь. Лена сидела напротив и взгляд ее был совершенно черен. Артемий даже подумал, что за студенткой тоже надо бы последить — а то вдруг решит свести счеты с пленницей. Та тоже узнала бывшую заложницу и попыталась было что-то ей сказать, но Тема не долго думая пихнул ее прикладом под ребра.

Труп гуля завернули в ткань и везли на броне, а пусковую установку разрядили и положили за водителем.

Снаряд вызвал небольшой спор. Максимов не спорил с тем, что пусковая установка по праву собирателя принадлежит Теме. А вот насчет ядерного снаряда не согласился — мол, на нем-то метки не было, ничего это не значит. что он был заряжен в установку с меткой, это отдельный предмет. Тема возразил, что так можно любой объект раскрутить до винтика и считать добычей только ту часть, на которой стоит метка. В итоге ни к чему не пришли — разбираться, что кому принадлежит предстоит юристам в Атоме.

После выезда из Новососедово, когда не осталось лишних ушей, Тема решил, что настало время Марте рассказать, что, черт возьми, вообще произошло.

— Ты нахрена гуля убила? — спросил он, пока они тряслись на ухабах, объезжая вереницу самосвалов.

— Что за гуля?

— Главного вашего.

— А, облезлого! Да он бы и так умер, — ответила рейдерка. — Ну, может, через неделю бы откинулся, если бы какую-нибудь фонящую лужу не нашел и в нее бы не зарюхался.

— Чего?

— “Чего”! — передразнила она. — Этим мордам радиация нужна, чтобы жить. Они без нее за несколько дней рассыпаются и помирают.

Вот и причина, почему до сих пор их не встречали — они не могут выйти из Пятна физически. Но этот ведь как-то добрался аж до юго-восточной заставы!

— Как он не сдох по дороге?

— Так у них тотемы есть, — охотно делилась информацией Марта, — типа предметы из Пятна, от которых жутко фонит. Но этот долбач свой где-то просрал, пока мы ваших чикали.

Звучало логично. Не можешь жить без облучения — таскай облучатель с собой.

Тема посмотрел на остальных. Все жадно слушали, особенно Роман — если бы уши человека могли стоять торчком, то у него стояли бы. Классический ученый, любопытный до любой важной информации.

— Но зачем ему Юрманка? И вы ему зачем?

— Мы понятно — чтобы заставу взять. Сам-то он не особо навоюет. Ну, а мы только и рады вас, городских, покошмарить, да еще и не бесплатно. Жаль, конечно, что ты его подарок себе присвоил.

— Пусковая установка с ядеркой? Это он вам дал?

— А то! — Марта улыбнулась, показав нездоровые серые зубы с черными точками и сколами. Тема невольно ощутил подзажившую рану на плече. — Пуху подогнал, инфу, как ваши патрули и посты обойти и все такое.

Откуда бы у гуля, который безвылазно сидел в Пятне, такие знания? Расписание перемещений и дислокация постов — тайна Военного Института. В Атоме Марту, конечно, допросят с пристрастием и гораздо подробнее. Вот они удивятся насколько их система дырявая.

— Так все же — зачем ему Юрманка?

— Ему место нужно было для наблюдения типа.

— Наблюдения за чем?

— Да хер бы его знал. Задача простая была — ваших выкурить, самим забуриться и сидеть сколько сможем. Он чисто сидел в доме и радио свое поганое не выключал круглые сутки. Всех задолбал.

— Вы из-за этого взбунтовались?

— Мы уходить решили. Но те из наших, что болванчиками стали, уперлись. Мол, облезлый приказал сидеть, значит сидим. А нам это нахера? Вашу шелупонь одну мы раскидали, но ясно же было, что вы все равно припретесь. Надо было валить, как мы всегда делаем. Да и пацанам он не нравился, не разрешил мусорную девку трогать, — Марта плотоядно улыбнулась Лене и та не отвела взгляд — лишь брови еще сильнее сошлись над переносицей.

— Как болванчиками становятся?

— Я знаю? Слушают это дерьмо их облезлое из радио вроде как и дурнеют.

— Мы слушали трансляцию, — вступил Роман, — но ничего с нами не случилось.

— Кого берет, кого нет, я хрен знает, — ответила ему Марта и кивнула на Илью. — Вон одного вашего взяло.

— Очевидно, что только слушать — мало, — заметил Скай, до этого молчавший, — нужно еще что-то, катализатор.

— Вы, Дьяволы, много с гулями общаетесь? — вернул Тема разговор к допросу. Порассуждать они успеют потом.

— Нам это нахера? Если они из Пятна лезут — мы их иногда ловим, угараем над ними, смотрим, как они без фона дохнут. Ну, иногда базарим, конечно. Вот с этим даже до дела добазарились.

— Вам известно сколько их? Где именно в Пятне они живут?

— Откуда я знаю? Мы же не долбоебы, чтобы туда лезть и проверять. Да и нахрена? Они там сидят, к нам не лезут.

— Мы тоже в Атоме сидим и к вам не лезем. Но что-то вот вам на жопе ровно не сидится, когда наших видите.

— Не лезете? Вашего дерьма в пустоши — ступить некуда, — с презрением ответила Марта. — Я к тебе в этот Атом сраный не впираюсь как к себе домой.

— Вы всю пустошь себе присвоили? — возмутился Тема, считающий пустошь и своим домом тоже.

— А хули? Не нравится?

— Не многовато земли для одной шайки?

— Нормальным людям простор нужен вообще-то.

Тут он не мог с Мартой не согласиться, потому что сам чувствовал ту же потребность — в просторе. Потому и стал собирателем. Он вообще смотрел на нее иначе. Она точно не была простой Дьяволицей. Обычный рейдер, как правило, в членораздельную речь не очень умеет, не говоря уже о том, чтобы рассуждать о том, что кому принадлежит. За рейдера говорят его дубина или заточка.

Ч2. Глава 6

Тема вышел из душа, поеживаясь, неспешно оделся в домашнее, слыша бубнеж снизу и с удовольствием потянулся. По домам их так и не пускали, но зато заселили в коттедж на Верхней зоне. За окном покачивались сосны, за ними видна была дорога с заставой и стена — южная граница Атома. Дальше, за КПП, был овраг, а за ним начиналась территория Экологического Института, единственного, штаб-квартира которого располагалась вне города. Там, на территории довоенного ботанического сада, изучалось как флора и фауна живут в постядерном мире, как планета восстанавливается от урона, нанесенного людьми.

Тема вышел из своей временной спальни и спустился вниз. Вся группа, за исключением Ильи, которого забрали для дополнительных исследований его реакции на радиовещание Нового Храма, расселась на диванах в просторной гостиной. На журнальном столике, свисая с краев, лежала большая карта довоенного Новосибирска.

— …с форсированием реки справились успешно, а значит наш путь — через Иню, — говорил особист Максимов, прижав указательный палец в район гипотетически существующего моста через реку.

— Так вот чем была эта вылазка — тестированием? — спросил Рома.

— В том числе, — веско ответил гэбист.

Тема сел рядом со Скаем.

— О чем речь?

— Снова спорим про маршрут, — ответил Юра. — И заодно про смысл такой странной команды.

— Смысл, — хмыкнула Лена, сидящая по правую руку от сибиряка, — отправить слишком много узнавших людей туда, откуда не возвращаются.

— Вот не надо тут упаднических разговоров, — заявил особист, — к тому же, это никак не помогает нам определиться с планом.

— Ты меня не затыкай, — неожиданно резко ответила студентка. Недавняя вылазка явно что-то сделала с ней.

— Вообще, — вступил Тема, чтобы не случилось перепалки, — вы оба правы. Очевидно, что очень выгодно держать нас подальше от общественности, чтобы мы раньше времени не растрепали про Орду. Но… можно было просто запереть нас в этом доме. Рано или поздно о нашествии все равно узнают. Так зачем нас прям убивать? Здесь есть что-то еще.

— Что? — с интересом спросил Роман. — В каждом из нас, за исключением, конечно, Юрия, нет ничего особенного. Мы даже как команда действуем гораздо хуже, чем любой подготовленный отряд.

Все это было резонно. Действительно, нет никакого смысла собирать группу из студентки, пожилого ученого, собирателя и…

— Предположим в каждом из нас есть какая-то особенность, — Тема начал говорить, чтобы не упустить мысль. — У некоторых она очевидна. У тебя, Юра, вакцина Хейденберга, у Ильи — его непонятная связь с радиовещанием. Очевидно, что обе вещи будут крайне полезны. Суперсолдат расчищает путь, одержимый — его указывает.

— А ты? — спросил Максимов. — Тоже считаешь себя особенным?

Тема развел руками.

— Нужен знаток пустошей, — предположил Роман, — и довоенных технологий. Но тогда я ума не приложу, зачем нужен я. Тут я вынужден согласится с Еленой, просто сгребли всех, кто случайно вляпался в историю с конвертом.

Это была правда. Наличие в отряде не старика, конечно, но уже не столь энергичного человека, который всю жизнь провел в стенах кабинетов и лабораторий — сильная странность. Они проводят на нас опыты, подумал Тема. Взяли суперсолдата, опытного исследователя пустоши, кабинетного работника, студентку и будут смотреть, кто как справится с выживанием в Пятне. А Максимов все запишет в блокнотик. Он не стал делиться своими догадками с остальными.

— А еще нужен свой человек, чтобы держал все под контролем, — подхватил за Романом Скай, — вот вы, капитан, и пригодились.

— Ага, — мрачно вступила Лена, — а я получается — талисман команды.

Она тряхнула головой, смахивая прядь с лица. Сережки в виде клеверов качнулись и сверкнули в свете люстры. Все натянуто

улыбнулись, не понимая, как реагировать. И все молчали, потому что и правда было непонятно, а что здесь делает девчонка, которая вчера еще за партой сидела.

Женщина, била в голове Темы мысль, она единственная женщина, они хотят на ее примере посмотреть, как Пятно сожрет женский организм.

Их мрачные мысли прервал звук поворачивающегося ключа в замке. В прихожей открылась дверь и в комнату шагнула Таня, а с ней — Илья и еще две незнакомые женщины.

— Так, ребята, нужно потесниться, — бодрым голосом заявила глава Института Реконструкции. — Нашим друзьям лингвистам есть, что сообщить.

Засуетились, свернули и убрали в сторону карту, втиснулись по четыре человека на один диван, притащили дополнительные стулья с кухни. Илья все это время стоял в стороне, держа в руках своего робота-шпиона, будто это был ребенок. Взгляд у него был совершенно отрешенный, и Тема решил, что его совсем умаяли.

— Итак, — начала Таня, когда все расселись, — это Ната и Галя. Они руководители группы лингвистов, которая изучает трансляции Нового Храма. Им удалось многое понять и интерпретировать из всей той белиберды, что несет этот голос. Оказывается, это что-то вроде Священного писания…

Одна из лингвисток — Ната — вежливо кашлянула.

— Не совсем так, но…

— Да, конечно! — Таня подняла руки. — Передаю слово специалистам.

— Спасибо. Это не совсем так. То, что говорится в трансляции — не столько писание, сколько проповедь. Если отринуть содержание и пытаться анализировать только форму, то очевидно, что для того, кто все это говорит, текст является некоей религиозной истиной. Это не значит, что речь идет о каком-то конкретном веровании или секте, скажем, просто форма подачи такая. Ритуальная.

— Как это объясняет, что некоторые начинают сходить с ума и идти в Пятно? — спросил Максимов. Илья медленно перевел взгляд своих светлых глаз на него, как бы проверяя, действительно ли этот бестактный человек сказал это вслух.

— К этому мы еще вернемся, — вступила Галя.

— Да, — кивнула Ника, — тут не так все просто… На чем я… Ага, ритуальность. Благодаря этому выводу мы смогли начать оценивать содержание именно с этой точки зрения. В трансляции есть несколько важных точек, вокруг которых все крутится. Полный Список, Пришедший, День Первый, Сибирь и, собственно, Новый Храм. С Полным Списком в целом понятно — это двести имен, которые многое бы нам открыли, зачитай он их хоть раз. Судя по всему трансляция призвана собрать потомков людей из этого списка вместе. У нас есть гипотеза, что потомки этих людей — гули. То есть буквально, говорящий прямо сообщает о том, что есть избранные, которые должны выжить и… другие, коих стоить уничтожить.

— Какая… довоенная риторика, — подала голос Лена.

— О да, старый-добрый фашизм, — кивнула Ната, — очень похоже. Грустно здесь то, что “другие” — это мы с вами.

— Ну, хотя бы теперь знаем, что облезлые нам точно не друзья, — заявил Максимов.

— Облезлые? — переспросила лингвистка.

— Так гулей называют рейдеры, — пояснил Тема.

— Тут стоит быть осторожными в выводах, — вступила Таня, внимательно глядя на собирателя, — не все гули могут придерживаться идеологии этой трансляции. Когда вы окажетесь там — самое худшее, что можно сделать, это считать всех местных врагами.

— Да, — согласилась Ната, — мы понятия не имеем, насколько эта трансляция влиятельна внутри их сообщества, если оно вообще существует. Может, это делает какой-то одержимый фанатик-радикал, а может быть, это централизованная операция. Давайте дальше. Есть еще Пришедший. И судя по всему так называет себя автор трансляции. Если ему верить, то у него есть некоторое количество последователей, которых он называет апостолами. Мы не знаем ничего о его личности, но зато четко понимаем его цель. Он хочет заселить Сибирь гулями.

— Все люди сдохнут в Пятне, поддавшись трансляции, а гули смогут заселить освободившиеся земли, заразив их радиацией, — кивнул Максимов.

— Неизвестно, осознает ли Пришедший, что его трансляция имеет такое влияние, — возразила Галя, — это может быть свойством передатчика, который он использует.

— Неизвестная довоенная технология? — спросил Тема. Галя кивнула.

— Теперь про День Первый, — продолжила Ната, — тут тоже все просто и очевидно. Это день, когда легли первые ракеты. Собственно, когда кончилась война и началась наша эра. С точки зрения Пришедшего это первый день новых людей — гулей, потомков Полного списка. Обычная риторика того, кто хочет все зачистить и начать сначала. Про Сибирь собственно тоже все очевидно. Пришедший понимает под этим весь регион, от Урала до Тихого океана. Не только текущую Сибирскую республику. Скорее всего, он вообще не в курсе о том, что происходит за пределами Пятна.

— И зачем ему Сибирь? — спросил Роман.

— Очевидно, чтобы заселить ее своими, — ответила Ната, — он называет Сибирь силой планеты, а править силой могут только сильные люди. Гули, то есть. Здесь проглядывают нотки довоенных лозунгов — могущество России будет прирастать Сибирью и так далее. Тогда это было логично, регион ресурсно богат. Сейчас… сложно сказать.

— Гулей вряд ли очень уж много, — задумчиво произнес Роман, — но они при этом хотят отхватить себе самый большой незараженный кусок суши на планете…

— То что Сибирь пострадала меньше остального мира — только гипотеза, — заметила Таня.

— Но этот Пришедший очевидно в нее верит, — улыбнулся Панин.

— Верно, — подтвердила Ната, — это прослеживается в некоторых расшифровках трансляции.

— Зачем зависимым от радиации незараженные земли? — спросила Лена. — Они же не смогут там жить. Вряд ли у них есть способ заразить все радиацией.

Тема вспомнил про ядерную установку и хмыкнул.

— Будут эксплуатировать, — ответил Скай, — жить под фоном в городах, а из земли тянуть ресурсы — выращивать пищу, рубить лес, добывать ископаемые.

— Прям как люди до войны, — улыбнулся Роман.

— Может быть, — согласилась Ната. — И, наконец, Новый Храм. Судя по тексту трансляций это ни что иное как театр Оперы и Балета в

Новосибирске. Прямо в центре Пятна. Последовательно утверждается, что трансляция ведется прямо оттуда. Если предположить, что это действительно гули, то у них есть либо подробное описание театра, либо… он уцелел, и Пришедший описывает то, что видит своими глазами.

— Это возможно? — спросила Лена.

— Чудеса случаются, — пожала плечами Таня, — но из-за установки в Академгородке, то есть в Атоме, где мы сейчас находимся, центру Новосибирска досталось гораздо больше, чем было рассчитано противником. Так что там, скорее всего, гладкие равнины воронок, а между ними — груды камней на месте зданий.

— В любом случае он описывает колоннаду на входе, купол, систему лестниц внутри, устройство большого зала — и все это точно совпадает с теми записями, что сохранились о театре у нас. Единственный способ узнать правду — попасть туда.

— Чем мы и займемся, — пробормотал Тема.

— Переходя к главному, — вступила лингвистка Галя, — к вопросу, который всех вас волнует. Нам не удалось выяснить как именно трансляция влияет на разум людей. Очевидно, что это — загадка на уровне человеческой психики или, может быть, биологии, но реагирующей именно на звук трансляции, а не что-то иное, потому что, чтобы войти в измененное состояние — нужно именно слушать и причем, судя по всему, понимать, что говорится. То есть трансляция на русском языке, а значит влияет только на его носителей.

— Но если перевести на китайский… — пробормотал Тема.

— Да. Это, как мы понимаем, работает. То есть дело, скорее всего, в нарративе, который транслируется. Но мы все еще не понимаем, почему это действует не на всех. Длительность воздействия ни при чем. Дело, определенно, в самом человеке. Илья любезно согласился поучаствовать в ряде экспериментов, но результаты не очень-то информативны.

— Те, кто несет в себе ген этого Полного списка, может быть? — предположил Роман.

— Сомнительно, что такое возможно, — возразила Таня, — не существует способа влиять на психику людей выборочно, исходя из его генов. Хотя до войны проводились исследования по созданию вирусов или бактерий, которые могли бы заражать конкретных людей

и игнорировать других. Все эти разработки естественным образом потерпели крах.

— Нам неизвестно других прецедентов, чтобы зачитываемый текст так радикально влиял на психику, — добавила Галя, — не говоря уже о том, что он делает это выборочно.

— Однако факты говорят нам, что это возможно, — видно было, как Роман активизировался и профессионально приосанился. В мире дискуссий он точно чувствовал себя лучше, чем в пустоши. — Как минимум, он влияет на значительное количество людей в Орде и на незначительное — здесь, у нас, в Атоме.

— Это так, — кивнула Галя.

— То есть мы видим корреляцию — монголоиды реагируют активнее, чем европеоиды.

— Корреляцию — да. Но это еще не закономерность. Мы здесь приблизились к опасной границе смешивания социальных конструктов и объективной реальности.

— Язык сам по себе социальный конструкт, — заметил Роман, — как и нация.

Тема смотрел на Панина новыми глазами. Он ожил, активизировался, видно было, что его очень зацепила мысль. Тема вспомнил, что уже видел его таким — там, в Юрманке, когда они штурмовали коттедж гуля.

— Впрочем, — продолжил Роман, — может быть, корреляция ничего не значит, и вы правы, а может на нее влияет что-то вообще другое. Воспитание, культурная среда…

— Чем отличается моя культурная среда от вашей? — тихо спросил Илья, но все услышали и замолчали. Все будто забыли о нем на время дискуссии.

— Абсолютно ничем, — признал Роман, — однако, я думаю, важно выдвигать такие предположения, чтобы…

— Нам не нужно понимать, как это работает, — Илья смотрел на Романа прозрачными глазами в обрамлении невесомых ресниц. Тема понял, что это впервые, когда Илья не просто вступил в беседу, а перебил человека, — нам нужно просто это прекратить. Я лично очень хочу это прекратить.

— Вообще, — заметила Таня, — нам бы не помешало изучить сам феномен, потому что такое может и повториться.

Тема продолжал смотреть на Илью. Какая-то мысль настойчиво крутилась в голове, желая вырваться наружу, но он никак не мог ее сформулировать. Понимание было вот оно, рядом, но ускользало, как сон после пробуждения.

— Давайте подытожим, — вступил Максимов, который судя по виду, устал от рассуждений, — мы имеем потенциально враждебных гулей, которые живут в Пятне. Они хотят уничтожить человеческий род, чтобы заселить Сибирь своими потомками. С помощью трансляции они хотят докричаться до других гулей, которые, видимо, живут в других разрушенных мегаполисах прошлого, а заодно и заманить людей в смертельную ловушку каким-то магическим для нас способом. Все верно?

— И еще кто-то дублирует трансляцию на китайском, чтобы привлечь Орду, — добавил Тема.

Максимов кивнул.

— Судя по этому робоглазу — кто-то из-за океана. Ну это дело известное.

— Нет никаких оснований полагать, что у людей, имеющих связь с этим автоматическим разведчиком, какие-то дурные помыслы, — возразила Таня, на что особист лишь закатил глаза. — Однако очевидно, что это некая третья сила. Радиовещание Нового Храма существует довольно давно, мы в Атоме даже успели к ней хорошенько привыкнуть. Китайская версия, очевидно, появилась недавно. Кто-то делает это намеренно.

— Сами гули? — спросил Роман. — Узнали про Орду, увидели способ ускорить зачистку Сибири.

— Это бы объяснило их вылазку в Юрманку, — согласился Тема, — возможно гуль искал способ усилить сигнал. Или просто хотел встретить бесплатную армию. Рейдеры-болванчики, которые подчинялись трансляции, кажется, слушались и гуля безоговорочно.

— Если подумать, — вступила Лена, — то гулям, живущим в Пятнах, нужна армия рабов, чтобы обрабатывать пустые земли, добывать им материалы и пищу… и они ее нашли.

Все невольно посмотрели на Илью.

— Наверное, — тихо произнес он, — если со мной заговорит гуль, мне стоит заткнуть уши.

Ч2. Глава 7

Укол вышел довольно болезненным, Тема поморщился и вышел из кабинета, прижимая кусочек ваты к плечу. В коридоре, на металлическом дырчатом стуле сидел Роман — невольный собрат по неизвестной вакцине от радиации.

— Как самочувствие? — спросил собиратель. Роман получил дозу первым, так что Теме неплохо было заранее узнать, поплохеет ему или нет.

— Бодрое, — ответил Роман, — но попросили все равно полчаса тут посидеть, мало ли.

— Меня тоже. Что ж… — он задумался, о чем бы таком спросить ученого, пока других членов отряда нет рядом.

— Как думаете, Артемий, мы справимся? — Роман оказался проворнее в формулировании вопросов.

— Об этом я стараюсь не думать.

— Почему?

— Потому что в конце концов мне будет абсолютно насрать победили мы или проиграли.

— Неужели вас не беспокоит судьба Атома?

— Живого меня — да. Мой труп же это будет слабо интересовать.

— Вы так уверены в своей гибели?

— Я сижу тут с вами, в меня только что вкололи какую-то дрянь, которую даже на крысах не тестировали, но уверяют, что она спасет меня от облучения. Я бы на себя не поставил.

Роман легко улыбался, веселые морщины расходились от его глаз. Как-то у него все легко, думал Тема. Они идут навстречу собственной гибели, а у него ты смотри — ирония в зрачках играет. Артемий вдруг подумал, что, может быть, Роман хочет умереть. Так ведь бывает. Вот и радуется возможности сделать это не бесполезно. В этот момент собиратель осознал, что хочет спросить.

— Вы, кажется, знали Илью до того, как он потерял память?

— Да, мы с ним работаем… ну, видимо, теперь “работали” вместе в Институте Технологий. Не то чтобы прям пересекались, Илья был полевым работником. Не так как вы, но все же ездил в экспедиции в

пустошь. А я, так как сказать, сидел за бумажками больше. Плюс он молодой, я старый… приятельствовать сложно при таком раскладе. Но Илья, не поймите меня неправильно, выделялся, поэтому я его запомнил.

Конечно, альбиноса в коллективе сложно игнорировать.

— То есть вы особо не общались?

— Не сказал бы. Может, пересекались на обедах иногда. Я по-настоящему обратил на него внимание, только когда уже сказали, что в последней экспедиции пропал сотрудник. Он, собственно, должен был проводить испытания с каким-то прибором… теперь-то понятно с каким — с роботом-шпионом этим. Его сопровождали двое военных, но их, в отличие от Ильи, так и не нашли… но что поделать, это пустошь, так ведь?

— Да, — ответил Тема, — пустошь… А он уже тогда реагировал на трансляцию Нового Храма?

Роман задумался.

— Вы знаете, я сейчас понял, что понятия не имею. Я же не следил за ним, в конце концов, может он вообще радио не слушал никогда. Но, наверное, да? Вряд ли же в пустоши в нем что-то настолько изменилось, что он стал… храмовцем? Так, кажется, таких людей называют?

Тема помотал головой, слегка удивленный, что Роман не в курсе.

— Нет, — ответил он, — храмовцами называют тех, кто идет в Пятно по своей воле. Потому что поверили в эту чушь головой, а не попали под влияние.

— А вы это различаете?

— К сожалению. Мои родители были такими.

— Я не знал. Очень вам сочувствую.

Тема смотрел на пожилого ученого и почему-то решил продолжить:

— Они вернулись через несколько дней. Мне было шестнадцать. Отец занес маму на руках, она уже не могла ходить. Они выглядели… ужасно. Отец положил маму прямо на пол в коридоре квартиры, потом обернулся и его вырвало кровью в подъезд. Потом, конечно, врачи, больница, капельницы. Мама умерла очень быстро, а папа, к сожалению, продержался дольше.

— К сожалению?

— Он мучился. Разумнее… милосерднее было бы помочь ему уйти из жизни, но в Атоме так не принято. Пока человек в сознании, пока мозг жив, врачи будут спасать.

Роман задумался и сказал:

— Простите, Артемий, но я хочу вас спросить. Как вы себя чувствуете, зная, что… что Пятно делает с человеком? Зная, что вам придется повторить путь своих родителей?

Тема пожал плечами.

— Сейчас думать об этом нет никакого смысла, — ответил он. — У них был выбор, у меня нет.

В этот момент в коридоре появилась Марта. Она все еще была закована, ее вели двое крупных военных. Она издалека узнала своих пленителей и оскалилась улыбкой. Когда конвой поравнялся с сидящими дьяволица хотела замедлится, но охрана довольно бесцеременно потащила ее дальше, чуть ли не волоча. Они завернули в процедурный кабинет. Тот же, откуда только что вышел Тема.

— Что за хрень? — спросил он в воздух.

— Очевидно ей тоже вколят эту штуку, — ответил Роман, как будто это не было очевидно. Жертва кабинета, невольно поморщился Артемий, разучился понимать, где риторический вопрос, а где реальный.

— Вопрос только — зачем? — продолжил Роман.

* * *

Тема чувствовал, что он побагровел от гнева. Генерал Алдаров спокойно пережидал вспышку, а собиратель нависал над ним.

— Если не хотите лишний рот кормить — просто выпустите ее в пустошь и все. Не нужен нам рейдер в команде, я не хочу, чтобы мне во сне глотку перерезали!

Добавляло ярости то, что остальная команда будто приняла новость, что Марта, Дьявол, житель пустоши, отбитая на голову убийца и маньячка, отправится с ними в Пятно. Юра Скай еще ладно — неместный, не понимает. Но Максимов молча лебезил перед начальником и был на все согласен, Илья вообще не реагировал, будто это его не касается, а Роман будто вообще обрадовался — ему все было любопытно. На Лену он старался вообще не смотреть. Она была максимально собрана и внимательна. Казалось бы, она должна кричать

громче самого Темы, что это беспредел и абсолютно неприемлемая ситуация, но она молчала. Молчала и, надо думать, строила план.

— Все сказали? — спокойно спросил Алдаров, когда Тема выдохся. — А теперь сядьте, пожалуйста.

— Идите нахер.

— Ну, можете постоять, в целом, — пожал плечами генерал. — Вам может не нравиться текущее положение вещей, мне оно тоже не нравится, я бы эту женщину повесил при случае. Однако это единственный живой человек у нас в руках, который видел гулей, общался с ними, наблюдал. Как ни удивительно, она может быть вашим проводником в их общество.

— Просто выбить из нее все, что она знает — не вариант, — поддакнул особсит Максимов.

— Верно, — кивнул Алдаров. — Так считает и Татьяна, между прочим. Может, это вас убедит, собиратель. Вам нужен практический опыт, а он есть только у нее. Кроме того, она проявляет склонность к сотрудничеству — своеобразно, но проявляет. Рейдер есть рейдер. Если инстинктивно будет понимать, что вы для нее большая угроза, чем все остальное — будет слушаться.

— Можно все же вопрос, генерал, — подал голос Роман, — а какая именно польза от нее ожидается?

— Поведенческие паттерны, которые не будут восприняты гулями как угроза.

— Наши тоже, — мрачно заметил Тема, — надо просто исключить из “паттерна” пальбу во все стороны без разбора. Авось, удастся и поговорить.

— Вы рассуждаете как житель Атома, вышедший в пустошь, — возразил генерал, — как вы привыкли, благодаря чему и выжили. А она — житель пустоши, вышедшая в Пятно. Понимаете разницу? Вам нужно принять, что там — нечто новое, с чем вы не сталкивались. А она — да.

— Говорите так, как будто она в Пятно погулять ходит, — заметил Тема.

Генерал молчал и улыбался. Это могло означать только одно — собиратель случайно попал в точку. Это поняли все.

— Хотите сказать, она была внутри? — спросил Скай.

— Была, — Алдаров игнорировал взгляд республиканца, говорил в команду в целом, — это подтверждают медики, заметно, что она подвергалась сильной радиации. Возможно жизнь в пограничье, поколениями, сделала Дьяволов устойчивее к фону, потому что признаков лучевой болезни или опухолей нет. Впрочем, это вопрос времени…

— И что она там делала?

— В основном убивала гулей по ее словам.

— Это ваш ожидаемый паттерн поведения?

— Общалась она с ними тоже. “Болванчики”, как она их называет — это те, кто ходил в Пятно чаще других. Они стали подвержены голосу из радио. Как минимум, есть такая корреляция, хотя о прямой связи облучения и восприимчивости к трансляции речь не идет. И им удалось установить довольно прочные контакты. Судя по всему Дьяволы в обмен на некоторые, как она говорит, “ништяки” из Пятна, доставляли гулям все необходимое из пустоши. В основном — информацию.

— Вам удалось выяснить, зачем они захватывали Юрманку? — спросил Роман.

— Видимо, гули прознали, что кто-то откликается на их зов. Она утверждает, что тот “облезлый” отправился встречать гостей — других гулей. Возможно, они думают, что Орда — это их сородичи.

— Странно, — вдруг очнулся Илья. Каждый раз, когда он начинал говорить остальные замолкали и оборачивались — настолько непривычно было, что он разговаривает, — ведь они видели… эээ… “болванчиков”. Должны понимать, что с трансляцией что-то не так и те, кто на нее реагирует — совсем не гули.

— Вот и выясните, — голосом добродушного дяди ответил Алдаров. — Тайных знаний у нас нет, их предстоит добыть вам. Если получится, конечно. Первоочередная задача заставить замолчать это чертово радио.

— Что помешает нам, — тихий голос Лены, будто говорит сама себе, — убить эту тварь, как только за нашей спиной закроются городские ворота?

— Какую тварь?.. — переспросил генерал, уверенный, что вопрос с дьяволицей уже порешали. — Аааа, вы про рейдера. Как только окажетесь в пустоши — сможете сделать все, что вам вздумается.

Атому останется уповать только на ваше благоразумие. Вы можете даже сбежать, это еще более интересная мысль. Продать знания Новому Союзу или еще кому.

— Но Орда все равно нас настигнет, — пробормотал Тема.

Генерал кивнул, как будто даже с удовольствием, что крыски в клетке понимают, что снаружи клетки еще одна, просто побольше.

— Настигнет, — подтвердил Алдаров, — хотя, конечно, можно удрать на запад. Может быть успеете пересечь Урал до того, как до вас докатится волна.

Все это он говорил только потому, что знал, что никуда они не денутся. Их выбрали умереть за спасение Сибири, как бы банально и громко это не звучало, и они умрут, потому что опций в этой ситуации не так уж много. Тема подозревал, что именно так история и создает героев — из обычных людей, у которых просто нет выбора. А потом уже нарастает легенда про самопожертвование ради великих целей.

Впрочем, новым беспокойством группы стало не это. Теперь в бронированной тесной банке на колесах будет на одного насильно удерживаемого человека больше. И это человек, привыкший убивать так, как это делают в пустошах — легко и без оглядки. Такая же естественная штука, как поесть.

И Лена, конечно. Она задумала умертвить обидчицу и если ей не помешать — попытается сделать это. Тема больше переживал за саму студентку, а не за Марту. Новичок в силовой броне, вознамерившийся кого-то прихлопнуть скорее навредит себе, чем осуществит задуманное.

* * *

Тема, опираясь на ограждение, смотрел вниз. Там, на расчищенной площадке склада, двигались три фигуры в силовой броне. Сервоприводы негромко жужжали при каждом движении, пыхала гидравлика, постукивал металл. Все это казалось Теме неуместным и избыточным. Пустошь не терпит шума. Тот, кто шумит, умирает быстрее тех, кто умеет соблюдать тишину.

Новички обучались абсолютно базовым вещам — на профподготовку просто не было времени. Они учились ходить, ускоряться, поднимать и переносить предметы, приседать и залегать, в общем — ворочать этой махиной в пространстве. Серьезное обучение по десантированию, ориентированию, ведению боя и, самое важное,

взаимодействию с пехотой без брони, будет пропущено. Артемий прям чувствовал, как растут его шансы нелепо погибнуть просто от неловкого движения сокомандника.

Иногда кто-то из тренирующихся случайно задевал кнопку интеркома и тогда на весь склад раздавалось тяжелое дыхание и кряхтение. Сначала эту функцию вообще хотели отключить — можно общаться по рации, а не сообщать металлическим рупором на всю округу свои мысли. Но потом отказались. Радиция Пятна будет уничтожать любую незащищенную технику и общаться по радиосвязи вне транспортера просто не выйдет.

— Скучаешь? — Татьяна подошла сзади и оперлась на перила рядом.

— Лучше скучать, чем потеть в этих железках, — ответил Тема. — Пришла провести политработу?

— Зря ты так, — ответила она, — будь моя воля, я бы своего сотрудника никогда на такое не подписала. Но ты влез в эту историю с конвертом и мне поставили вполне прозрачное условие.

— В эту историю вляпалось куча народу, — возразил Тема, — но в качестве смертника отрядили вот нас. Как вы там это решали? Кидали кубик?

Татьяна грустно усмехнулась.

— Представь, что я тебя отмазала, — предложила она. — Тебя бы заперли в Атоме до тех пор, пока проблема не была бы решена или… или пока Орда не пришла сюда и убила тебя в твоей постели. Ни пустоши, ни поиска технологий, просто ожидание конца без возможности на это повлиять. Согласился бы?

Она, конечно, была права. Он бы ни за что не променял ту свободу, которую он ощущал там, за стенами, на безопасное, но все же тюремное заключение.

— Ладно, — ответил он, — тогда зачем ты здесь?

— Потому что я молодец и хороший руководитель. И уговорила Алдарова, что один день на попрощаться с Атомом вы все заслуживаете. В общем, тебе необязательно тут торчать. Сходи домой. Прогуляйся. Напейся в баре. В общем, можешь идти.

— А если я сбегу в пустошь?

— Сбеги, — Татьяна пожала плечами. Она знала, что никуда он не побежит.

Тема мог бы связаться со всеми своими друзьями, собрать всех из “собирательского гаража”, кто сейчас в Атоме. Действительно пошли бы в бар. Устроили мощные проводы. Но он понял, что не готов к этому. Это будет ощущаться как поминки.

Поэтому он решил, что попрощается иначе — пройдет по родному городу и мысленно скажет спасибо. Да, он предпочитал пустоши, но Атом, его Городок, его старый Академ — был тем самым домом, в который возвращаются.

Он начал с юга. Вышел к пруду среди частных домов высшего руководства. Говорят, до войны в нем обитали утки, но теперь это был просто заросший водоем, который по весне заполнялся стрекотом лягушек, единственных обитателей, которые кое-как еще выживали на оскудневшем корме — мир потерял почти всех насекомых.

Посидел на лавочке, полюбовался студентами, которые украдкой пили пиво и даже контрабандное республиканское вино, детьми, которые пытались запускать блинчики, вездесущими соснами, окружающими пруд со всех сторон. Пошел вверх по улице, которая сохранила свое довоенное название — хотя она и не вела теперь ни к каким золотым долинам, но звалась в их честь. Прошел мимо Дома Ученых, где он и остальные узнали печальную правду и свою довольно незавидную роль в ней. Пошел вверх по проспекту — сначала среди жилой застройки, среди беспечно гуляющих после работы людей. Сложно было представить здесь, где можно было свернуть в магазинчик и купить свежего хлеба, где можно сесть за столик летнего кафе и выпить настоящий отвар алтайских трав, что снаружи — пустошь, территория беззакония и смерти, совсем другой жизни.

Территория Инструтов, утопающая в зелени, потянулась следом. Многие здания довоенных научных центров были переоборудованы в производства — городу необходимо было себя обеспечивать, но некоторые сохранили за собой изначальную функцию. Внутри них трудились люди, которые верили, что мир, прежний мир — еще можно вернуть. Если сильно постараться, если приложить усилия, если собиратели будут искать довоенные технологии, если инженеры будут изобретать новое, а ученые будут заново открывать то, что было потеряно в результате ядерного апокалипсиса, то мы сможем повернуть окончательное умирание планеты вспять и все же

возродиться. Может быть не как человечество целиком, но хотя бы как его оплот здесь, в Сибири.

Все это может быть сметено Ордой уже скоро. Все это придется защитить ему, Артемию, собирателю из пустошей.

Так он прошел сквозь Верхнюю зону и оказался в Нижней — более привычной и менее вылизанной. Ровные ряды довоенных бетонных коробок обросли пристройками, с крыши на крышу были переброшены пешеходные мостики, внизу выросли закоулки и подворотни, это действительно был Нижний Атом, во всех смыслах — темные личности продавали наркоту и оружие, другие — рекламировали подпольные бордели и бойцовские ямы со ставками. Третьи хотели тебя ограбить, если ты выглядел недостаточно опасно. Но это все еще был дом — здесь жили семьи честных работяг, каждый день делающих так, чтобы город продолжал жить, здесь жили беженцы из пустошей, ищущие лучшей доли, чем прозябание на дальней заставе, здесь жили мечтатели, безумцы и творцы. Люди.

Тема открыл железную дверь подъезда, она, как он ее не сдерживал, жахнула за его спиной, прошел по темному, затхлому подъезду и, наконец, оказался в своей скромной квартирке на первом этаже. На полу у входа все еще угадывалось темное пятно. Он мог бы позволить себе сменить жилье, чтобы не помнить, как жестоко умирали его родители, но никогда об этом не задумывался, потому что жил в пустошах, а не здесь.

И все же это был дом. Небольшая кухня со старой мебелью, которую он понатащил снаружи и сам восстановил. Скромная ванная с, опять же, довоенным реконструированным бойлером для дополнительного нагрева воды. Спальня, она же гостиная, где на столах и шкафах собралось многовато пыли, потому что хозяина будто и не было… Все здесь было сделано, найдено, с любовью отреставрировано его руками. Тема осознал, что никогда не ценил этого, все время стремился бежать, искать нечто новое, это была его зависимость — от новых вещей, ощущений, эмоций. И вот когда у него действительно нет времени, он вдруг осознал, что как никогда хочет остановиться — посидеть здесь, залечь в кровать на несколько дней, приготовить еду и, что уж тут, возможно даже пригласить кого-то ее поесть…

Вся эта жизнь, которую он откладывал, продолжится теперь без него.

* * *

Никаких торжественных проводов, сплошная секретность. Под ними — асфальт Бердского шоссе, до войны важнейшей транспортной артерии, впереди — самые большие и при этом наименее используемые городские ворота. Северные. Они ведут прямо туда, в Пятно, поэтому это скорее дань уважения, а не настоящий КПП. Мечта, что когда-то эти ворота откроются и люди вернутся в большой город и восстановят его.

Ворота выглядят серьезно — огромные, с двумя системами створ. Первые, внутренние — высокие, из двойной сетки-рабицы, с колючкой поверху. Вторые — цельные металлические, непрозрачные, тоже обмотанные проволокой.

По левую руку, среди сосен — большое здание медицинского центра Атома, по правую — “вагонные трущобы”. До войны тут была железнодорожная станция и музей под открытым небом, теперь старые вагоны стали жилыми — их заняли люди, у которых было совсем мало средств к существованию. Толпа зевак собралась перед бетонным ограждением, которое отделяло бывшее шоссе от трущоб. У северных ворот редко что-то происходило, а тут целый бронетранспортер!

Официально все было так — группу специального назначения отправляют исследовать границы Пятна, чтобы подавить лагеря Дьяволов и обезопасить ближнюю орбиталь Атома. В общем, сплошная пиар-акция Военного Института. Такую вылазку странно было бы сопровождать официальными лицами, поэтому вся компания — зеваки да офицеры пропускного пункта.

Конечно, официальная версия не объясняла, почему траснпортер выглядит так уродливо — машина заметно отяжелела, потому что ее борта усилили свинцовыми пластинами для дополнительной защиты от фона. Для этого пришлось потратить весь свинец, что был в запасах города.

Внутри транспортера стало гораздо теснее. Три человека силовой броне занимали значительное место, поэтому вольно перемещаться как в первую вылазку уже не получилось бы. За штурвалом сидел Тема, рядом с ним за нерабочим курсовым пулеметом — Роман.

А позади между стальными гигантами сидели Марта и Юра Скай. Дьяволица выглядела расслабленно, хотя одно движение силовой перчаткой — и ее мозги придется отмывать с переборки. То ли она не понимала угрозы, то ли ей это было неважно. Самих ребят в силовой броне друг от друга было не отличить. Выделялся только Илья со своим робоглазом на коленях.

Роман и Тема были в наушниках радиостанции самого транспортера — поэтому слышали генерала Алдарова. Люди в броне тоже его слышали, а вот Марта и Юра просто скучающе ждали.

— Эти ворота три месяца не открывались, потерпите, — тем временем говорил искаженный голос главы Военного Института, — рядового за ломом уже отправили, у них там с петлями что-то.

Тема признавался себе, что чувствует себя не очень уверенно за рулем такой большой и тяжелой махины. У Максимова явно было больше опыта, что показала первая поездка, но его дурацкое желание побегать в силовой броне по пустошам сломало систему. Теперь этой банкой приходится управлять тому, кто привык доверять только своим двоим.

Никакой суеты перед воротами не наблюдалось. Перед будкой КПП стоял и курил дежурный офицер и чисто на всякий случай поглядывал в сторону зевак. А больше никого видно не было.

Видимо, не зная как скрасить ожидание, Алдаров принялся в очередной раз перечислять, что и как они должны докладывать, да с какой частотой. Радиосвязь предполагалось поддерживать три раза в день во время приема пищи — тем, кому не досталось брони все равно придется есть под защитой транспортера. Он не дает полной защиты от радиации, но в нем еда точно сохранится дольше необлученной, чем снаружи. Паек предполагалось переложить себе на плечи только в крайнем случае: если придется покинуть машину надолго или навсегда, в случае ее повреждения или застревания.

У радио всегда будет дежурить офицер и принимать сообщения. Они организуют круглосуточное дежурство, чтобы группа могла срочно связаться с городом. С ними будет работать целая команда специалистов, такой штаб экспедиции.

Какого качества эти специалисты Тема мог представить. Скорее всего, такие же люди, которых угораздило как-то прознать про историю с конвертом, про Орду или Юрия Ская.

— Лена, как настроение? — спросил Тема на всякий случай по внутренней связи. Генерал при этом продолжал говорить, но его можно было до времени игнорировать.

— Как на похоронах, — ответила та. — Собственных.

Впрочем, что он еще ожидал услышать?

— Когда выйдем за ворота… будь осторожна, — он не знал, как сказать “не делай глупостей” такими словами, чтобы она действительно решила их не делать.

— Дурацкий совет.

— Пожелание.

— Дурацкое пожелание.

— Я, кстати, немного подсчитал наши шансы выжить, — внезапно вмешался в разговор Роман.

— Что бы ты там не насчитал, я не хочу этого знать, — ответила Лена.

— Пожалуй, я тоже, — добавил Илья.

— А шансы успешно выполнить задание ты не посчитал? — не без язвительности спросил Максимов.

— Посчитал, — ответил Панин, — из-за множества неизвестных диапазон вероятности нашего успеха — от двух до шестидесяти трех процентов.

— Охренеть разброс! — не выдержал Тема. — Это тоже самое, что сказать пятьдесят на пятьдесят.

— А почему нижняя граница — два процента? — уточнил Илья.

— Это в случае, если вакцина от радиации не сработает совсем, и мы умрем… довольно стремительно.

— Почему тогда не ноль?

— Господа в доспехах, и Юрий Скай скорее всего выживут и попытаются все же достичь успеха.

— Эй! — Максимов был явно возмущен. — Хочешь сказать мы не справимся без тебя и мусорщика?

— Почему не справитесь? Два процента это неплохо.

Тема не понимал, шутит Роман и пытается поддеть особиста или действительно верит, что они вдвоем критически важны для выполнения задачи, но ему нравилось слышать, как в наушниках скрипят зубы особиста от обиды.

С другой стороны, в чем он не прав? Штабная крыса, потерявший память тихий ученый и студентка пусть и в силовой броне будут скорее мешать Скаю там, в Пятне, чем помогать.

— …Так! — голос Алдарова оживился, а значит что-то начало происходить. — Кажется, все окей. Даю команду на открытие внутренних ворот.

Команда действительно пришла — из будки высунулся еще один офицер, что-то сказал курящему и тот неспешно пошел к сетчатым воротам. Они открывались вручную — он повернул ключ в замке у самой земли, затем снял цепь по центру и там же отпер еще один замок. И развел створки в сторону. Тема дал малый газ, стронул машину с места и проехал в пространство между двумя вратами. Сетка поехала обратно на место. Когда офицер закрепил цепь на место и вернул все замки в прежнее положение — загудел механизм внешней двери. Тяжелые металлические ворота в несколько человеческих ростов стали медленно открываться наружу. Скрип металла и натужный вой приводов пробивался сквозь толстую броню и шум двигателя самого транспортера.

— Выезжаем, — сообщил Тема по общей связи Алдарову.

— Удачи, сынки.

Собиратель поморщился от сынков и заметил, как улыбнулся Роман. Он был может и не ровесником генерала, но в сыны ему точно годиться не мог.

Когда створ раскрылся настолько, что транспортер точно проезжает, Тема нажал на газ. Вперед уходило полотно Бердского шоссе. Оно было сильно разрушено, кое-где сквозь асфальт проросли кусты и молодые деревца, кое-где дорогу пересекали серьезные канавы, пробитые ручьями и мелкими речками. Для транспортера это все была не помеха, поэтому Теме уходящая вдаль меж вековых сосен дорога представлялась прямой и ровной.

И вела прямо в Пятно.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ

Напишите в комментариях, как вам книга? Что вы думаете о происходящем и о героях? Для произведений в процессе очень важна обратная связь!

Часть 3. Глава 1

Очень быстро стало душно, хотя вентиляция натужно работала на полную мощность. Верхнюю броню, как на вылазке, откинуть было нельзя — они уже въехали в Первомайский Выступ, наружный дозиметр показывал красные значения. Крупные разломы дорожного полотна Тема объезжал, а небольшие брал гусеницами — тогда десантный отсек начинал гудеть от ударов металла о металл. Группа не роптала.

Первый час Тема переживал, что сзади начнется потасовка, потому что Лена бросится на Марту как только Атом скроется из виду. Но это не произошло, потом ему стало не до того, чтобы следить за тем, что происходит внутри — дорога забирала все внимание на себя.

Они быстро миновали Нижнюю Ельцовку — последнее обитаемое поселение ближней орбитали, да и то вахтово. После него — только радиоактивные остатки некогда большого города.

Первым серьезным препятствием стал кратер. Огромный кратер эпицентра ядерного взрыва, в котором большая часть грунта просто испарилась, а остальная — спрессовалась в корку, которая за много лет уже разрушилась и теперь это была просто огромная яма, которую хрен объедешь. Дорога обрывалась небольшим земляным валом, на который транспортер легко забрался, а за валом начиналась по сути почти идеальная круглая равнина, заросшая рыжей мелкой растительностью.

— Двинем по краю? — спросил Роман. У него был свой триплекс, поэтому в отличие от ребят в десантном отсеке он тоже видел окружающую местность.

— Да, — согласился Тема, — не хочется проверять уровень радиации там, внизу.

Он стал поворачивать машину на месте, а затем осторожно двинулся по валу.

— Не ожидал наземных взрывов, — признался он. — Нам в школе говорили, что большие города обстреливались с подрывом боеголовки в атмосфере, без касания.

— Так и было, — ответил Роман, — но знаменитый “зонтик” ломал направления ракет, и они взрывались как повезет, врезались в землю или наоборот взмывали высоко вверх. Система не была отлажена, в идеале “зонтик” перехватывает управление при входе головок в плотные слои атмосферы и дает уже их системам управление команду на подъем. Предотвратить детонацию он не мог — система защиты ракет работала в основном против этого. А вот увести от цели — да. В идеале — обратно в космос, конечно. Но и взрыв где-то в недрах болот гораздо лучше. чем над центром города. Только система была неотлажена, это был прототип. Поэтому получилось то, что получилось. Атом защитило, но все остальное получило дополнительный урон.

— Поэтому у Сибирской республики есть Красноярск, хоть и не весь, а у нас только маленький Атом, — вступил Максимов. — Целый и невредимый, но на границе самого большого Пятна в Сибири, а может и во всем мире.

— У Москвы Пятно, наверное, побольше, — заметила Лена.

— Кто ж знает, — пробормотал Роман. — Новый Союз — тайна и что у них с территориями, неведомо.

— Да по-любому у них там свои установки стояли, — Лена неожиданно распалилась, — известно же, что высшее руководство свои шкуры спасало, а на обычных людей им было насрать.

— Этого мы не знаем, — возразил Панин. — О действиях правительства в последние дни войны нет никаких данных, потому что уже царил полный хаос. Но факт остается фактом — ракеты и бомбы полетели. Значит приказ был отдан. Они сражались до последнего.

— Да ну, — возразил Тема, — может это все “Мертвая рука”.

— “Мертвая рука” тоже с большой вероятностью может быть мифом.

— Я посмотрю вы много этим интересовались, Роман, — заметил Максимов.

— Да, в школьные времена, — охотно поделился ученый, — пока не понял, что мне больше интересно открывать будущее, а не копаться в прошлом.

— Нам до прошлого еще наверстывать и наверстывать, — заметил Тема, — так что смотрим в обе стороны, как можем.

Ему было немного обидно за Институт Реконструкции, частью которого он был. Они занимались как раз-таки прошлым. Технологическим прошлым. Но активно спорить ему было сложно — удерживать машину на кромке кратера было не так-то просто.

— Сражались до последнего, — фыркнула Лена, — это так вы называете акт всеобщего суицида? Тоже мне сражались — кнопки жали…

— Против идеи “Мертвой руки” говорит еще тот факт, что якобы у Нового Союза довольно много неиспользованных ядерных боеголовок в строю, — добавил Максимов. — Автоматика запустила бы все до последнего.

— В уцелевший ядерный боезапас слабо верится, — Роману, кажется, очень нравился этот разговор. Наверное, только такие и вел у кулеров в своих высоких кабинетах в башнях своего Института.

— А чего бы нет? — спросила Лена. — Говорят даже у нас, у Атома, пара зарядов имеется.

— Ну это чушь, — Максимов сразу включил тон особиста, — поверьте, Военный Институт был бы счастлив, если бы это было так. Может, тогда и не пришлось бы это чертово радио искать.

— Зато у нас своя ядерка есть, — заметил Тема. Все засмеялись. Ручную установку с единственным зарядом им удалось выпросить с собой — в качестве последнего средства уничтожения трансляции, если все остальное не сработает.

— Передвижная критически малая ядерная держава, — подтвердил Роман. — Универсальный выключатель радио.

— Вы верите, что это поможет? — как обычно неожиданно вступил Илья. — Выключим мы трансляцию, а дальше что? Орда остановится? Почему вдруг?

— Ну если они как ты, уж извини, Илья, то наверное остановятся, — ответил Максимов, — куда денутся. По инерции может еще пройдут километров пятьдесят-сто, но потом-то встанут, очухаются.

— И поймут, что они здесь, за пустыней Гоби, за Алтайским хребтом, за Амуром… далеко не дома. Им придется искать место для жизни, особенно ближе к зиме.

— Ну и пусть ищут. Договоримся. Они уже не будут Ордой, а будут людьми, с которыми можно взаимодействовать мирно.

Илья не стал ничего отвечать. Но его слова, признал Тема, отрезвляющи. Действительно, насколько эффективна их миссия? Правильную ли ставку сделал Атом? Не слишком ли поздно?

— Не сделаем дело — не узнаем, — сказал он вслух.

Они почти миновали кратер — Тема уже видел начало дороги, видел, что по левую сторону лес помоложе и среди растительности угадываются старые руины. Южная часть Новосибирска до войны была не совсем городом — скорее такие острова жилой застройки и производств среди леса, объединенные венами дорог. И это был один из таких островов. По правую сторону тянулась насыпь железной дороги — вот ее лес совсем не пожалел, рельсы и шпалы вывернуло корнями деревьев, и они полностью заняли узкую полосу, некогда занятую людьми. Немного же бы они проехали на дрезине.

Почти сразу за кратером обнаружилось новое препятствие — обрушившийся надземный пешеходный переход. Крупные куски бетонных плит торчали под разными углами. Тема прикидывал, можно ли это преодолеть, не повредив шасси, но в итоге решил не рисковать и съехать в кювет между дорогой и железнодорожной насыпью — деревья стояли плотно, угадывались развалины небольшой железнодорожной станции, но протиснуться как будто можно было.

Он аккуратно, на малом газу, скатил транспортер в кювет. Какая-то живность прыснула из-под гусениц.

— Ого! — Панин тоже заметил. — Не думал, что внутри Пятна кто-то живет.

Это было странное замечание, учитывая, что они ехали к целым разумным существам, людям, но иным.

— Заяц или белка, — сказал Тема. — Не успел заметить. Может, такие же облезлые, как гули. Гули-животные.

— Снаружи кто-то? — встревоженно и одновременно властно спросил Максимов.

— Да, зверек, — ответил Тема, аккуратно ведя машину. Броня то и дело задевала стволы, тогда раздавался протяжный хруст и стон — бронированные бока сдирали с сосен красную шкуру, обнажая светлую мякоть древесины.

— Отрядили бы биолога нам хотя бы, — риторически отозвалась Лена.

Это была хорошая идея, будь это настоящей экспедицией, а не операцией по спасению города и, одновременно, утилизацией нежелательных элементов.

— Если есть зайцы и белки, то есть и… — тихо и лаконично произнес Илья и решил не заканчивать мысль.

— Те, кто их жрет, — согласился Тема.

Они миновали завал, и он вернул машину на асфальт, гусеницы пронзительно скрипнули, выравнивая транспорт по курсу.

— Вы животных каких-то встречали? Из Пятна? Эй, дьяволица! — Максимов, видимо, включил свою громкую связь, чтобы поговорить с рейдеркой. — Ага… да в смысле, их перебили, когда еще мой дед молод был.

Тема не слышал, что там несла Марта. Пустошь была полна опасностей не только человеческих — на место загубленной естественной природы пришла неестественная. Животный мир приспосабливался и привыкал к радиации. Менялся, обживая мир с дефицитом чистой воды, насекомых-опылителей и многого другого, так необходимого устойчивой экосистеме. А еще — смешивался с образцами, которые во время войны сбежали из лабораторий генетических исследований и прижились в дикой природе. Тема исходил округу Атома вдоль и поперек и кого только не встречал от обычных волков и медведей, до слепых лосей-альбиносов и огромных летучих мышей, которым пришлось с насекомых переключиться на более крупную добычу…

Но все это была ерунда, страшилки для городских. Настоящую опасность всегда представлял лишь один зверь — двуногий и с огнестрелом в руках.

— Что она говорит? — спросил любопытный Роман.

— Несет чушь про баскеров, — ответил Максимов. — Мол, они их встречали на границе Пятна.

— Если бы она встретила баскера, то была бы мертва, — ответил Тема, — эти твари не умеют оставлять свидетелей.

— А я о чем, — согласился особист, но было слышно, что он не очень уверен. Еще бы. Баскерами пугали детей и взрослых. Это был главный страх любого новичка в пустошах — легендарное и неуловимое существо. По слухам умеющее становится невидимым, но это чушь, конечно. Оно умело становится неразличимым. Не

заметишь, пока не начнет двигаться. А если уж начало — то тогда уже поздно. Редкие, невероятно редкие очевидцы, которые, как правильно заметил Максимов, все были уже дедами, говорили, что баскер — это как собака, но размером с лошадь. Но при этом и не собака вовсе. А как бы морок, призрак. Настолько отталкивающее и неестественное создание, что оно ускользало от восприятия мозгом. Бред. Галлюцинация. Игра теней.

Они все сбежали из подвалов и тайных коридоров Института Цитологии и Генетики — именно там их изобрели. В Академгородке, который теперь Атом. Изобрели, потому что не было выбора. Страна, перед тем как нажать кнопку, была на грани, наука умирала. Нужно было как-то выживать, а единственный товар, который ценился на экспорт — оружие. Вот они и разработали оружие. Живое и смертоносное. Уничтожающая пехоту физически и ментально.

В ранние годы Атом сильно страдал от этих тварей, пока их все же не удалось истребить — по меньшей мере, там, где их легко заметить, в городской застройке и внутри зданий. В пустошах их не встречали, но ходили байки, что они там есть — просто мы не видим, потому что если они не хотят, чтобы их видели, то этого и не произойдет никогда.

Баскеры вскрывали ударом лапы толстые железные двери подъездов и квартир. Потрошили автомобили, доставая оттуда людей, будто тушенку из консервы. Прыгали на высоту третьего этажа. Уворачивались от пуль.

Тему невольно передернуло.

Транспортер летел дальше, все молчали — видимо, пытались уложить в голове новый факт или попытаться отрицать его. Никому не нравилось, что какая-то сраная рейдерка пробудила их главную детскую страшилку.

Они въехали в руины — на восток от шоссе ответвлялась дорога, шла через железнодорожный переезд и уходила вглубь Выступа — к выжженным площадям производств и жилья южных районов Новосибирска. Перекресток окружен руинами — когда-то здесь стояли магазины, придорожные кафе, автосервисы, теперь все это проигрывало природе — из провалов окон торчали ветки, на плоских крышах пучками росли кусты. Слева, за всем этим, рыжел березовый

лес, задушивший руины частника, тянущегося дальше к горизонту — туда, где тащила сквозь Пятно свои отравленные воды река Обь.

Обочина по левой стороне была завалена ржавыми остовами автомобилей — древние остатки паники и эвакуации. Огромная братская могила оптимистов, которые решили, что они смогут выбраться из города на машинах за пятнадцать минут до удара. Во всяком случае так говорилось в учебниках истории Атома — система оповещения срабатывала за пятнадцать минут. В некоторых источниках утверждалось, что и вовсе за семь.

Вскоре автомобилями заполнилась вся встречка, а через какое-то время и попутное движение. Тема замедлил ход.

— Сейчас будет трясти! — предупредил он и через пять секунд острая морда транспортера впилась в ржавый мусор. Раздался скрежет раздираемого металла и, одновременно хруст и шелест — трухлявое железо ломалось и осыпалось хлопьями. Двигатель натужно взревел — лобовая броня, будто ковш, тащила вперед ржавую груду металла, собирая все больше и больше на себя, пока, наконец, Тема не понял, что есть опасность перегрузить движок.

Тогда он остановился, дал немного назад, чтобы освободить перед из обломков, а затем повернул машину по диагонали и аккуратно поехал вперед. Нос задрался вверх, гусеницы заскрежетали по ржавчине и начали в нее проваливаться, будто ботинок — в пожухлые прошлогодние перепревшие листья в лесу.

Трясясь, лязгая, то проваливаясь вниз то взмывая наверх, словно на волнах, транспортер медленно двигался вперед по памятнику некогда грандиозной пробки.

— Твою мать, мусорщик, ты можешь аккуратнее? — не выдержал Максимов. Тема даже с некоторым удовольствием представлял, как того болтает внутри его консервной банки.

— Не нравится — вылезай из скорлупы и веди сам, — огрызнулся он. Радиоканал и вправду заполнился охами и ахами.

Очевидно, что они попали в участок, не задетый напрямую ударными волнами — иначе бы всю эту вереницу испарило бы или раскидало по округе.

Дальше, после нескольких километров прямого участка, дорога уходила налево. Тема припомнил карту — это главное “колено” дороги, шоссе почти по всей длине наследует форме реки и здесь река

делает крутой поворот и дорога, будто вторя ей, но менее уверенно делает небольшой излом.

В конце концов в десантном отсеке начали протестовать уже все. Тема смирился, дал к обочине, съехал с груды машин и остановился. Справа вздымалась насыпь железки — ее огораживал просевший и покосившийся забор из профнастила. Можно было бы выехать на насыпь и поехать по рельсам — тоже такое себе занятие, а от скрежета гусениц по рельсам добровольно оглохнуть захочется, но может быть получится ускориться. С другой стороны уже очень скоро они упрутся в руины Разъезда и придется возвращаться на трассу.

— Я думаю, надо выйти поискать дорогу, — заявил Максимов.

— Тут нечего искать, — ответил Тема, — слева частник, можно туда и попробовать не совсем заросшие проселочные дороги. Авось валить стволы проще, чем давить ржавое кладбище. Второй вариант — прям по железке. Но мы очень скоро упремся в самую жесть, которую точно лучше объехать.

— Санитарная полоса, — вдруг сказал Илья. — Вдоль железки по санитарной полосе шла грунтовка, судя по карте.

Это была мысль. Зону отчуждения у железки до войны принудительно вырубали и наверняка поливали всякой химозой, чтобы не росло ничего. Может быть, лес там и не прижился.

Тема взялся за управление дал вправо, смял кустарник, транспортер с воем залетел на насыпь, будто тряпку снес остатки железного забора и гусеницы завизжали на рельсах.

По другую сторону насыпи был лес. Он уходил до горизонта — где-то там впереди та просека, тайный путь собирателей, по которой Тема привел Лену и Ская в Атом.

А между лесом и насыпью действительно была небольшая полоса пустого пространства с рыжим, глинистым грунтом.

— Неплохо, — поделился Артемий с командой, — ты молодец, Илья. Но мы все равно упремся в Разъезд вскоре и там придется думать.

Транспортер съехал вниз, повернул налево — и они двинулись вперед, выбрасывая комья грязи из-под траков. Боевая машина будто почувствовала себя в правильной стихии и пошла бодрее и проще.

Они недолго проехали, как впереди показались строения. Прямо по курсу — дряхлые остатки гаражей, дорога вела меж ними, а по

правую сторону — большие жилые дома. Ближайший был похож на распотрошенную картонную коробку: перекрытия обрушились, только плиты стен устояли. А вот следующий дом был пониже, а потому выглядел поцелее. Тема провел машину вдоль гаражей и вдоль этих домов и выехал на перекресток со старой асфальтовой улицей. Слева насыпь обрамляли длинные полуразрушенные полоски остановочной платформы. А справа…

— Очень похоже на Атом, — деловито сообщил Роман.

Действительно — высокий бетонные стены, поверх — колючая проволока, правда обвисшая и совсем трухлявая.

— Тюрьма, — сказал Тема.

— О, мы до исправительной колонии доехали? — спросил Максимов. — Отлично, две трети пути позади.

Это, конечно, было очень удобно — измерять расстояние до реки Ини. А дальше? Именно после нее начинался уже настоящий город, но до Оперного театра было еще пилить и пилить.

Тема остановился на полоске асфальта и посмотрел в сторону шоссе. Оно было ниже того места, где они сейчас находились, потому ничего не было видно, кроме очередного надземного перехода, тоже частично обрушившегося. Непонятно, можно было ли туда вернуться.

— Чего стоим? — спросил Максимов.

— Да вот я думаю, стоит ли ехать дальше… — пробормотал Тема, — еще километр, и мы точно упремся в Разъезд, туда точечно били, инфраструктура и все такое. Не хотелось бы близко подъезжать.

— Возвращайся на дорогу тогда, — распорядился Максимов.

Тема медлил. По очень простой причине — хотелось в туалет. Он понимал, что дальше радиация только усилится и возможно сейчас лучший шанс по-быстрому сбегать в кусты, не облучившись совсем насмерть. Эти-то в силовой броне могут прям под себя ходить.

— Давайте тут небольшой привал сделаем, — предложил Артемий. — Я схожу до шоссе, гляну как там дела.

Открывать борт и выходить из-под защиты брони мало кому хотелось. Несколько сантиметров металла дают какую-никакую, а все же защиту от фона. Но очень быстро выяснилось, что по туалетным делам нужно всем.

Артемий заглушил двигатель и резко стало тихо.

— Мне тоже надо! — заявила в этой тишине Марта, ее высокий, визгливый голос гулко донесся из десантного отсека.

— Я за ней прослежу, — сказала Лена, — не переживайте.

— Нужен еще кто-то, — быстро сказал Тема, — мало ли что.

— Я в броне, не убежит, — возразила студентка. В голосе прорезались гневные нотки.

— Не переживайте, — вдруг тихо сообщил Роман, уже снявший наушники, — я прослежу, чтобы она ее не пришибла.

Тема оглядел Панина и хотел было спросить, а как он, собственно, остановит кучу металла с разъяренной женщиной внутри, но потом махнул рукой. С чего он вообще решил, что сраную дьяволицу надо защищать от Лены? Она более чем заслужила мести.

Он взял свою винтовку, проверил пистолет в кобуре на поясе и полез через собственный люк. Он выбрался на крышу транспортера и личный дозиметр тут же истошно зачирикал. Фон был запредельный, но это были еще цветочки — ближе к центру будет гораздо хуже, это Тема понимал.

— Будем надеятся, что эта хваленая жижа внутри нас действует, — сказал он вслух, глядя, как Роман лезет из своего люка. Позади из десантного отсека вылезали остальные — сначала те кто в броне, затем появился Скай, держащий Марту за наручники. Увидев эту сцену Тема успокоился. Юра, в случае чего, кого угодно остановит. В этот же момент собиратель сообразил, что защищает совсем не рейдерку. Он защищает саму Лену от непоправимых действий. С человеком, осознанно пошедшим на убийство, потом ничего хорошего не происходит.

Он спрыгнул с брони, махнул остальным, мол, пойдет до шоссе. Три фигуры в силовой броне были неотличимы друг от друга, но одна показала ему большой палец силовой перчаткой.

Тема повернулся спиной к группе и пошел по асфальту к переезду. Удивительно хорошо сохранившаяся будка регулировщика была похожа на клетку для зверей, будто саму будку закрыли, как преступника. Она блестела из-за прутьев треснувшими, но чудом уцелевшими окнами. Устройство ближайшего шлагбаума было выворочено из земли. Пути уходили дальше к платформам.

Слева стояли гаражи и Тема отошел за них, чтобы сделать свои дела. Слышно было как со стороны транспортера хрустит земля под

тяжелыми шагами, гудит вентиляция и натужно работают сервоприводы. Если бы у гулей был здесь опорный пункт или что-то типа заставы, то они бы услышали их издалека.

Артемий вышел из-за гаражей и двинул к шоссе. К нему вел съезд, а само шоссе все еще было заполнено автомобилями, но недолго. Дальше впереди видна была сбитая в кучу груда, будто остовы принесло сюда прибоем. Очевидно, что это последствия ударной волны. Тема двинулся дальше и посмотрел направо, в сторону центра Пятна. Дальше дорога очищалась — в том числе от самой себя. Видимо, взрыв над Разъездом принес разрушение сюда, ударная волна сломала пешеходный надземник, разметала автомобили и утрамбовала в кучу, содрала кору асфальта, снесла бетонные ограждения, срубила столбы освещения. В общем, можно было выезжать на шоссе и двигаться дальше.

Тема еще раз обернулся на будку. Вернулся к ней, нашел в решетке проход, толкнул калитку — она открылась. Подошел к стеклу, заглянул внутрь, но ничего не увидел, кроме пыли и своего мутного отражения. Дернул дверь. Она легко подалась и открылась.

Внутри было очень пыльно, стояли какие-то шкафы и облезлые стол и стул. Следов не было, но помещение выглядело подозрительно свежо по сравнению с окружающим пространством.

Это мог быть наблюдательный пункт, покинутый, да, но все же. Возможно — это то, что гули считают своей южной границей. В таком случае с их точки зрения группа станет нарушителями, если двинет дальше.

Тема еще раз глянул на шоссе. На противоположной стороне в подавленных лесом руинах что-то шевельнулось, будто сама листва сдвинулась на фоне себя же. Тема моргнул и посмотрел снова. Все было в порядке, только ветер трепал листья.

Ч3. Глава 2

— Отвали, сука! — кричала Марта где-то со стороны тюрьмы. Тема только вернулся к транспортеру, как началось. Лена все же не сдержалась, с горечью подумал он, перехватил ускоритель поудобнее и побежал на крик. И сразу отстал от всех. Два с виду грузных металлических тела, гудя сервоприводами и ухая тяжелыми шагами, с неожиданным ускорением двинулись вперед. Но почти неуловимая фигура Ская все равно оказалась быстрее — миг, и он уже исчез за развалинами одноэтажного магазина.

Захлопали пистолетные выстрелы — оружие было только у Романа, а значит это он. Решил стрелять в Лену? Сразу за выстрелами будто отовсюду сразу со странным будто бы эхом, которое отдавалось будто внутри самой головы, раздался… детский смех.

Юра первым исчез за руинами и к выстрелам пистолета добавились более звонкие и громкие бахи револьвера. Фигура силовой брони, которая бежала первой, не достигла угла буквально полуметра, как что-то неуловимое и будто мерцающее ударилось в нее справа и тяжелое тело отбросило в стену. От удара та посыпалась, поднялась пыль. Дозиметр сразу заорал громче, а ему снова завторил детский смех. Теперь Тема слышал его сзади, и он почувствовал, как кожа на его затылке сжимается от страха. Он обернулся и сразу, не целясь, нажал на спуск. Пуля-снаряд с визгом вырвалась из рельсотрона и ушла в небо. Тень… нет, не тень, солнечный зайчик, марево над асфальтом в жаркий день, морок, галлюцинация… в общем, нечто неуловимое, ускользающее от взгляда рванулось вбок, а потом вперед — прямо на Тему. Он бы не успел среагировать никак, на все эти движения у призрака уходили доли мгновения, поэтому он ничего не успел сделать — ни прицелится, ни отскочить, ни даже просто упасть на задницу, как вдруг морок проявился прямо перед его лицом. Разверстая пасть огромной, удушающе огромной собаки. Над ней — плоский лоб и тлеющие красноватые глазки, внутри которых, Тема готов был поклясться, плясали вполне разумные и невероятно быстрые мысли.

Но чудовищные зубы не успели схлопнуться — собаку дернуло в бок другой неуловимой тенью, и они, сцепившись, покатились по асфальту. За спиной тоже что-то происходило — сыпались кирпичи, натужно трещала силовая броня, люди кричали и стреляли.

Клубок неуловимости остановился, и Тема увидел Юру Ская, окровавленного, лощеная кожанка — излохмачена. Он сидел сверху, будто на неукрощенном быке, огромной черной собаке, которая металась в стороны, но не могла вырваться из железной хватки суперсолдата. Его бедра держали мощные бока пса, а руки — сжимали челюсть.

— Стреляй! — рявкнул Юра, и Тема очухался вскинул винтовку и выстрелил в обширную черную бочину. Собака дергалась, можно было угодить в самого республиканца ненароком, но пуля вошла куда надо и лоснящаяся туша тяжело осела. Тема тут же обернулся, ища новую цель, но увидел лишь облако пыли и мятущиеся тени в ней. Затем оттуда появились Роман, подволакивающий ногу, и Марта, на которую он опирался. Дьяволица была в наручниках, но ее руки сжимали пистолет ученого. Тема не без труда отвел ствол рельсотрона в сторону. Сразу за ними, спиной вперед, появилась фигура в силовой броне. Она двигалась осторожно, расставив руки, прикрывая собой людей. Собачий морок не заставил себя ждать — пятно радужного развода, как от бензина в луже, рванулось из вихрей пыли. Тема был уже готов и рельсотрон взвизгнул вместе с хрустким ударом силовой перчатки. Черное тело свалилось под сень стального гиганта.

— Зачтем пополам? — как из бочки раздался усиленный голос особиста Максимова.

— Где Лена? — крикнул ему Тема, но сразу увидел ее. Точнее две фигуры в силовых доспехах, вывалившихся прямо из стены злосчастного магазинчика вместе с десятками кирпичей из стены.

Полностью запорошенные, они с трудом поднялись. Грудная часть правого была косо рассечена следами когтей. Ультрапрочная стальная пластина, выдерживающая попадание крупнокалиберных пуль, была разодрана, будто обычная хлопковая футболка.

— В транспортер! — рявкнул Тема, убедившись, что он видит всю группу. — Вдруг это не все!

Упрашивать команду было не нужно. Все дружно рванули к машине.

— Подсажу, — глухо сообщил ближайший броненосец голосом Ильи. Тема шагнул на силовую перчатку, как на ступеньку и в миг оказался на крыше. Одним движением юркнул в люк и задраил его за собой. Роман появился через секунду. Он приземлился на кресло обеими ногами, одна из них странно подвернулась и пожилой ученый приземлился на задницу. Удивительно, но ни стона, ни вскрика Тема не услышал. Панин держался стойко.

— Все на месте? — спросил Тема, надев наушники и, как только услышал подтверждение, развернул транспорт к шоссе и дал полный газ.

* * *

Решились остановится только высоко на насыпи, поперек железки у самой кромки реки. Она текла внизу, метрах в ста впереди. Вода была мутная, зеленовато-коричневая и выглядела неприветливо.

Слева и чуть сзади за насыпью стояли развалины насосной станции и виден был заросший канал, из которого некогда забирали воду для городского водопровода. Лента шоссе осталась справа. Она упиралась в реку огрызками мостовой переправы. Темная вода Ини слегка бурлила вокруг обломков моста. Многочисленные опоры некогда крупной мостовой переправы торчали из воды как обломанные зубы. Железнодорожная переправа тоже была уничтожена — перекрученные, сплавленные в невнятный комок металла, железные балки пролетов беспомощно торчали из воды и из противоположного берега — их вплавило, вдавило в грунт мощной силой взрыва, который уничтожил Разъезд.

Будь воля Темы, он бы не останавливался, а прямо сейчас форсировал реку. Казалось, что, как средневековый ров, она защитит их от баскеров. А то, что неуловимые бестии у тюрьмы были именно ими — никто в группе не сомневался.

Но остановится пришлось. Нужно было оценить урон и подлатать раненых. Поэтому нашли самое высокое место из возможных и условились, что далеко от транспортера отходить не будут, а Тема останется на броне — и потому, что водителя следовало беречь, и потому что обзор хороший.

К счастью, их потери оказались не так уже велики. Потрепало броню. Сильнее всего у Лены — борозды на грудном отделе пробили только внешний слой металла, поэтому радиация была студентке все

еще не страшна, но были и другие повреждения, и они задели какие-то внутренние коммуникации костюма.

— Вентиляция? — спрашивал Максимов.

— В порядке, — отвечала Лена.

— Подача воды?

— Тоже.

— Утилизация отходов?

— С ума сошел, как я тебе это сейчас проверю?

— Ну… использовав по прямому назначению?

— И что, если там какой-то дерьмопровод повредило, то я просто обоссусь? Нет, спасибо.

— Ладно, поехали дальше. Уровень масла в приводах?

— Черт…

— Что?

— Тут горит точка как раз на индикаторе масла.

— Красная?

— Да.

— Значит, где-то течет масло… — пробормотал Максимов.

Тоже мне ремонтники, подумал Тема, слушая это. Очевидно, что без инженера, который умеет обращаться с этими довоенными штуками, им не починить любое повреждение. Если действительно масло стекло куда-то Лене под ноги, то очень скоро все механизмы без должной смазки выйдут из строя. И девушка останется внутри бесполезного, обездвиженного металлического кокона, из которого не выбраться, потому что снаружи смертельный уровень радиации. Да, у них есть запасная инъекция от радиации, но кто сказал, что она заработает мгновенно?

Он следил за округой. Под насыпью валялись разметанные, снесенные ударными волнами, вагоны товарного поезда, который перевозил то ли нефть, то ли что-то из нее произведенное. Цистерны измяло, поплавило, впечатало в землю, некоторые выглядели лопнувшими изнутри.

Дальше на юг — сплошной лес, заросшие болотистые берега Оби, когда-то покоренные людьми, но теперь отданные природе обратно. Никакого движения Артемий не наблюдал, но понимал, что он может не заметить баскера до самой последней секунды.

Тем временем продолжался медицинский осмотр. Роман, будто бы пострадавший больше всех, от помощи отказался.

— Я тебя не понесу, понял? — говорил Максимов.

— Со мной все в порядке, — отвечал Роман, — спасибо всем за беспокойство, но, правда, ничего серьезного.

— Дайте хотя бы просто осмотреть, — мягко просил Юрий, — я уверен, что все в порядке, но лучше перестраховаться. Если это укус…

— Не укус, — кажется, Роман был раздражен повышенным вниманием. Тема впервые улавливал нотки нетерпения в его голосе. Панин, кажется, начал уставать и понял, что ввязался в дело, которое ему не по зубам, — просто неудачно подвернул ногу. Скоро пройдет.

Остальные, как будто, были в порядке. Даже Марта. Она добровольно вернула пистолет и вообще вела себя прилично. Осознала, что в такой обстановке без группы ей никуда. Сбегать или делать какую-то пакость смысла нет — все равно через радиоактивное поле и стаи баскеров она обратно не проберется в одиночку.

Почему эти твари вообще живы и существуют — вот вопрос.

— Эй, Юра, — позвал Тема. Республиканец стоял у брони и, кажется, тоже высматривал хищников. В руках он крутил остатки своей куртки. Она уже точно никуда не годилась. Баскер исполосовал ее в лоскуты. Юрий стоял в одной майке и было видно, что на его теле остались глубокие царапины, которые его, похоже, не особо беспокоили.

— Да?

— Кажется, я должен сказать “спасибо”, — начал Тема, ему было неловко, потому что он не знал, что говорят в таких случаях. — Ты спас мне жизнь.

— Кажется, что так, — спокойно ответил суперсолдат. — И это значит, что мы в расчете.

— То есть?

— Там, на заставе, ты спас меня. У меня было столько шансов умереть. Ты мог не тащить меня к доктору, а оставить лежать под насыпью с дробью в груди. Ты мог отдать меня военным и не вмешиваться… Ты пошел против своих. Это гораздо сложнее, чем усмирять невидимых песиков.

— Возможно, еще придется, — ответил Тема и понизил голос, — и усмирять чудовищ, и идти против своих.

— Что ты имеешь ввиду?

— Ну представь, мы находим источник трансляции. И он может оказаться… чем угодно. Слава полураспаду, если там окажется просто рубильник. А если нет? Если все будет сложнее? Также, как тогда было с тобой? Придется принимать сложные решения.

— Звучит так, как будто нам нужно держаться поближе друг к другу, чтобы если что повторить любой из маневров, — улыбнулся Скай. — Ты кому-то доверяешь?

— Никому, если честно, — ответил Тема, — в том числе тебе, конечно.

— Потому что я из другого государства?

— Потому что ты страшнее любого баскера.

Юрий усмехнулся. Бросил куртку вниз с насыпи.

— Я бы тоже себе не доверял, — признался он. — Сложно доверять кому-то, кто может убить тебя за полсекунды.

— Раз уж ты тоже смотришь за горизонтом и твое зрение явно лучше моего — я залезу внутрь? — спросил Тема. — На случай, если придеться резко рвать с места.

Он немного лукавил — его больше беспокоила растущее число полученной им дозы. Хотелось хоть как-то ее минимизировать. Он пока не чувствовал никаких симптомов лучевой болезни, но это могло ничего не значить. Она может настигнуть в любой момент.

Впрочем, Юра легко кивнул — мол, у меня все под контролем. Тема сразу же вернулся к люку, открыл его и ловко нырнул внутрь.

Внутри был только Роман, и он внимательно ощупывал поврежденную лодыжку, задрав штанину до колена.

— Все в порядке? — спросил Тема, успев взглянуть на ногу товарища и застыл, не успев даже нормально сесть. Роман быстро опустил штанину, но было поздно.

— Что это за херня? — следующий вопрос был задан уже с пистолетом в довесок.

— Можете убрать оружие, пожалуйста? — спокойно спросил Панин.

— Нет.

Тема видел состояние ноги ученого полсекунды, но этого хватило. Лодыжка была сильно повреждена — значительного куска кожи не было. Но и крови тоже не было, хотя она должна была хлестать. А

были абсолютно механического вида металлические сочленения, трубки с жидкостью и провода.

— Успокойтесь, — продолжал Роман, даже руки в примирительном жесте выставил. — Понимаю, что после встречи с баскерами мы все перевозбудились, но давайте действовать разумно. Вы как будто монстра увидели.

— Так докажите обратное.

— Это займет время.

— А вы покороче. И в версию про протез я не поверю.

Роман опустил руки.

— Хорошо, — сказал он. — В целом, это уже неважно. Мы в Пятне и вряд ли у нас есть путь назад. Но предлагаю сохранить это в тайне от остальных, чтобы… избежать вот таких эксцессов как сейчас, — и он показал глазами на пистолет, смотрящий ему в лоб.

— Это зависит от ваших слов.

— Я синтетик.

— Что это значит?

— Искусственно созданное подобие человека.

— Невозможно!

— Здесь, в Сибири — конечно же, нет.

— Тогда откуда вы… ты… это…

— Мне кажется, вы уже знаете, Артемий, — ответил Роман.

Тема вздохнул. Выругался про себя. Конечно, в такой заварухе, в которую они попали не могло быть по-другому. Безумная рейдерка, военный особист, потерявший память ученый, республиканский суперсолдат… Почему бы в этой компании не оказаться гребаному роботу из Нового Союза?

— Опустите пистолет. Как вы можете догадаться, против меня он бесполезен.

Артем подчинился, потому что чертова железка была права. Он убрал пистолет в кобуру, снял с себя ускоритель, отставил в сторону и, наконец, сел удобно.

— И много вас таких в Атоме?

— Я такой один.

— Ну да, ну да…

— Нет, я серьезно. Вы понимаете, насколько я дорогая и редкая технология?

— И прям Новый Союз взял и отправил дорогую и редкую технологию за тыщу километров от своих границ?

— Что ж, когда меня отправляли о Сибирской республике еще не было известно там, у нас. Конечно мы заинтересовались устойчивым поселением, единственным, которое удалось найти за Уралом. Разумно было подсадить к вам разведчика.

— Как складно, — Тема засмеялся, понимая, что со стороны его смех звучит довольно обреченно, — и с чем я разговариваю? Это искусственный интеллект? Уж если я что и знаю о довоенных разработках, а вы, безусловно, она, так это то, что в такой небольшой форм-фактор как человеческое тело ИИ не засунуть.

— Почему вы думаете, что я довоенная разработка?

— Потому что, если бы Новый Союз обладал такими технологиями в полной мере, то он был бы уже здесь. В Сибири. И даже дальше.

— Вы недооцениваете размер нашей планеты, Артем. И масштаб бедствия, в котором мы живем. Даже доставить меня в Атом было невероятно сложным предприятием.

— Представляю, — невесело усмехнулся Тема, — но скажите мне вот что. Почему я сейчас, когда все вернутся, должен буду молчать?

— Потому что вы умный человек. Вы прекрасно осознаете, что тогда начнется. Представьте, что будет, если об этом прямо сейчас узнает капитан Максимов. Или этот суперсолдат сибирский. Наша экспедиция не продвинется ни на метр дальше. Начнется хаос. Будьте благоразумны, Артем, и помните о миссии.

— Зачем это вам?

— Затем же, зачем и вам. Орду надо остановить. Это понимает даже такое ведро с микросхемами как я.

Неожиданная бодрость и умелость Романа в пустошах, его неуемное любопытство, его очень простое и легкомысленное отношение к вещам, которые любой нормальный человек посчитал бы ужасными… все теперь встало на свои места. Как это можно было не заметить?! Впрочем, как можно было бы подумать о синте, роботе, искусственном разуме, что и в довоенных источниках больше встречалось как абсолютная фантастика…

У Темы была тысяча вопросов и больше всего ему хотелось отстрелить этой жестянке конечности и заставить говорить. Но дверца

десантного отсека открылась, и команда полезла внутрь. Роман внимательно посмотрел на Артема, кивнул и надел гарнитуру. Тема медленно потянулся за наушниками и тоже надел их на голову.

— Все загрузились, — бодро сообщил Максимов. — У Лены удалось устранить утечку масла, но потеря большая… если у остальных все в порядке, то предлагаю трогаться.

Тема не двигался, держа руки на рычагах.

— Эй, собиратель! — особист не унимался. — Заводись. У вас все нормально там?

Тема снял руку с рычага и потянулся к кнопке зажигания.

— Все в порядке, — ответил он, — пристегнитесь и держитесь как можно крепче. Готовимся к форсированию Ини.

Ч3. Глава 3

Разбрасывая грязь, бронестранспортер выбрался на берег, заросший мелким кустарником. Внешний дозиметр будто и ждал, когда они преодолеют водный барьер — и стрелка упала в черную зону.

— Вот теперь все по-настоящему, — сообщил Артем команде.

Он вырулил на трассу и дальше они поехали под склоном плато. Кое-где порода съехала вниз, перекрыв пути, но гусеницы отлично справлялись. Под высотой ехать было не очень-то уютно — мало ли кто там сверху есть. Если бы гули хотели, чтобы на их территорию никто не мог попасть, то самое время захлопывать ловушку.

До створа тоннелей метро оставалось километров шесть.

Артем поглядывал на Романа — или как его теперь назвать? — но тот вел себя как ни в чем не бывало. Разглядывал окрестности в триплекс, то и дело осматривал свою ногу, а в какой-то момент даже спросил у Ильи, нормально ли у того все.

— Я думаю, — немного невпопад ответил тот.

— Это полезно, — зачем-то встрял Максимов.

— Мы едем отключать трансляцию, — сообщил Илья таким образом, как будто для всех остальных это должно стать новостью, — но зачем?

— Чтобы остановить Орду, — напомнил Тема, — а то они сожрут Атом, также как все южные поселения.

— Да, это понятно. Но ведь проблема не в самой трансляции, а в ее синхронном китайском переводе. То есть нам можно было бы уничтожить лишь то, что переводит…

— Трансляция мы знаем, где находится, — заметил Максимов, — а китайскую ретрансляцию, где искать?

— Да, но возможно источник находится в менее недоступном месте, — продолжал Илья.

— В любом случае идея хорошая, но думать о ней уже поздно, — прервал их Роман, — мы слишком глубоко забрались.

— Почему ты вдруг об этом подумал, Илья? — спросил Тема.

— Если источник придется уничтожить, то, наверное, я никогда не узнаю, что со мной.

— Но тогда и проблема будет решена, нет? — уточнил Максимов.

— А если такая трансляция не единственная? — вопросом парировал Тема. — Илья, конечно прав. И в первую очередь мы постараемся трансляцию просто отключить. А уж если это не выйдет…

Дорога впереди вдруг обрывалась. Артем замолчал и осторожно снизил скорость. Объехал обрушившийся путепровод, ведший на некогда существовавший мост через Обь и увидел впереди, что асфальт ломаной линией обрывается в пропасть. — У нас проблема, — сообщил Тема остальным, — Кажется, Плющиха размыла полотно. Кому-то нужно сходить посмотреть, насколько глубок овраг.

— Я схожу, — заявила Лена.

— Нет, силовая броня очень заметна. Пните там Ская, пусть он.

— Я могу, — подал голос Роман.

— Ты мне тут нужен, — соврал Артемий.

Из-за того, что здесь, судя по всему, удар пришелся основательно, все впереди очень хорошо просматривалось. Про правую сторону от дороги лежала промзона, точнее то, что от нее осталось — оплавленные стены длинных приземистых сооружений — складов и цехов, всего, по чему били целенаправленно. По левую — некогда крупный жилой район, теперь больше похожий на обломанные и гнилые зубы старика. Отовсюду торчали бетонные колонны с обнажившейся арматурой и все это напоминало поникшие восковые свечи на торте, когда праздник уже окончился.

Еще левее была река, а за ней — развалины левобережья Новосибирска. Левый берег лежал высоко, а потому хорошо просматривался — и там была все та же безрадостная картина тотального разрушения.

Со стороны промзоны только одно сооружение относительно устояло и возвышалось одиноко и грустно над пустошью — огромная махина мелькобината. Видно было, что перекрытия, галереи и переходы обвалились, но сами пузатые цилиндрические стены удивительным образом устояли.

Далее Артем переключился на ближнее окружение. Справа расположились руины небольшой церкви и сразу за ней наверх, на

плато уходила дорога. В очень плохом состоянии, но, в случае чего, могла стать альтернативным путем. Впрочем, Плющиха явно тянется далеко и подниматься выше резона немного — только сложнее найти будет пологий брод.

Слева — болото, из которого торчали кирпичные трубы и гнилые проваленные крыши частного сектора. Южнее это все бы заросло лесом, но здесь даже деревья не приживались, так сильна все еще была радиация. Тоже есть опасность застрять в каше, но шанс перебраться все же повыше.

Сзади открылась дверь десантного отсека и почти сразу Артем увидел Ская, который прошел по левому борту, подошел к краю, стал осторожно пробовать ногой — и куски дороги стали падать вниз. Скай осторожно отступил и, вытянув шею стал смотреть вниз. Потом резко поднял голову, будто что-то услышал, дернулся в сторону, неестественно изогнулся и упал. Перекатился, пополз. Тема сразу понял, что произошло, движок взревел, транспортер дернулся вперед, опасно заехал на край и повернулся бортом, чтобы закрыть Юру броней.

— Скай ранен! — рявкнул Тема в микрофон. — Затащите его внутрь. Не высовывайтесь, у нас снайпер.

Какое-то время было тихо, потом Лена сообщила:

— Все на борту.

Тема тут же сдал назад, развернулся и загнал машину за церковные руины.

— Вылезаем, — бросил он Роману, взял рельсотрон и полез прочь. Как только люк открылся, личный дозиметр зашелся в истерике и зашкалил.

Дверь десантного отсека была открыта. Юра лежал между железными тушами экзоскелетов, зажимая рану на бедре, из которой активно хлестало, кровь текла сквозь пальцы. Марта как будто хотела пробиться к Скаю, но стальные руки ее не пускали.

Тема сунулся внутрь.

— Снайпер, — прошипел сквозь боль Юра.

— Да, — кивнул Тема, — дерьмо. Дай глянуть.

Он осторожно убрал руку республиканца и увидел четкую небольшую круглую дыру в ноге. Очень аккуратную.

— Бля…

— Что?

— У снайпера рельсотрон. Как у меня. Такая пуля и силовую броню прошибет и не заметит. Так что все сидим тихо.

Роман тоже вылез наружу, и они вместе принялись оказывать Юре первую помощь — перевязали ногу, закрыли рану, вкололи обезбол.

— Сквозная, — сообщил Тема, — это хорошо.

— Слышь, пусти, — вдруг взорвалась Марта, — я ему тоже помочь могу, ты!

Громогласный, усиленный динамиком и металлом голос Лены велел ей молчать и не дергаться.

— Все в порядке, — сжимая зубы, сказал Юра, — ребята сделали достаточно. Дальше я справлюсь.

— Хорошо бы и мне такую регенерацию… — пробормотал Максимов также громогласно.

— Заткнитесь, жестянки, — не выдержал Тема, — ваши голоса на тыщу километров слышно, наверное…

Он проверил винтовку, осмотрелся. Очень не хотелось отходить от БТРа — слишком много неизвестных. Команда превратилась черт знает во что — дикарка, желающая ее порешать студентка, легкомысленный особист, сраный робот и раненый суперсолдат.

Но Тема был единственным, кто мог бы найти и снять снайпера. Скорее всего, тот, конечно, сейчас быстро менял позицию, Артем именно так бы и поступил на его месте. Но с другой стороны, стрелять он могу только из одного места — с верхотуры руин мелькомбината, а вокруг там сплошное открытое пространство, так что можно успеть поймать его… наверняка он не ожидает, что против него выступят с тем же оружием.

За Ская он сильно не переживал — тот и не от такого излечивался.

— Я попробую выследить стрелка, — сообщил Тема, — ждите здесь и не двигайтесь с места.

— Куда?! — резко возразил Максимов, вопрос эхом отразился от руин и разлетелся, наверное, на все Пятно. — А если он и тебя подстрелит, кто транспорт повезет? Просто сменим маршрут.

— Беглый осмотр показал, что тут ситуация тяжелая даже для нас. Можем застрять.

— Что за чушь? При желании везде проедем.

— Даже если так — мы все это время будем под огнем. При правильном угле, снаряд рельсотрона и броню транспорта прошьет. Попадет в движок — встанем на открытом месте и будем прекрасной мишенью, которая уже никуда не торопится.

— Значит отступим и поднимемся на плато в другом месте, — отрезал Максимов, — как старший по званию…

— Ой, заткнись, — тут же перебил его Тема, развернулся и пошел прочь. Вся эта бравада была лишь из-за того, что особисту хотелось командовать — и это вызвало бурю ярости. Если бы Максимов не был в броне, он бы давно показал ему сколько зубов за раз приклад пересчитывает и как звания важны в пустошах.

Вообще капитан мог его сейчас легко остановить — что сделаешь против силовой брони? Но остался сидеть.

Тема тем временем проник внутрь церкви через пролом — внутри ничего не осталось кроме горы бесформенного мусора. Все убранство сгнило за десятилетия под открытым небом. Тема перебрался через все это к выходу — тот смотрел на дорогу. Встал так, чтобы его не было видно снаружи. Хорошей позиции не наблюдалось. Пустота дороги, а за ней не менее открытое болото. Придется искать другой вариант.

С другой стороны от церкви был склон, а на его вершине, за остатками дороги — кривая линия рыжей кирпичной кладки от давно разрушенного дома. Там можно было залечь. Тема пробежался под защитой склона, осторожно залез наверх, измазавшись в глине, отчего дозиметр совсем зашелся и его пришлось заткнуть. Наверху он двигался ползком, пока не завалился за остатки стены на груду битого кирпича.

Здесь первым делом он поискал, где можно залечь, подумав, расшатал несколько кирпичей в стене и сделал себе что-то вроде окошка. Лег, упер приклад в плечо и стал осматривать окрестности.

На стенах мелькомбината, конечно, уже никого не было. Его прицел скользил по стене — вот и канат, по которому, скорее всего, быстро спустился стреляющий. К сожалению, Тема потерял много времени в препирательствах с особистом, а потому снайпер уже мог залечь где-то в укромном месте. Заводские территории не подходили — оплавленные стены почти по фундамент не очень подходили для укрытия, если хочешь не просто лежать, но вести огонь или иметь путь отхода.

Конечно, он мог и перебежать дорогу и спрятаться в руинах старого жилмассива, который высекло не совсем под корень, однако это так себе идея — оставлять возможность врагу прижать себя к реке.

Так что… так что оставалась сама громадина мелькомбината — скорее всего, стрелок залег под его торцом. Дождется темноты и спокойно двинет восвояси. Дурацкая ситуация.

Тема услышал какой-то свистяще-шелестящий звук, не сразу понял что это, а когда понял, то сразу увидел разрыв — прямо в недрах руин церкви. И без того слабые станки обвалились внутрь, каменная шрапнель забарабанила по броне транспортера, вверх взвилась туча пыли.

Второй снаряд лег на дорогу перед провалом — и еще один значительный кусок земли со шлепком съехал в овраг. БТР завелся — непонятно, кто прыгнул на место водителя и, задом, двинулся прочь. Снаряды продолжали падать, взметая пыль, осколки чиркали по асфальту и глухо впивались в глинистый склон.

Пора было сваливать. Тема вскочил и уже не скрываясь побежал прочь и вверх по склону, надеясь, что команда про него не забудет и подберет позже. Он обернулся как раз в тот момент, когда снаряд угодил под стену, за которой он залегал — во все стороны брызнуло смертоносное кирпичное крошево.

Тема добежал до обрушенного путепровода через железнодорожные пути, кубарем скатился вниз, голова чудом остановилась в сантиметрах от острого выступа бетонной шпалы.

Он все еще слышал звук движка за разрывами, а значит Максимов не приказал рвануть обратно изо всех сил. Наверняка они спрячутся там, где не страшен навесной огонь, а это значит — под частично обрушенной развязкой на мост, который они проехали сразу перед тем как встать у оврага. Поэтому Тема вскочил и побежал по вросшим в землю развороченным путям, они полого сворачивали направо — как раз куда ему и было нужно.

Минометный обстрел — а это, несомненно, был он, — прекратился.

Вот это, конечно, дружественный и дипломатический прием, думал Артем, глядя под ноги, чтобы не споткнуться о неудачно вылезшие костыли. Где-то впереди должна быть станция и справа от нее — руины развязки. Лишь бы они были там…

Внутри закипала злость. Не на гулей, а на то, что сраный особист оказался прав, а он, Тема, не прав. Жители Пятна даже не попытались поговорить. Они сразу атаковали — снайпер подстрелил Ская, а затем навел минометчиков.

Мы их ничем не спровоцировали. Да, мы едем на военном транспортере, но это — от радиации… Должны же они понимать, что людям здесь без защиты не выжить.

С другой стороны, если лингвисты правы, то гули считают обычных людей низшим сортом, будущими рабами. И в этом плане, конечно, ничего удивительного.

Он добрался до развалин станции — справа вырос горб дорожной петли, которая более-менее уцелела. Забрался на раскрошенную эрозией бетонную платформу, чтоб тут же с нее сойти в плотный, но явно больной, бурого цвета, бурьян.

Никаких троп и дорожек, конечно, тут давно не сохранилось, начался уклон — трасса лежала ниже железки. Приходилось правильно ставить ногу и следить, что под подошвой надежная опора, а не какой-нибудь кусок предательски скользской глины. Это было привычно — обычные дела в пустошах, и Артем почувствовал себя увереннее.

Он добрался до первой бетонной опоры — она вся была искрошена и покрыта дырками, будто язвами. На ум пришло слово “ноздреватый”. Да. Ноздреватый бетон.

Говорят, раньше люди умели делать бетон, который держался тысячелетиями и ничего ему не было. Это явно был не он.

Тема пытался прислушиваться, но движка не слышал. Заглушили? Или заглохли? Или… Почти наверняка место водителя занял Панин, точнее чертова железка Нового Союза и мало ли что он мог учудить.

Зато само Пятно издавало очень много звуков. Это было не совсем так, как разговаривала пустошь, но все же похоже. И гораздо-гораздо беднее. Скрипы — но не сосен друг о друга, а какое-то старое ржавое железо страдает на ветру. Потрескивания — будто кто-то ступает по веточкам, но вокруг нет ни веточек, ни чьих-нибудь, за исключением артемовых, ног. Шелест — но не листьев, а какого-то неопределенного довоенного мусора.

Артем зашел под изгиб эстакады и руины развязки появились перед ним во всей красе. Ближайшее хорошее укрытие для

транспортера — это съезд, проходящий под этим изгибом, но там было пусто. Справа — уцелевшие пролеты основного путепровода, но и там никого.

Он добрался до трассы — здесь все просматривалось и нигде не было ни следа БТРа. Не угадал, с досадой подумал Артем. Они приняли какое-то другое решение. Не укрываться, а… что?

Что мог предпринять капитан Максимов, явно взявший на себя командование теперь в полной мере? Или что мог натворить говорящий андроид, если он захватил управление?

Тема удивился сам себе, но больше всего он переживал за Ская — вообще-то чужеземца, который возможно имеет какие-то свои тайные интересы здесь. Однако он ранен и у него нет защиты в виде силовой брони.

Собиратель напряг весь свой натренированный в пустоши ум, чтобы вспомнить детали обстрела. Вот он начинается — мины ложатся широко, то ли потому что пристрелка никакая, то ли потому что хотят захватить большой радиус, так как не уверены, где именно прячется людская машина.

Он бежит прочь от своей кирпичной позиции — и звуки напряженно работающего движка четко слышны, транспортер стронулся и куда-то двинул.

Еще какое-то время его было слышно — Тема и команда двигались параллельно в одном направлении… и видимо именно поэтому ему пришла в голову мысль про укрытие под мостом.

Но потом звук затих вдали. Они все-таки решили полностью отступить. Как минимум — к Ине. До которой пешему топать минут сорок-пятьдесят… почти час без минимальной защиты от радиации.

Артемий так беспокоился за других, что совсем забыл о себе. Он совершенно один в Пятне. Он потерялся.

Просто потрясающе.

Ч3. Глава 4

Очень быстро выяснилось, что главный враг Темы прямо сейчас отнюдь не радиация, а закат. Становилось темнее и искать бронетранспортер будет гораздо сложнее. Как и разглядеть врагов. Кто его знает, что сейчас делает тот снайпер? Может быть, отправился проверить как дела у незваных гостей?

У Темы аж мурашки по затылку пошли и очень сильно захотелось обернуться. Он представил как враг смотрит через прицел — точно такой же, как у него самого — и перекрестье прям чуть выше его головы, с поправкой на расстояние и ветер.

Он шел по верху, по железной дороге. Слева был склон плато, справа, внизу — лента шоссе. Так он надеялся, будет проще заметить БТР.

Невольно мысли стали работать так, как они должны работать в пустошах. Где остановиться на ночлег? Как обезопасить себя от незваных гостей? Не хотелось бы проснуться и увидеть темный провал дула, а за ним — ухмылку на обезображенном лице. Или того хуже — ускользающий и смертоносный оскал баскера.

А может вовсе не спать. Это всегда плохое решение, любой опытный собиратель предпочтет пусть немного и с риском, но поспать, чем быть вялым и несобранным, когда резко понадобится вся имеющаяся концентрация и сфокусированность.

Справа вдоль дороги стояли развалины ангарного или складского типа. Их не разрушило взрывами — просто обветшали от времени. Можно было укрыться там. А сразу за ними открывался провал — когда-то давно тут явно был карьер, часть его стен обвалилось, но все еще можно было угадать ступенчато уходящие вниз ярусы.

Подходило время обязательного сеанса связи с Атомом. Интересно, что будет говорить Максимов, если у них вообще этот радиообмен состоится? Что они потеряли члена команды? Что на них напали? Будет просить дать залп по району театра? Это было обидно — так глупо потеряться и отдать все в руки людей, которым он не доверяет.

Артем даже посмеялся про себя. Чуть ли не все участники отряда так или иначе ему угрожали, а некоторые прям даже пытались убить. Как быстро выяснится, что они не очень-то и горят желанием его искать?

Он дошел до скального выступа справа от насыпи, который венчала залитая бетоном горка камней и торчащий из них деревянный обломок. Поклонный крест — такие ставили вдоль дорог и на скальных вершинах. Когда-то он нависал над шоссе, напоминая водителям о том, что неплохо бы на дороге быть аккуратнее. Страшная сила ядерного огня и последующего времени снесла его, как и тех, кого он предупреждал.

Артем решил, что это хорошая точка, если он хочет, чтобы его заметили. Да, как команда, так и враги, но что поделать. Найтись сейчас гораздо важнее, чем осторожничать. Главное, наблюдать за дорогой и нависающим над железкой склоном.

Он лег ногами к ржавым рельсам, головой — к основанию креста, кисло подумав, что нашел себе удобную могилку. Рельсотрон положил поперек груди — чтобы быстро вскинуть в случае чего. Открывался отличный вид на вершину склона — если кто заявится с плато, то его будет видно сразу, как башка покажется над краем. Кроме того легкий поворот головы помогал следить за полотном в обе стороны.

Обидно, конечно, что так не видно шоссе и мало ли кто там на нем окажется, но с другой стороны и его, Артема, снизу видно не было.

Хотелось жрать. Команда наверняка уже поужинала и возможно сейчас дискутировала о целесообразности спасения одного мусорщика. А может быть и не дискутировали. Из Атома вполне мог прийти приказ не тратить ресурсы ради одного участника суицидальной экспедиции и просто двигаться дальше. Если Максимов решит, что они двинут в обход, через ТЭЦ-5 — то у Артема не будет никакой возможности их догнать.

Если прикинуть честно — особисту он скорее мешает, а потому капитан будет рад выполнить приказ. Панин будет за него, чтобы человек, знающий его секрет точно не уже никому ничего не рассказал. Сидит такой важный, двигает какую-нибудь речь про статистическую вероятность найти товарища живым в Пятне и при этом вежливо

отказывается от еды… или он ел? Тема попытался припомнить хотя бы один момент приема пищи Романа и не вспомнил. Чертова железка.

С другой стороны есть Юрий Скай, который, вроде как, не лишен понятия чести и сострадания. И если ему дали оправиться от раны, то с ним мало кто решится спорить, если тот решит нарушить приказ,отданный не его правительством. Может быть, конечно, красноярский суперсолдат примет и другое решение… Меньше атомских — легче продвигать свою сибирскую повестку, если у него есть какое-то свое тайное задание насчет Пятна.

Лена? Она выглядит человеком, который не оставил бы другого в беде. Тем более — своего спасителя. Человек, который видел, что бывает, когда группа разобщена и не вытаскивает своих. Конечно, ее легко задавить — она молода и неопытна, а вокруг суровые, познавшие жизнь мужики! Во всяком случае, Артем был уверен, что у Максимова будет именно такая картинка в голове, если Лена решит перечить.

А еще есть Марта… которая, скорее всего, просто рада, что сраный убийца ее дружков пропал. И будет всячески мешать поискам.

Кто остался? Илья? К сожалению, Тема не верил, что тот может пойти против группы и выступить за поиски. Слишком тихий. Слишком в себе. И вряд ли хоть в чем-то уверен. Во всяком случае, он, Тема, не был бы уверен вообще ни в чем в этой жизни, если бы потерял память.

В общем, собиратель уверился, что его шансы не очень-то и велики. Может быть, эти выводы больше говорили о нем самом, чем о команде. Возможно, прямо сейчас они строят план поисков. Переживают. Твердо стоят на том, что ни шагу дальше без потерянного друга! Но он, такой весь интроверт, одиночка, любитель гулять по пустошам в одиночку, не верит в людей и приписывает им худшие качества.

Впрочем, был еще один вариант. Вернуться. Пойти обратно в Атом. Да, пешком это займет прилично времени, но в конце концов, не умирать же здесь одному?

Но Артема останавливало две вещи. Первая — очевидная. Баскеры никуда не делись, и они явно стерегут дорогу на Матвеевке.

Со второй вещью сложнее, и она, пожалуй, страшнее баскеров, хотя казалось бы куда уж. И это воспоминания о родителях. Они тоже

вернулись — лишь затем, чтобы медленно и мучительно умереть в полном бессилии. Артем вспомнил темно-бурое пятно перед входной дверью своей квартиры и вздрогнул. Может быть, именно поэтому он до сих пор не завел семьи. Боялся, что однажды вот также вернется и его сын или дочь будет с ужасом наблюдать, как с бати сходят лоскуты кожи…

Темнело. Край плато постепенно сливался с небом и разглядеть что-то становилось все сложнее. А еще Артем сообразил, что задремывает и, в порыве безрассудности, поддался этому чувству. Он в Пятне, прямо сейчас его тело бомбардируется радиацией, от которой обычный человек уже давно бы умер. Он здесь один. Чего еще боятся?

* * *

В один из первых выходов в пустоши Артем напоролся на медведя. Это была старая медведица с облезлой мордой, бугристыми опухолями на шее и вдоль позвоночника и гниющими от какой-то болезни лапами. Она все еще была крайне опасна, хоть и еле ходила и, кажется, была слепа на один глаз. Но от нее ужасно воняло, и рептильная часть мозга юного собирателя учуяла запах задолго до того, как Тема его осознал.

Тогда он посчитал это интуицией — неожиданно, будто не из-за чего стало тревожно. Он двигался по сосняку, совсем недалеко от стен города, но чем глубже в лес заходил, тем больше тревога усиливалась. Благодаря ей он заметил медведицу до того, как она заметила его и ему удалось отогнать ее криками и стуками пистолета о фляжку с водой. Полумертвый зверь предпочел отступить перед крикливым соперником и исчез среди деревьев. И только после этого вонь нагнала его — и он понял, что чувствовал ее уже какое-то время.

Это была вонь хищника. Да, раненого, да старого и немощного, но все еще опасного.

С тех пор Артем привык доверять своей тревоге и сейчас его из сна выдернула именно она.

Он резко проснулся, не вставая, перекатился под склон плато, стараясь не шуметь на ржавых рельсах и выхватил пистолет. Стал оглядываться в поисках опасности. Все еще было темно и мало что видно, наверняка он проспал не больше трех часов. Глаза, уши и нос ничего такого не улавливали, но каждый волосок на теле поднялся, вопя об опасности.

Железнодорожные пути были пусты до ближайшего изгиба. Глаза, натренированные пустошью, не улавливали никакого осмысленного движения. Шуршала жидкая трава, поскрипывала ржавчина, где-то вдалеке что-то металлическое билось друг о друга на ветру. Пахло металлом, холодной глиной, древесной гнилью.

Ничего такого.

Баскеры охотятся ночью? Баскеры пахнут? Издают звуки?

Если за Артемом сейчас охотится одна из этих тварей, то скорее всего он ничего не успеет сделать. У него силовой брони нет. И резвого суперсолдата в качестве поддержки.

И вдруг звук — шипение. Как… от рации. И бормотание. Приближается, становится громче.

Это было странно. Любая переносная рация, никак не экранированная, сдохнет в Пятне очень быстро…

Затем послушались шаги — мягкие, осторожные, но уверенные. Артем задержал дыхание. Увидел фигуру — двигалась по путям, та вывернула из-за склона.

Несомненно гуль — кто же это еще мог быть. Фигура была тонкой, очень ловкой на вид, несмотря на мешковатую форму и разгрузку… и с винтовкой. Точнее — с рельсотроном, точно таким же, как у самого Темы, только приклад и рукоять заводского производства.

Стрелок. Тот, кто навел на них минометы. Фигура приблизилась, и в свете звезд стало можно разглядеть лицо — изуродованное, с темным провалом вместо одного глаза. На голове капюшон, дающий дополнительную тень. Артем вздрогнул — будто на череп смотрел. К тому же это определенно была женщина — движения и формы тела подтверждали это.

К счастью, ее интересовало шоссе внизу, и она пока не заметила человека в небольшой канаве вдоль полотна. Она подошла к обломку креста, присела на колено.

— Я на позиции, — сообщила она в рацию. Голос был низкий, хриплый, даже какой-то треснутый, будто у нее не только с лицом, но и с голосовыми связками проблема.

Голос что-то забормотал в ответ. Удивительно, но Тема так и не мог различить слова, хотя хозяйка рации, кажется, все прекрасно понимала.

Он уперла приклад в плечо и стала смотреть в визор прицела. Неужели что-то видит? У нее тепловизор? Артема кольнула жадность собирателя. Очень захотелось присвоить штучку себе, уж больно редкая вещь. Свой он нашел случайно несколько лет назад и больше ничего подобного не встречал.

Вообще это был шанс. Она его не замечала и сосредоточенно смотрела вдаль вдоль шоссе. Искала следы транспортера, очевидно. Один рывок — и можно попытаться выбить оружие из рук. Или — просто направить пистолет и медленно подняться… но темно, опасно… и в рацию свою заорет. Да, это первое, что нужно сделать — лишить ее связи.

Так или иначе она его точно заметит — достаточно встать и обернуться. И лежа он против нее вряд ли что-то сделает.

Артем расположился не самым удобным образом, чтобы быстро и без шума вскочить. Поэтому она среагировала почти сразу — на звук. Но он все же успел раньше, винтовка за спиной не мешает, а у нее, по сути, весло в руках… Он сшиб ее с ног и сразу упер пистолет в мягкое — в бок, в бедро, непонятно куда, важно обозначить ей присутствие огнестрела.

Но удержать не получилось — противница явно была натренирована в ближнем бою. Секунда, и она его сбросила с себя, боль пронзила вывернутую руку с пистолетом. Артем стал бить левой не глядя, куда попадает и когда понял, что это не помогает — нажал на спуск.

Выстрел в ночной тишине показался оглушающе громким, казалось, его и в Атоме должны были слышать.

Соперница сдавленно вскрикнула, и ослабила хватку — куда-то попало, значит, затем рукой стала шарить на груди. Артем понял, что она ищет рацию, вырвал руку с пистолетом, ударил рукоятью, целясь в лицо и снова попытался остановить схватку: нацелил пистолет в грудь.

— Хватит! — рявкнул он. Он теперь находился сверху, зажав бердами лодыжки стрелка. — Руки от рации убрала!

И это было зря. Она явно не собиралась останавливаться и явно не боялась пистолета. Снова два ловких движения, Артем охнул, и вот уже его ноги в ловушке, но зато небольшой коробок рации — вот он, прямо перед носом, почти выпадает из подсумка — тесемки держателя распущены, чтобы удобно было доставать. Тема хватает рацию,

дергает — и резко отбрасывает в сторону, она приземляется где-то на путях с глухим стуком.

И это почему-то производит очень сильное впечатление на женщину, она рефлекторно тянется руками в сторону рации, вскакивает, освобождая ноги Артема и этот глупый ход дает ему шанс просто напросто, стоя на коленях, пихнуть ее плечом в живот — и вот она уже катится кубарем со склона вниз, к шоссе.

Тема сразу подобрал рельсотрон, удержался, чтобы не начать его рассматривать — закинул за спину к своему. Подошел к краю.

Женщина встала, отряхнулась, посмотрела наверх. Артем прицелился, держа пистолет двумя руками, чтобы в случае чего уж в третий раз выстрелить по-настоящему и не промазать.

Он старался не думать, почему противник после пули и падения по скалистому склону с острыми гранитными выступами, стоит на ногах.

Капюшон слетел и стало видно, что вместо одного глаза у нее повязка, а голова совершенно лысая.

— Все кончено, — громко сказал Артем, стараясь вложить в голос всю уверенность, — я стою выше тебя.

Какое-то время она молчала. А потом вдруг начала смеяться — очень звонко и заливисто. Тема поднял бровь. Странная реакция.

— Ты недооцениваешь мою мощь! — вдруг крикнула она в ответ, намеренно сделав голос злым и басовитым… будто пародировала мужчину.

— Что ты несешь?! — крикнул он.

— Да ты не поймешь, человек, — ответила женщина. — Мало годков на свете прожил, чтобы понять…

— Сдавайся.

— Ну сдаюсь, например. Ты все равно уже мертв.

— Почему это?

— Ты частицу Пришедшего осквернил. Такое не прощается.

— Кем?

— Да всем. Теперь каждый предмет, каждая пылинка, каждое дуновение воздуха тебя будет пытаться убить.

Артем усмехнулся. Как будто не это делает отравленная окружающая среда каждый день всю его жизнь.

— Что за частица Пришедшего?

— Семя бога… — она запнулась, — да кому я объясняю… Рация. В рации частица, дурачок. Как по-твоему обычная полевая связь тут работает?

— Не дергайся, — приказал Тема, отошел к полотну, быстро нашел рацию, — ничего, выжила, — выключил и сунул в карман. В нормальной ситуации, положить на рельсу, да шарахнуть сверху камнем, но инстинкт собирателя сильнее. Штука ценная. С частицей их дурацкого бога или нет, неважно.

— У меня побудет твоя святая вещица, — сообщил он, вернувшись к склону, — и если вздумаешь что-то сделать, что мне не понравится — разломаю сразу. А теперь ответь на мои вопросы.

— Может я поднимусь все-таки? Или так и будем орать другу?

— Будем орать, — отрезал Артем. Не могло быть и речи снова сравнять шансы. Пусть он и вооружен, но она явно ловчее и сильнее. И, судя по всему, очень стойкая к ранам… прям как Скай… как суперсолдат.

— Здесь еще кто-то есть из ваших людей? Поблизости?

— Так я прям и сказала.

— Пулю хочешь?

— Ладно, — она легкомысленно пожала плечами. — Нет никого.

— Лжешь.

— Лгу. Пятьдесят бойцов уже движутся в нашу сторону, а мой приятель снайпер уже смотрит на твой красивый висок через прицел.

Она игралась. Не пугали ее ни пуля, ни создавшееся положение. Ничего она не будет говорить.

— Где ваше поселение?

— А может тебе еще карту нарисовать? Ты вперся в наши владения, человек, это уже дерзость. Прийти к Храму — святотатство.

Снова “человек”... а себя она таковой не считает?

— Ладно, начнем просто. Как тебя зовут?

— Для тебя — Елизавета Сергеевна.

— Прям вот по имени-отчеству?

— Ага. Прям. Имей уважение к старым людям.

Она выглядела не старше, чем сам Артем. Да, лицо — полный кошмар, но очевидно, что оно принадлежит женщине немного за тридцать. Снова какая-то игра?

— Артемий, — ответил он. — Павлович. Приятно познакомиться.

— И что ты тут делаешь, Артемий? И почему ты до сих пор не сдох? Ваши и до первой заставы как правило не доходят.

— Я тут задаю вопросы.

Разговор не складывался, и Тема чувствовал себя в тупике. Нужен численный и силовой перевес, чтобы она перестала кривляться и стала говорить. А для этого придется искать своих.

— Делаем так, — сообщил он, помахав пушкой для убедительности, — ты идешь понизу, я иду поверху. И все время держу тебя на прицеле. Понятно?

— Что, прям пешком? А где же ваша колымага?

Артем решил не отвечать.

— А, — понимающе кивнула Елизавета, — понятно. Так тебя тут бросили.

Нет, подумал Тема. Не верю.

Ч3. Глава 5

Всесильной она все же не была. Заметно прихрамывала на правую ногу и иногда прижимала руку к бедру — видимо, туда угодила пуля, но судя по всему лишь по касательной. Это было хорошо. Как минимум, сбежать прямо сейчас она не сможет.

Тема пытался задавать ей самые разные вопросы, но она отшучивалась или даже посылала его подальше.

— Какой у твоих людей план, если ты не выходишь на связь?

— Сбросить ядерку на мое последнее известное место дислокации.

— Понятно. Зачем вы открыли огонь по нам?

— Колымага ваша тупая не понравилась.

— Что ты знаешь про трансляцию Нового храма?

— Все знаю.

— Поделишься?

— Зачем? Проповедь говорит сама за себя. Слушай и все поймешь.

Последнее вроде даже не было шуткой. Она действительно в это верила.

План был добраться до Ини и там предпринять вторую попытку поиска транспортера. Они не могли уехать далеко — разве только вернулись в Атом.

До реки Артем планировал дойти минут за сорок, учитывая их скорость передвижения. А там придется решать, что делать с пленницей.

Большую часть шли молча, Артем старался не думать сколько хапнул радиации и подавлял желание включить дозиметр. Наверняка глина, земля и все, что налипло на одежду и кожу ужасно фонило. Тот факт, что он еще жив, что его не рвет кровью и кожа не отслаивается, говорит о том, что вакцина, которую сварили из гуля, работает.

— Эй, — окрикнул он Елизавету, — а почему вас радиация не берет?

— Потому что мы избранные, очевидно же, — ответила она, без всяких сомнений в голосе. — Все было решено еще до войны… Кто-то

составил Полный список, кто-то хотел собрать нас всех…

— Что у тебя и мама и папа тоже гули, это по наследству передается?

Она засмеялась.

— Мама и папа, надо же… ничего вы там в Академгородке не знаете!

В Академгородке… значит, они тут используют довоенные названия.

— А что мы должны знать?

— Да ничего не должны. В том-то и дело. Кому вы вообще нужны, вы предыдущая ступень эволюции, сырье, основа для более сильного постчеловека.

— Так вот как вы себя называете? Постлюди?

— А как еще? Мы лучше. Сильнее. Умнее. Выносливее. Не болеем вашими тупыми болезнями. Ты сказал “гуль” — за такое в иной ситуации я бы из тебя всю твою примитивную суть выбила.

Артемий рассмеялся.

— Это ты просто не слышала, как вас рейдеры называют.

— Рейдеры… нам тут без разницы, как там людишки себя делят и называют. Для нас вы просто… ну… обезьянки? Знаешь, что до Первого дня делали с обезьянками? Садили в клетки, чтобы они развлекали людей.

Тема как-то даже устал от разговора. С Елизаветой было сложно разговаривать — очень уж идеологически заряженная. Прямо как родители, перед тем как уйти…

Ближе к реке основание для полотна расширялось, рельсы расходились на сколько путей, которые затем резко обрывались — мосты разрушены.

Справа все также внизу лежало шоссе и тоже уходило к провалу в реку. За шоссе — огромное, складского типа здание, серьезно снесенное с угла, который ближе к реке, этой частью оно приняло на себя удар от взрывов на Разъезде за рекой.

Может быть команда скрывается там, под частично уцелевшей крышей?

Слева склон прерывался — по нему наверх уходила разрушенная дорога на плато, заворачивая серпантинной лентой почти на сто восемьдесят градусов. Альтернативный путь в город. Им транспортер

тоже мог воспользоваться, хоть и путь предстоял непростой — вряд ли наверху осталось хоть что-то, кроме гигантских воронок, учитывая стратегические объекты, которые там когда-то были.

Где-то там, за склоном плато поднимался рассвет. Мир посветлел и одновременно посерел — с реки пошел слабый туман.

— Поднимайся сюда, — приказал Артем. Елизавета подчинилась. Подпускать ее на близкую дистанцию не хотелось, но потерять из вида в низине — тем более.

Когда гуль оказалась наверху, она вдруг стала оглядываться и посмотрела на небо.

— Что за звук? — спросила она.

Артем прислушался. Да. Тихое гудение, часто меняющее тональность… где-то он точно это уже слышал. И да! Вот она точка в небе, спускается, приближается — робот-шпион, компаньон Ильи.

— Эй! — Тема помахал рукой в его сторону. — Я здесь!

Дрон среагировал — в тающей темноте сполохи из маневровых были очень хорошо видны, — повернулся к Теме своим “передом” и ускорил снижение.

Значит, искали. Запустили шпиона. Сам Артем совершенно про него забыл. Забугорная довоенная машинка зависла метрах в десяти над ними.

— Это что еще такое? — настороженно спросила женщина.

— А, значит, людишки-обезьянки еще могут тебя удивить?

Она не отреагировала — смотрела только на летающий шар с антеннами, будто теперь он был основной угрозой.

— Где вы? — спросил Артем, надеясь, что штука может транслировать звук команде. — Отведи меня к транспорту!

Робошпион качнулся, развернулся и полетел в сторону плато.

— Что ж, кажется, предстоит подъем наверх… — пробормотал Тема. Внутри себя он ликовал — потому что почти уверился уже, что найтись будет невозможно и придется как-то тут выживать и действовать одному.

* * *

Дрон вел к полуразрушенному внушительному строению с полуобвалившимся куполом — довоенный планетарий, его было видно с насыпи, когда они оглядывали этот берег. Фасад полностью обвалился, но восточная стена еще стояла и под ней стоял

бронетранспортер — умно, под защитой от возможного обстрела со стороны центра Пятна. И вокруг него бродили три знакомые фигуры в силовой броне. Артем и пленница пересекли пустую площадь — угадывались очертания дорожек, лучами расходящиеся вокруг, следы сквера или парка, поднялись по остаткам лестницы с торчащей арматурой и в этот момент их заметили.

Ближайшая фигура среагировала мгновенно — два силуэта, вместо ожидаемого одного, боевая реакция. Наверняка капитан Максимов.

— Спокойно, — громко сообщил Артем. — Веду пленную.

Среагировали и остальные.

— Ура! — металлический, громогласный, искаженный голос Лены из нутра все того же покалеченного баскерами силового костюма. — Живой!

— Спасибо, что искали, — сообщил Артем.

— Позже, — Максимов поворачивался, чтобы четко быть напротив гуля. — Это кто?

— Их стрелок, — сообщил Артем.

— Так это она навела на нас минометы?

— Судя по всему — да.

Перчатка на броне Максимова дернулась, разжались стальные пальцы, готовые ринуться вперед и за секунду переломать половину костей в организме Елизаветы.

— Спокойно! — громче повторил Тема свою фразу. — Теперь она вряд ли представляет опасность. Эй, Елизавета Сергеевна, не представляешь же?

Та завороженно смотрела на силовую броню.

— Понятно, почему ваша колымага такая здоровая, — пробормотала она.

— Теперь, я надеюсь, ты будешь более разговорчивой. У нас перед тобой большое преимущество. Не сбежишь. Так что если хочется жить и, может быть, даже вернуться к своим — придется пообщаться с обезьянками.

— С обезьянками? — спросила Лена.

Артем отмахнулся, мол, потом объясню.

— Как обстановка? — спросил он и в этот момент из десантного отсека появились Юра и Марта. Первый улыбался и шел не хромая —

везучий хрен с вакциной своей, заживает все как на… как на гуле?

Тема посмотрел на бедро Елизаветы. Та все еще хромала и подъем ей дался тяжело, хотя видно было, что пуля прошла по касательной — вспорола ткань штанов и пропахала борозду в мясе, но ничего суперсерьезного. Рана выглядела подсохшей и поджившей, но свойств мегарегенерации у гулей все же не было.

— Как минимум, все живы, — ответил Максимов, — и ты тоже. Значит, дела, учитывая переделку, в которую мы попали, неплохи. Я доложу в Атом, что ты отыскался, потому что вчера пришлось на сеансе связи записать тебя в потери.

— Ну спасибо, — ответил Артем.

— А что? Мы думали тебя минами накрыло.

И Максимов ушел в себя, даже поник как-то в броне, ссутулился — стал вызывать Атом.

— Я рад, что вы тут все не передрались, — сообщил Артем Лене и подошедшим.

— Мы собирались, — ответил Юра, — не все хотели… продолжать миссию.

— Мы не подписывались, что по нам будут шмалять бомбами! — сразу завелась Лена, усиленный репродукторами брони голос звучал зловеще.

— Я точно не подписывалась, — довольно спокойно заметила Марта. По ее виду было понятно, что спор ведется со вчерашнего вечера, и он ее, кажется, забавляет. — А это что за облезлое чудо?

Артем покосился на Елизавету. Она слушала с любопытством, а вопрос будто проигнорировала.

— Кто у вас главный-то? — спросила она. — С кем мне разговаривать?

— Успеешь еще, — ответил ей Артем. Это, конечно, тоже интересный вопрос, вот бы они сами могли дать на него общий ответ..

— А где Панин? — перевел он тему.

— Роман отказывается выходить из машины, — сообщила Лена. — И от еды отказывается, хотя мы хотели спустить ему через люк. Максимов думает, что тот сильно ранен в ногу, не может ходить, но скрывает, потому что боится, что мы его тогда оставим где-нибудь… но вообще-то это он нас вытащил и привез сюда.

— Он и правда сильно ранен в ногу, — сказал Артем.

— Ты видел?

— Он мне сам сказал, — соврал собиратель. Сейчас не самая подходящая обстановка, чтобы еще разбираться с Паниным.

— Тогда надо как минимум его осмотреть.

— Ну… это его выбор.

Тут, к счастью, зашевелился капитан, избавляя Тему от необходимости продолжать разговор..

— Так, — сообщил он, — в центре очень рады, что команда снова в полном составе. Касательно гуля приказ один — допросить. По возможности не вступать в бой. Я сказал, что формально мы уже в него вступили, но там видимо давят ваши, институтские, чтоб их… все еще думают, что мы подойдем к передатчику мирно…

— К передатчику? — оживилась Елизавета. — Так вот зачем вы здесь? Вы собираетесь уничтожить Храм?!

Она вдруг рванулась вперед, прямо на груду стали, которая легким движением силовой перчатки откинула гуля в сторону.

— Какая резкая, — металлически фыркнул голос Максимова.

— Фанатичка, — ответил Артем. — Эй, ты живая там?

Женщина встала, отряхнулась. Сплюнула кровь.

— Сраные людишки в консервных банках, — сообщила она, впрочем, довольно спокойно.

— Мы не собираемся уничтожать Храм, что бы это ни было, — впервые подал голос Илья, — мы хотим прекратить трансляцию.

— Проповедь? — переспросила Елизавета. — Ее нельзя остановить.

— В смысле, невозможно технически, или нельзя, потому что это запрещено вашими догмами?

Максимов вдруг переключился на деловой тон. На рабочий. Допрос, его родная стихия. Учитывая искажение и усиление голоса, звучал он и правда внушительно.

— Так это ты главный? — спросила его Елизавета. — Ну так знай, что и то и другое верно.

— Что, у вашей радиостанции выключателя нет? — спросила Лена.

— Или провода можно выдернуть, — согласился Артем.

— Пришедший не позволит, — ответила она.

— Кто такой этот Пришедший?

Она пожала плечами.

— Первый. Тот, кто нас призвал.

— Что значит Первый? Первый в чем? — спросил Илья.

— Послушай трансляцию и все поймешь.

— Он ваш предводитель.

Она засмеялась.

— Какие же вы наивные дураки все, — произнесла она с очень искренней улыбкой.

— Так, ну-ка пойдем, — Максимов схватил пленницу стальной лапищей за плечо и, судя по всему, сил не рассчитал так как она громко вскрикнула, — хочешь, не хочешь, а поговорить с нами придется.

— Ты посмотри на него, железный костюм достал, думает ему все можно… — она говорила сквозь стиснутые зубы и почти не шла — ноги скорее волочились по земле.

Максимов действовал… жестко. Хотелось его остановить. С другой стороны… она стреляла в Ская, навела на них минометный огонь. В какой-то степени, заслужила. Стала врагом, как бы грустно это не звучало. Мирный контакт не получился.

Особист дотащил женщину-гуля до транспортера, грубо бросил ее в борт, но она умело спружинила и смягчила удар. Максимов присел перед ней на корточки и это выглядело бы уморительно, если бы не ситуация.

Тема поспешил следом, чтобы, если что, остановить более… серьезные действия военного. Да, пустошь, да, она в них стреляла, но это не повод намеренно превращаться в зверье самим.

— Итак, давай начнем сначала. Ты — стреляла в нас, верно?

— Да. Понравилось?

— Ты — навела на нас минометчиков?

На этот раз пленница только кивнула.

— Уже прогресс. Следующий вопрос: зачем?

— Потому что таков протокол.

— Какой еще протокол?

— Наш. Потомков.

— Потомков кого?

Елизавета презрительно усмехнулась.

— Потомки — это мы так себя называем. Не гули, понимаешь? Потомки. За гуля я тебе бы лицо снесла, если бы не прятался в

стальной матрешке.

— И что, ваш протокол гласит палить по всем, кто заезжает в Пятно?

— По всему, что представляет опасность. Огромный транспортник, явно военный и явно из Академа… очевидная опасность.

— Почему вы считаете нас опасностью? — встрял Артем. — Нас, в смысле, Атом?

— Разве это не очевидно? Мы с вами разные. Вы люди, вы с каждым поколением деградируете и ваше вымирание — вопрос времени. Вы произошли от слабаков, которые устроили бойню.

— А вы?

— А мы в этой бойне родились. В ядерном огне. Мы сильнее, мы лучше. Не бывает так, чтобы два человеческих вида жили на земле в мире. История говорит об обратном. Сильнейший всегда вытесняет всех остальных. А кто сильнейший нам все равно предстоит выяснять, так что вы очевидная угроза.

— Какая извращенная логика, — заметил Илья.

— Это единственная рабочая логика, — возразила пленница.

— Это пока неважно, — прервал ее капитан, — продолжим. Твои люди — где они? Если тебе принести карту — ты покажешь, где засели минометчики и что нам можно ожидать еще?

— Можешь прямо сейчас меня убить, но этого я тебе не скажу никогда, банка на ножках.

— Мы все равно это выясним, с тобой или без тебя.

Елизавета пожала плечами, отвернулась от особиста и вдруг с интересом уставилась на Ская.

— Эй, а это же тебя я подстрелила, — вдруг оживилась она. — Ты какого черта на двух ногах стоишь? Должен, по идее, лежать, держаться за ногу и плакать.

— А у меня все быстро заживает, — легко отозвался Скай.

— Не-не-не… тут что-то более интересное. Ты что, ширнулся хендеркой? Откуда она у вас-то, черт возьми?

Хендерка. Вакцина Хендерберга. Значит, гули про нее тоже знают. Любопытно. В целом, ситуация развивалась очень странно. Как будто эта Елизавета Сергеевна знала очень многое. Больше, чем положено

человеку, запертому внутри Пятна, где ничего от старого мира не осталось…

— Что ты об этом знаешь?

— О чем? О вакцине? Последняя надежда родины, — она будто рекламно продекламировала это, — набираются добровольцы! — фыркнула. — Дурацкая поделка, лишь тень того, что мог дать Пришедший.

— Да? По тебе и не скажешь, — заметил Артем, — вон за бедро до сих пор хватаешься.

— Да, ведь именно это важно в ядерной войне! Заживлять раны от пуль, — она засмеялась, но будто грустно. — Пацанов отправляли прямо сквозь поля ядерных ударов, еще грибы облаков не успевали рассеятся, мол, ведь радиация теперь не страшна. Идиоты… вместо того, чтобы сделать ее другом, они решили от нее защищаться. Это и было ошибкой.

— Что ты хочешь этим сказать? Погоди… — Илья задумался на секунду. — Была альтернативная вакцина?

— Вот это да, хоть один из вас соображает! — с сарказмом ответила пленница. — Да, была. Мы — ее результат.

— То есть вы называете себя Потомками, потому что вы потомки тех, кто получил ту, альтернативную вакцину? Которая… что? Не подавляла радиацию, а…

— Подчиняла ее, — кивнула Елизавета, — заставляла работать на пользу организма, а не против нее.

— Как это? — спросил Артем не без удивления. Тревожный ком вдруг зашевелился у него в груди. То, что она скажет дальше явно им не понравится.

— Мутации от радиации контролируются. Не вызывают повреждений ДНК, а модифицируют его в определенной последовательности. Что позволяет жить под любой дозой излучения. Клетки просто постоянно мутируют, но не ломаются.

— Поэтому у вас такая кожа… — пробормотал Илья.

— Да-да, гладкорожий, верно мыслишь, — усмехнулась пленница, — ты же там гладкорожий под этим шлемом, надеюсь?

— Это значит, та штука, что вам вкололи… — голос Лены металлическим приговором распространялся вокруг, — не защищает нас от радиации, а… изменяет под нее?

Артем на всякий случай посмотрел на свои руки. Они были нормальными. Кожа не спешила превращаться в топографическую карту Алтая. Но внутри наверняка что-то происходило. И будет происходить все время, пока они под излучением.

— Теперь понятно, почему вы не можете обходиться без радиации, — спокойным деловым голосом произнес Максимов, как будто они только что не узнали довольно страшную новость. — Видимо, когда постоянная мутация превращается вы… разваливаетесь от отложенной лучевой болезни.

— У всего есть цена, — ответила на это пленница.

— Ну, зато эта штука так хорошо закрепляется в ДНК, что даже передается по наследству, — заметил Скай, — в отличие от вакцины Хендерберга.

Елизавета посмотрела на него странным взглядом. Как будто с нежностью и тоской одновременно.

— Нет, солдатик, — ответила она, — по наследству это не передается. Не может передаться по наследству то, что делает тебя стерильным.

— Подождите, но как тогда… — Артем замолчал. Понимание ворочалось у него в голове, но никак не могло превратиться в смысл, потому что он был страшен и невероятен одновременно.

— Эти мутации… они происходят постоянно, — произнес Илья голосом медика, который выносит приговор диагнозом, — и поэтому вы не можете умереть. В том числе от старости.

Ч3. Глава 6

— Я что — стану облезлой, как она?! — орала Марта и бесцельно бесилась, пиная землю и стуча кулаками по броне транспортера. — Уроды, вы зачем мне это вкололи?!

Это было бы забавно, если бы не суть ситуации. По-хорошему, за ней бы присмотреть, чтобы не наделала глупостей, но Артему было не до того. Ему нужно было осмыслить собственное положение. Допустим, вакцина действует слабее, чем у самих гулей. В этом случае, эффект будет не полным, верно? И он все же сможет выйти из Пятна и не умереть там мгновенно от острой лучевой болезни. Или наоборот это случится еще быстрее?

Путешествие в один конец все больше становилось реальностью.

— Ты как? — вопрос от Лены был сочувствующим и учтивым, но дурацкий репродуктор делал его зловещим.

— Осознаю, — ответил Артем. — Что тут скажешь-то? Мы и так не очень рассчитывали вернуться.

— Те люди, что создали вакцину смогут создать и… что-то отменяющее эффект, — наивные слова, в которые и сама Лена, скорее всего, не верит. Но Тема был благодарен и за них.

— Надо бы сказать Роману… он ведь тоже, — добавила она.

— Ах да… Роман. Наш прекрасный, умный, загадочный Роман, который тоже получил дозу и который, вот сюрприз, отказывается вылезать на свет божий…

Даже через стальную маску почувствовалось недоумение девушки.

— Наверняка он все слышал, — добавил Тема поспешно.

— У нас есть запасные инъекции, — продолжила Лена. — И если предстоит снять этот костюм…

Она договорила, замолчав.

— Не знаешь, что выбрать? — откликнулся Артем. — Быстрая, но очень болезненная смерть сейчас или непредсказуемая и возможно гораздо более страшная — потом?

— Я бы предпочла вакцину, — почти без паузы ответила Лена, как будто что-то решила про себя, — я бы не хотела остаться с этим один

на один. И поэтому я не брошу тебя и Романа ждать неизвестности. Уж лучше всем в одной лодке.

Тема посмотрел на Лену с благодарностью.

— Надеюсь, тебе не придется этого делать, — сказал он. — Тебе повезет.

— Да, я вообще везучая, — ответила девушка, потрогав глубокие рваные прорезы металла на нагрудной броне.

Тема кивнул, соглашаясь, и осмотрелся.

Максимов ушел за угол планетария снова срочно связываться с Атомом. Скай наблюдал за пленницей, которая в свою очередь с усмешкой и каким-то извращенным удовольствием наблюдала за истерикой Марты.

По-хорошему, следовало двигаться. Как минимум, менять позицию. Но было очевидно, что они зависли здесь, под стеной разрушенного планетария, надолго.

— Совсем худо одной из ваших, — заметила Елизавета.

— Она не из наших, — машинально отозвался Артем, даже не задумавшись, слышит ли его пленница.

— С моей точки зрения вполне ваша. Рейдеры, Академовские или еще кто вы там — нам без разницы. Все вы деградировавшие люди.

— Академовские… — Скай наклонил голову, — я все пытаюсь понять, не является ли это все просто искусным враньем. Но ты так естественно произносишь старые названия… сколько тебе? Лет триста?

— Негоже у дамы возраст спрашивать, — огрызнулась гуль, — но ты прав. Я приняла вакцину в двадцать восемь. Ракеты легли, когда мне было тридцать два. Шесть недель в тоннелях, в агонии… и с тех пор я такая.

— Болезненная трансформация?

— Посиди под прямым ионизирующим облучением, посмотрю на тебя!

— Значит, Полный список — это все люди, которые подверглись этой вакцине?

— Нет, это все люди, которые были отобраны для нее. Вряд ли все из них успели пройти процедуру. Это годами длилось.

— Отобраны?

— Да, в отличие от Хейденберга, который вкалывал свою бурду простым солдафонам, Пришедший и его коллеги специально отбирали людей по всей Сибири. Не тех, кто должен был воевать, он понимал, что в условиях ядерной войны нет победителей… а тех кто выживет и построит новый мир в новых условиях.

— В условиях отравленной планеты…

— И это мы. Не вы. Мы. Вы просто случайно выжили, — она будто пыталась убедить себя.

— Хорошо, допустим, — Скай спокойно кивнул, — вы новый вид и все такое. Но как вы собираетесь себя распространить по планете раз вы стерильны?

— Мы работаем над этим, — веско отозвалась Елизавета, — или ты думаешь, мы тут без дела сидим столько лет?

— Поэтому нужна трансляция, да? Вы надеетесь найти все еще фертильных гулей.

— Я говорила, что за гуля лицо снесу?

— Попробуй, — просто сказал Скай. — Вот только ваш Пришедший, кажется, дал лиха. Потому что ваша трансляция завлекает кого угодно кроме тебе подобных.

— Пришедший знает, что делает. Не смей сомневаться в нем!

— Ладно. Китайский ваш Пришедший тоже в довоенные времена выучил? — спросил Максимов.

— Пришедший знает и умеет все.

— Тогда он знает, что трансляция с некоторых пор ведется на китайском языке, — заметил Скай, — это что-то новое. Зачем ему это? Рано или поздно Орда доберется сюда.

— Не знаю никакой Орды, — огрызнулась Елизавета.

— Кого тогда твой друг ездил встречать на юг?

Елизавета вдруг замолкла и будто изменилась в лице.

— Погодите. Вы встречали Нетопыря?

— Может и встречали. Кто такой Нетопырь?

— Кирилл. Двенадцатый… срань, да откуда вам его позывные знать… чувак, такой же как и я. Ему удалось некоторых из ваших подсадить на трансляцию и заставить его слушаться. Мы называем это Милостью Пришедшего, когда он принимает некоторых из вас. Он выехал с ними за пределы Пятна, потому что якобы удалось узнать, что с юга движется группа Потомков.

Максимов рассмеялся, искаженный смех скрежетал металлом.

— Это не группа “Потомков”, — тихо сообщил Скай, — это разъяренная обезумевшая Орда.

— Да что за Орда?

— Мы сами толком не знаем, — продолжал республиканец, — но они движутся на северо-запад и уничтожают всех на своем пути. Может быть тоже какой-то новый вид, как вы считаете, только абсолютно поехавший от сумасшедших доз радиации.

— Или тоже какие-нибудь китайские Потомки, которых накачали… чем-то заточенным на агрессию, — заметил Илья.

— Озверином, — сказала Елизавета.

— Что?

— Неважно.

— Поэтому мы здесь, — пояснил Артем, — они движутся на трансляцию, их, видимо, тоже вашей Милостью шарахнуло. И рано или поздно они доберутся сюда и уничтожат и вас тоже.

— Если на них действует Милость, значит, Пришедший так хочет. Это его план. Значит, Потомки в безопасности.

— Если это делает ваш Пришедший, то мы можем считать, что он намеренно гонит на нас армию, — заметил Максимов. — Что делает его полководцем врага. Только это дает мне право сейчас связаться с командованием и потребовать залп из всей имеющейся у нас артиллерии по вашему Храму.

— Вы все умрете, если сделаете это. Мы ответим так, что от вашего Атома и пыли не останется.

— Сомневаюсь, — заметил Максимов.

— Если вы встречали Нетопыря, то знаете, что у него за оружие было. Думаете, у нас нет ядерной бомбы побольше?

— Блеф, — бросил особист. — Да и не помогла ядерка твоему Нетопырю, вон она у нас в транспорте, с нами едет.

— А где сам Кирилл?

Тема посмотрел на Марту. Она затихла и перестала бесится и просто слушала разговор.

— Он не выжил, — коротко сказал Артем. Марта улыбнулась и изобразила удар ножом в черепушку. Пленница этого не заметила.

— Говорили ему, что связываться с людьми плохая идея, — Елизавета не выглядела расстроенной или скорбящей. Только

принявшей факт.

— Это ваша Милость Пришедшего, — вступил Илья, — как она работает?

— Некоторые люди начинают безоговорочно слушаться трансляции, — охотно ответила Елизавета, — если специальных приказов не отдавать, то они будут просто брести к Храму. Ну, для вас, людишек с известным результатом. Но если любой из Потомков, принявший частицу Пришедшего, отдаст словесный приказ — то попавший под Милость безоговорочно повинуется.

— Что такого особенного в тех, на кого работает Милость?

— Не знаю. Возможно, они нужны Пришедшему в его неисповедимых планах. Возможно, они потомки тех, кто был в Полном списке. Ведь многие из нас оставили потомство до того, как наступил Первый день.

— Что такое частица Пришедшего? — спросил Скай.

— А что непонятного в этих словах? — огрызнулась Елизавета.

Тема достал ее рацию и показал Скаю.

— Она отказывается об этом говорить, — сказал он, — но вот про эту штуку она тоже сказала, что в ней эта частица. И очень сильно хочет получить ее назад.

— Это что — обычная рация? — Максимов поднялся с корточек.

— И она работает, да, — кивнул Тема. — Будет, что поизучать, когда вернемся.

Это он сказал уже специально, чтобы показать Максимову, что это — трофей собирателя, и Артем, если случится чудо, и они вернуться назад из этой миссии, сразу передаст его в Институт Реконструкции.

Можно ли теперь вообще вернуться? Что будет с ним, когда он выйдет из Пятна и больше не будет подвержен радиации? Мутации остановятся и… рак? Резкая и острая лучевая болезнь, которой организм теперь не сможет сопротивляться? Они вкололи себе отложенную смерть. Точнее, они вкололи себе смертельную неизвестность.

— Нам нужен кто-то еще из ее племени, — сообщил Максимов. — Нужно продумать наш следующий шаг.

— Очевидно, что если мы попробуем снова поехать на БТР, нас тут же заметят и снова откроют огонь, — заметил Скай.

— И что ты предлагаешь?

— Спешиваться, — сказал он так, как будто они на прогулки. Впрочем, для него-то явно все выглядит легче, чем есть. — Силовая броня, конечно, тоже заметна, но это как минимум не то, что они ждут. И сможем быстро рассредоточиться и залечь.

— Бросить транспорт? — Максимову идея очевидно не понравилась. — Еще хуже идеи будут?

— Вообще… пешком и правда эффективнее, — признал Артем правоту республиканца. — Мы сможем быть незаметнее, выходить на разведку…

— И тащить с собой пленницу, — Максимов покачал головой. — И всю экипировку и провиант на себе. А в это время еда будет напитываться рентгенами.

А еще андроида с поврежденной ногой. С этим нужно будет разобраться перед отправлением дальше.

Панин будто потянулся на мысли Артема и неожиданно появился в люке.

— Может быть, нам и не придется бросать БТР, — заметил он.

— О, смотрите, кто, наконец, вылез. Выспался? — неожиданно пренебрежительно разразился Максимов.

— Эй, человек ранен, имейте совесть! — прикрикнула на него Лена. Тема невольно улыбнулся — видеть, как пререкаются две бронированные жестянки было забавно.

Но Роман проигнорировал Максимова.

— Если я что и понял, — деловито сообщил он, усевшись на крыше. Ноги остались спущены в люк. — То это то, что она очень боится потерять частницу своего этого Пришедшего. А если это так… то можно просто пригрозить ей уничтожить рацию.

— Вы все покойники, если сделаете это, — тут же вскинулась Елизавета.

— Проверим? — невинно спросил Роман. — Артем, дайте мне рацию.

Тема медлил. Он смотрел на Романа — тот возвышался над всеми, даже над людьми в броне и выглядел так уверенно, что почему-то даже неприятно было на него смотреть.

Он чувствовал голос жестокости из уст Панина, но не мог понять в чем конкретно она заключается. Он не невинный мальчик, он сам и запугивал, и угрожал. Но… Артем никогда не был религиозен, как и

почти все люди в Атоме, но прекрасно понимал, что это такое — иметь сакральные символы. Да, она фанатичка и верит в странное… но Роман с его предложением выглядел зловеще.

Может быть, так казалось только из-за того, что Тема знал, что перед ним не человек.

— Хорошая мысль, — отозвался Максимов. — Фонарев, чего ждешь?..

Помедлив, Тема подчинился. В конце концов, если это единственный способ заставить Елизавету говорить… Он подошел к борту транспортера и протянул рацию Роману. Ему пришлось встать на цыпочки для этого.

Панин взял рацию и отвел руку с ней в сторону, как будто демонстрируя всем трофей.

— Итак, — спросил он, — как нам миновать ваших минометчиков, гуль?

— Я не поведусь на этот блеф, — ответила Елизавета. — Уничтожишь, и я просто постараюсь убить как можно больше вас, прежде чем умру сама. И все.

Роман молчал.

— Вам все равно не попасть к Храму. Там круговая оборона.

Роман безмолвствовал.

— Ты, видимо, очень хочешь умереть… дедуля.

Раздался тихий треск, а за ним тишина. Корпус рации немного деформировался, швы разошлись, пластик лопнул в паре мест.

Елизавета издала странный звук — что-то между криком отчаяния и боевым кличем человека, которому нечего терять. Она бросилась вперед, но тут же наткнулась на гору стали в виде Максимова, который легко перехватил ее рукой, обхватив поперек талии и приподнял в воздух.

Но среагировала не только она. Вся группа молчала, глядя как худые пальцы с сеткой морщин и возрастными пятнами сдавливают вообще-то довольно прочный предмет.

Артем заметил еще кое-что. Легкое, сложноуловимое изменение позы Ская. Если до этого целью его невероятной реакции была пленница, то сейчас он переключился на Панина.

Что-то понял. Возможно, что-то вообще свое и ни к чему хорошему это не приведет.

Надо было все рассказать группе раньше, стиснув зубы думал Артем.

— Сука! Ублюдок! — Елизавета брыкалась в стальных объятиях.

— Нам нужен проезд, — спокойно продолжил Роман.

— Моя группа весь район накрывает! Вы нигде не сможете проскочить!

— Даже если вы рассредоточили минометы довольно широко, у них есть ограничение по дальности, — продолжил Панин.

— Обломись! — Елизавета была вне себя от ярости.

— Прекрасно, — ответил андроид.

И одним движением раздавил рацию. Осколки пластика полетели во все стороны.

Елизавета отреагировала странно — она вдруг успокоилась. Прям обвисла в железной лапе Максимова, оставив все сопротивление.

— Спокойно, — Панин сделал движения пальцами, будто детский фокусник и показал небольшую плату, зажав ее между указательным и большим пальцем.

Это была обычная маленькая электросхема. Уцелевшее сердце переговорного устройства. И с ней что-то было не так. Какая-то белесая клякса покрывала ее, будто в плату точечно выстрелили крошечным шариком с краской.

— Видишь? Твоя драгоценная частица цела. Но теперь гораздо уязвимее, не так ли? — Панин улыбнулся. — Ты знаешь, гуль, я передумал. Я не буду ее уничтожать разом. Я буду постепенно, осторожно кусочек за кусочком, отскабливать ее от платы. Как тебе такая мысль?

Елизавета продолжала молчать. Голова ее была опущена, она смотрела на Панина исподлобья с холодным спокойствием. Как будто что-то поняла про него.

— Хорошо, — наконец, тихо произнесла она.

Группа зашумела. Даже Артем выдохнул. Он был уверен, что пленница ничего не скажет и просто согласится умереть любым способом.

— Так, — вступил Максимов и развернул Елизавету к себе лицом. — То есть ты нам покажешь проезд, да?

— Да.

— Как мы поймем, что ты не врешь и не подведешь нас под минометы?

— Я… не смогу. Частица не должна пострадать.

Максимов поднял голову, визор шлема уперся в Романа. Потом снова посмотрел на пленницу.

— Что это значит? До этого ты упиралась, а теперь все ради частицы? — Артем был солидарен с особистом. Происходило что-то, чего они не понимают. Какое-то немое соглашение как будто случилось между андроидом и гулем. И это было плохо. — Зачем вы вообще их таскаете с собой, если они такие ценные для вас?

— Тебе не понять, человек.

Максимов какое-то время смотрел на нее, склонив стальной шлем на бок, как бы с любопытством.

— Одно я точно понял — к вечеру мы будем у Храма. А если не будем, то… ты поняла, да?

Он снова поднял голову к Панину и громогласно произнес:

— Прекрасная работа. Не хотите к нам в Военный институт, Панин, а? С такими переговорными навыками у вас будет очень много интересных занятий.

Роман тоже наклонил голову на бок, будто намеренно копировал особиста. Улыбнулся, открыл рот, чтобы ответить.

И за секунду исчез из люка. Артем, уже имевший опыт, быстро перевел взгляд за транспортер — и сразу увидел Панина, он лежал на земле, придавленный к ней коленом Юрия Ская. Револьвер республиканца упирался андроиду в лоб.

Ч3. Глава 7

Максимов выпустил пленницу из тисков, она, не ожидав этого, приземлилась прямо на больную ногу и вскрикнула. Сервоприводы загудели — он рванулся к Юрию, но был слишком медленным.

Артем успел скинуть свой ускоритель с плеча, успел его нацелить и даже успел крикнуть: “Стоять!”

Максимов действительно подчинился. Встал. Стальной затылок был в перекрестии прицела. Особист прекрасно понимал, что в него нацелен рельсотрон и что снаряд прошьет стальную броню — для того он, в том числе, и был создан.

Но другая фигура, неожиданная, спутала все карты. Лена. Она кинулась на Ская всей массой, ее голос из металлического нутра проревел:

— Он же ранен! Какого черта!

И к удивлению Артема она действительно смела суперсолдата всей стальной массой. Панин остался лежать, уложенный на лопатки.

Скай не ожидал нападения от Лены? Или позволил ей себя сбить?

— Охренел, Фонарев?! — выпалил Максимов. — Решил нас всех предать?

— Сейчас ты все поймешь, капитан, погоди немного, — ответил Артем. Что-то еще происходило, какое-то копошение справа, у транспортера, но собиратель не мог отвлечься, не мог сбить прицел.

Роман Панин медленно, как будто нарочно не торопясь, сел. Будто устало посмотрел на нависшего над ним Максимова. Перевел взгляд на Артема, на Лену, которая вставала из пыли.

— Давайте все немного успокоимся, — предложил андроид. — А то вдруг наша пленница решит, что мы плохая команда и нас легко разобщить.

— Я все еще целюсь тебе в голову, — вдруг сообщил Скай. Он лежал на земле, очень запыленный, но его рука с револьвером и правда была вытянута и прямая линия от дула вела прямо в висок Панина.

— Как вы мне все надоели! — с чувством произнесла Лена. Она занесла тяжелую стальную подошву над Скаем, но потом, сообразив,

видимо, что это не сработает, медленно опустила ее обратно на землю. — Кто-нибудь объяснит мне, что происходит?

— Нога! — крикнул Артем, чтобы все слышали. — Эй, Максимов. Посмотри на его ногу. Явно нечеловеческая, с пучками проводов и металлическими сочленениями конечность теперь была видна всему белому свету.

Лена оглянулась, Максимов опустил голову.

— Что это такое? — спросил особист. В его голосе, даже искаженном, прорезалась усталость.

— Он сраный андроид. Шпион из Нового Союза, — Артем с облегчением опустил ускоритель. Не то, чтобы он прям собирался стрелять, но все же не хотелось принимать никаких решений, если бы вдруг Максимов, как и Лена, пошел в атаку.

Тема посмотрел направо, чтобы убедиться, что все в порядке и увидел, как Илья аккуратно, даже будто нежно, держал пленницу двумя пальцами силовой перчатки.

— Андроид? — спросила Марта. Она успела забраться на транспортер — то ли хотела забраться на водительское место по-тихому, то ли просто нашла лучшее место для наслаждения зрелищем, как атомские мутузят друг друга.

— Робот, если угодно, — ответил ей Роман спокойным голосом. — У нас еще говорят “синт”.

— Типа неживой? Охренеть! — дьяволица явно была в восторге.

Максимов огляделся. Его взгляд остановился на Артеме.

— Как давно ты понял?

— Какая разница? — ответил собиратель. — Важно, чтобы мы сейчас не делали глупостей.

— И не пытайся, мусорщик. Отвечай на вопрос. Когда ты понял?!

Кажется, Максимов действительно разозлился. Можно было ничего ему не отвечать. Можно было продолжать нести пургу или кривляться и издеваться над особистом — и ничего бы он не сделал.

Но не понимал обстановку не только он один. Большая часть команды, скорее всего, сейчас прикидывает как действовать и нет ничего важнее, чтобы, во-первых, оставить их на своей стороне — на стороне рациональности и здравого расчета, а во-вторых, отряд в принципе должен сохраниться. Иначе они проиграли.

И Артемий знал единственный стопроцентный способ, как расположить к себе людей — говорить правду.

— После нападения баскеров, — ответил он. — Еще за Иней. Увидел его ногу.

— И какого же хрена ты ничего не сказал?

— Момента не было, — устало ответил Артем. — Мы и так справляемся… не то, чтобы на отлично, а этот факт просто бы усугубил ситуацию. Я бы сказал до того, как мы въехали в центр, но началась вся эта кутерьма с оврагом и минометным обстрелом…

— Усугубил, говоришь? — спросил Максимов и было слышно как он там тяжело дышит, внутри своей брони. — Ну, любуйся, получается. Пожинай свои плоды. Абсолютно неусугубленная ситуация у нас тут.

Он был прав, конечно. На это нечего было возразить.

— Еще неизвестно, какие вы там разговоры в кабине вели, — не очень внятно произнес особист, будто бормотал себе под нос. Он вдруг резко повернулся, даже сервоприводы взвизгнули, к Скаю. — А ты? Как ты понял?

— А я и не понял, получается, — Юрий поднялся, стал отряхивать пыль, — подумал, такой же как я, вакцинированный. Но зачем-то скрывается. Даже от своих.

— Все еще ничего непонятно! — закричала вдруг Лена. — Роботы, андроиды, суперсолдаты, гули какие-то… что вообще с вами не так! Среди нас вообще есть нормальные люди?!

— Полегче, — с легким удивлением отозвался Юрий. — А то даже немного обидно.

— Лена на самом деле правильный вопрос задала, — Максимов будто отдышался, успокоился и перешел на привычный деловитый тон, как будто и не выходил из своей допросной. — Что мы тут имеем? Суперсолдат из Сибирской республики, с невероятными рефлексами, ловкостью и физической силой. Андроид из Нового Союза, который, судя по всему, обладает подобными особенностями, а еще наверняка ему абсолютно по барабану на радиацию. Гуль из недр Пятна, которая, кажется, вообще бессмертна… У кого еще какие секреты есть, а? Эй, вот ты, как тебя, дьяволица! Ну-ка, у тебя что? Летать умеешь? Мысли читаешь на расстоянии?

— Чего? — будто искренне возмутилась Марта. — Я тебе что — урод какой-то? Фрик? Да я больше человек, чем ты!

— Я к тому, — продолжал Максимов, — что нам, людям Атома, прямо здесь и сейчас стоит задуматься, что будет происходить дальше. Потому что мы с вами обычные люди. У нас нет суперсолдат, у нашего города нет роботов, и мы не живем вечно, а от радиации очень быстро откидываемся! У нас буквально нет ни одного козыря, у Атома нет ни одного козыря, если хоть один из этих… решит, что Атом им нужнее чем нам. Людям. Все еще людям.

— Вот теперь ты разговариваешь на моем языке, — вдруг вступила Елизавета, — хоть и заходишь не с той стороны. Это мы люди, а не вы. Вы — выродки, вскормленные пустошью, слабаки…

— Заткнись! — рявкнул на нее особист. — Мне очень не нравится, что все, что мы можем противопоставить им всем — это дурацкие довоенные стальные костюмы!

— При всем уважении, — вдруг вступил Илья, — я не думаю, что человечность здесь определяется набором физических качеств.

— Только давайте сейчас без этой вашей институтской морали!

— Ладно. Я лишь хочу сказать, что это не нам и не здесь решать, что делать с проблемами Атома и проблемы ли это вообще. Сейчас нужно… договориться.

— Чтобы договариваться, мы должны хоть что-то знать о Романе… об этой штуке, — вступил Артем. — А мы не знаем примерно ничего. И в первую очередь — его целей.

— Мои цели, дорогой собиратель, вам известны, — Роман до этого внимательно всех слушающий, выпрямился. — Я их уже озвучивал, потому что они совпадают с вашими. Орду надо остановить.

— Ой, да ладно. А еще что расскажешь? — Максимов, конечно, не поверил.

— Глобальная цель Нового Союза — вернуть стране ее прежние территории. Сибирь — одна из таких территорий. Ключевая даже, я бы сказал. Отдать ее Орде — значит отказаться от нашей миссии.

— Вы говорите — вернуть стране прежние территории, — Скай продолжал общаться на “вы” даже после того, как понял, что перед ним жестянка, — а я слышу заграбастать все в состав Нового Союза. С чего это вы решили, что именно вы преемники довоенных властей?

Артем почувствовал полное согласие со словами Ская. Вот уж действительно, потрясающий выбор — безумная Орда с юга или нашествие роботов с запада?.. И уж на то пошло — суперсолдаты с востока… Тема почувствовал, что он рассуждает прямо как Максимов и поморщился. Они мыслили разными категориями, но все же… оба любили Атом, свой дом. Очень по-разному, да. Но сейчас это было несущественно.

— Если мы остановим Орду, то сможем спокойно это обсуждать и спорить, на любых уровнях, в любых составах, — продолжал Роман. — А если не остановим, то… обсуждать будет нечего. И не с кем.

Тут сложно было поспорить.

— Зачем ты отправился с нами сюда? — спросил Максимов. — В Пятно? Мог бы ведь дождаться в Атоме, пока все произойдет. И распространять там свою союзную пропаганду или чем ты на самом деле занимаешься…

— Потому что миссия должна быть выполнена. Со мной шансов больше, чем без меня.

— Что ты умеешь?

— Все то же, что и обычный человек. Просто лучше.

— Ну да, — кисло заметил Артем, — как обычно. И зачем вас только изобрели…

— Я все еще не понимаю, — вступил Илья. — Кто такой Роман Панин? Ты убил человека и занял его место?

— Я и есть Роман Панин, — возразил андроид. — Внедрить меня в систему, зашить биографию внутрь бюрократической машины Атома, было не слишком сложно. Я появился в Атоме почти десять лет назад, но все вокруг были уверены, что я там родился, вырос и даже сделал карьеру.

— И мы не распознали синта, — пробормотал Илья, — огромная куча ученых, некоторые из которых стали твоими друзьями, все эти десять лет не могли понять, что перед ними робот?

— Довоенный искусственный интеллект, — вкинул Артем.

— И что? — Илье этот ответ не удовлетворил. — На тех мощностях, что можно засунуть в объем человеческого тела, ИИ не будет столь умен.

— Вы можете об этом подискутировать, — спокойно и даже с улыбкой предложил Роман. — Это все равно ничего не поменяет. Я

существую. И да, общаюсь на уровне человека с высоким уровнем образования. Умею менять дискурсы. Имитировать разные эмоции на грани их реального испытывания.

Илья молчал. Что там у него под металлической маской происходило с лицом, видно не было. Но Артему казалось, что он не удовлетворился таким ответом.

— Наш единственный вариант — договориться, — продолжил Панин, — тут я с вами, Илья, солидарен. И продолжить путь. Так или иначе, несмотря на все разногласия, прямо сейчас цели у нас всех совпадают — найти источник трансляции.

— Ну почему единственный, — заметил Максимов, — еще мы можем тебя убить. Точнее, в твоем случае не убить, а… утилизировать?

— Можете, — согласился андроид. — Но что вы будете делать с этим?

И он показал плату из рации. Теперь было видно, что на ней не просто пятно — это какой-то белесый органический нарост, нити которого обхватывали всю схему.

— А что ты об этом знаешь?

— Не очень много, — признался Панин, — но точно больше вас. Вы до сегодняшего момента понятия не имели о синтетиках со сложным ИИ в начинке, а о синтезе электроники и органики уж тем более. И раз вы активно выказываете мне свое недоверие, мне придется мои знания придержать. Для собственной безопасности.

— Чтобы уничтожить источник, этих знаний может и не понадобиться, — заметил Максимов.

— И все с этим согласны? Обязательно нужно все уничтожить и взорвать, чтобы решить проблему?

Да, дурацкий робот был прав. Они не были с этим согласны. Каждый из них, кроме одного Максимова и, может быть, Марты, хотел разобраться, что именно происходит, откуда идет трансляция, в чем ее причина и нельзя ли ее остановить простым поворотом рубильника.

* * *

Прежде чем двинуться в путь какое-то время спорили о рассадке. Максимов не намеревался оставлять Панина в водительском отсеке, но и кого-то другого туда пересаживать не хотел. Человек в силовой броне

просто не пролезет в люк, а те кто без силовой брони особиста смущали. Никому из них нельзя было доверять.

Артем, понятно, оставался за штурвалом. Но и пленница, и андроид, и рейдерка, и суперсолдат — все они, с точки зрения Максимова могли напасть на водителя, изменить маршрут или натворить что-то еще.

В итоге Теме пришлось оборвать все споры и сказать, что он сам решит, раз он водитель и это ему непосредственно грозит опасность. И выбрал Ская. Да, скорее всего, из всех кандидатов именно у Ская больше всего шансов легко и без шума расправиться с ним, но собиратель ему все же доверял. Да, республиканец, да, он может скрывать некоторые дополнительные намерения относительно этой экспедиции, но он еще ни раз не предавал. И не скрывал ничего критичного. Во всяком случае, пока о таком ничего неизвестно.

Елизавета объяснила маршрут, который предполагал несколько бродов небольших речек, которые, в отсутствие цивилизации, совершенно все вокруг заболотили и разрушили и проезд через старые парки, пустыри и бывшие дачные товарищества. В общем, минометы следили либо за бывшей плотной застройкой, либо за основными дорогами. Да, увидев гусеничный транспорт, они могли изменить тактику, но быстро поменять дислокацию и уж тем более навестись они бы не успели.

Во всяком случае в теории и если пленница не наврала.

Таким образом они должны были выехать к руинам Плющихинского жилмассива или, как назвала это место Елизавета, к кладбищу панелек. Там можно было найти дорогу или то, что от нее осталось и по большой дуге все же выехать к центру города.

И… она действительно не наврала.

Артем объехал воронку, оставшуюся от института национальной гвардии, затем через поля просочился между ТЭЦ-5 и обширными руинами, которые до войны называли просто Педом, по располагающемуся там кампусу Педагогического Университета, но в официальных документах, которые удавалось найти, они обозначались как жилмассив энергостроителей.

После начались болота и пришлось поискать дорогу, которая вскоре нашлась — Артем двинул транспортер вдоль провисшей и проржавевшей линии теплотрассы — восемь толстых труб, кое-где

еще удерживаемые подпорками, по большей части утопали в мягкой, слякотной почве.

На борьбу с вязкой землей ушло приличное количество времени, БТР врезался в поверхность разлившейся речки, сходу ее форсировал, поднимая гусеницами тонну грязи, выбрался на другой берег и двинулся дальше наверх. Через некоторое время под гусеницами послышался трухлявый скрежет, Артем не сразу понял, что происходит, а потом увидел, что земля устлана ржавым железом. Они ехали по ржавом полю. Когда-то здесь, видимо, плотно стояли металлические гаражи.

— Как ты согласился на вакцину? — прервал молчание Артем.

Скай оторвался от триплекса.

— Это не очень интересная история.

— Обожаю не очень интересные истории.

Республиканец вздохнул и задумался.

— Раз уж мы едем прямиком в ад… то почему бы и нет. Я уже очень давно с этим живу. С четырнадцати лет.

— То есть… ты не соглашался? Ребенок не может дать на такое согласия.

— По закону — нет. Но все это предприятие и не было законным. Как это часто бывает, уцелевший запас вакцины обнаружил не самый честный разведчик и продал ее не самым приятным людям. Они находили красноярских беспризорников и испытывали вакцину на них, чтобы удостовериться, что она безопасна.

— Ты вырос на улицах?

Скай невесело усмехнулся.

— Да. Фамилию сам себе придумал. Кто мои родители — понятия не имею. Скорее всего, я бы умер от передоза какой-нибудь дрянью еще лет десять назад. То есть мои похитители меня как бы спасли.

— Звучит ужасно.

— А так и было. Они хотели проверить, какие силы дает вакцина, поэтому держали нас на холоде, морили голодом, прижигали кожу на спине, чтобы оценить регенерацию.

Артем вспомнил шрамы, которые видел на теле Юрия тогда, при их первой встрече на дальней заставе. Так они были не боевыми…

— Как ты выбрался?

Скай улыбнулся и это вышло неожиданно кровожадно.

— Некоторые из нас осознали, что мы сильнее. В том числе и я. И решили дать отпор, пока наши мучители еще не приняли вакцину… Я не горжусь тем, что в итоге вышло. Нет ничего хорошего в том, чтобы в пятнадцать узнать каково это — убить другого человека. Но если бы ситуация повторилась, то я бы ничего не менял. Эти уроды заслужили.

Юрий некоторое время молчал. Тема тоже. Он не знал, как реагировать. Да, он тоже по сути был сиротой, но родители ушли все же довольно поздно, он успел запомнить их, запомнить любовь и тепло.

У Ская, получается, ничего этого не было. А была только боль подопытного. Как вообще можно стать нормальным человеком с таким детством?

— В чем-то ваш особист прав, конечно, — продолжал суперсолдат. — Сибирская республика совсем не рай на земле, и вы имеете полное право переживать за свою независимость. У нас гораздо больше ресурсов и людей, да… но это не значит, что мы живем прекрасно. Подонков и мразей хватает везде. Мы тонули в криминале и преступности. Да и сейчас тонем. Но, к счастью, не так сильно, и я рад, что приложил к этому руку. Я стал полицейским, у нас был специальный отряд суперсолдат. Мы очищали улицы, ловили глав ОПГ, пресекали убийства, грабежи и изнасилования. В каком-то смысле мы действительно были суперами. Супергероями. А потом… мое поле деятельности расширилось. Сибирская республика росла и моим делом стало охранять первых лиц, когда они выходят за пределы Красноярска. И… в конце концов это привело меня сюда.

— Ты удивительно хорошо держишься для человека с таким прошлым.

— Как ни странно, сила и возможности учат смирению. Нет смысла быть чудовищем, когда действительно можешь им быть.

Мысль показалась Артему странной.

— Хочешь сказать, что большая сила… успокаивает?

— Позволяет не переживать о таких пустяках, как тяжелое детство, — Скай рассмеялся, но в этом смехе не было никакой радости.

Вскоре впереди показалось кладбище, о котором говорила пленница. И сразу стало понятно, откуда пошло это название.

Вообще, насколько Артему было известно, бомбить ядеркой жилые кварталы принято не было. Потому что никакой военной пользы. Однако некогда огромный монотонный спальник посреди поля был словно снесен одним махом. Наверняка он не был специальной целью, но ракеты, потерявшие от действия зонтика, который спас Атом, управление, падали в том числе и здесь.

От бесконечных домов остались только редкие торчащие вертикально бетонные панели, которые единично смогли устоять. И это выглядело как… надгробия. Надгробия бывшим домам, которые здесь стояли и жителям, которые в одночасье погибли практически одновременно. И такими бетонными надгробиями было утыкано все пространство. Действительно, кладбище. Долина скорби.

Артем отыскал что-то вроде проезда, который вел на запад, проехал по нему, и они оказались на пустом пятачке, на чем-то вроде площади или большого перекрестка, который тут когда-то был.

Они действительно это сделали. Они наконец-то заехали в плотную городскую застройку. Точнее, в то, что от нее осталось. По ним не стреляли из минометов и вообще местность выглядит очень заброшенной. Впрочем, как еще может выглядеть Пятно?

Было неуютно торчать пот так на пустом месте, но Максимов не спешил передавать дальнейшие инструкции от пленницы. По левую сторону, с южной стороны стояло приземистое плоское строение, уцелевшее, скорее всего, именно по причине своей одноэтажности. По сути это был просто большой навес на бетонных опорах. Когда-то, возможно, внешняя часть была кольцом застеклена или застроена легкими стенами, но ничего этого не осталось.

И там что-то шевелилось.

Не успел Артем сообщить об этом в десантный отсек, как Юрий скороговоркой предупредил, глядя в свой визор:

— Много людей, не меньше двух десятков. Выходят из-за руин. Они… они…

Он замолчал. Тема и сам уже заметил множество людей. Точнее — гулей. Все они выглядели точно также как Елизавета. Они были в сером камуфляже, поголовно и очень разнообразно вооружены и двигались очень уверенно.

Особенно один мужчина, который вышел вперед и встал где-то в тридцати метрах прямо перед транспортером. На плече он держал

бикалиберный ручной гранатомет и его намерения были предельно понятны.

Броня, может быть, и выдержит попадание, но проверять очень не хотелось.

К тому, что с гранатометом присоединился еще один мужчина. Он единственный был с пустыми руками, хотя на поясе висела кобура. А еще…

— Дела плохи, — выдохнул Юрий. Быстрый и ловкий, как некогда жившие на этой земле соколы-сапсаны, суперсолдат, напрягся. Напрягся от страха.

Пространство у ног безоружного гуля сдвинулось, потекло и вдруг оформилось… в крупную, нескладную, искаженную собаку… монстра. Баскера.

Они приручили баскеров.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

Часть 4. Глава 1

— Что за гранатомет, модель какая? — орал Максимов так, что хотелось сорвать гарнитуру.

— Что-то типа довоенного РПГ-30, но с модификациями, — спокойно отвечал Артем. — С ходу сказать сложно, но по логике усилен и переделан для многоразового использования.

— В лоб не пробьет.

— Это неважно, если с бортов есть еще такие же, просто мы их не видим. И еще сраные баскеры.

Максимов был убежден, что нужно было давать по газам и постараться уйти, понадеявшись на броню. Но Тема не хотел рисковать. Максимов не был полевым военным и, к тому же, понимал обстановку вслепую, со словесного описания.

— Придется разговаривать, — подал голос Илья.

— Согласен, — подтвердил Роман, — если стоят и ждут, значит, хотят поговорить.

— Или гранат жалко, чтобы нас отсюда выковыривать, хотят что бы мы сами вылезли, — возразил Артем.

Ситуация была адски сложная. Контакт состоялся, но совсем не так, как хотелось бы. На крайне невыгодных для Атома стартовых позициях.

— Отправим Марту, — вдруг сообщил Максимов.

— Чего?

— А что? Ее нам запрягли, как человека, который с этими ребятами уже общался. Вот и пусть выполняет свою задачу.

Некоторое время царила тишина, видимо, особист переключился на внешний интерком и высказывал свою идею. Тема невольно усмехнулся, представляя, как реагирует дьяволица и какими словами кроет капитана.

Вряд ли ей захочется лезть туда, где шастают баскеры.

— Так, — Максимов вновь появился в эфире, — тут республиканец предлагает идею, которая мне не нравится. Выходит Марта — может, ее кто-то узнает, пленница и мы трое в силовой броне.

Остальные остаются внутри, а ты, Артем, в случае чего готовишься давить гранатометчика.

— План и правда ужасный, — подтвердил Тема.

— Особенно тем, что с тобой в БТР останутся чужеземцы.

— Я скорее про ту часть, где “давить гранатометчика”. Но идея выйти в силовой броне потенциально неплоха. Покажем силу.

Максимов думал. Ему, очевидно, не хотелось лезть наружу, под пули, под чудовищных собак-мутантов, в неизвестность. Но перспектива зажариться внутри БТР после прямого попадания кумулятивного снаряда ему тоже не нравилась.

— Держим связь, — наконец, произнес он. — Будь готов.

— Я не буду давить гранатометчика, — сказал Тема. — Я закрою вас бортом, если дело станет совсем худо. Постарайтесь выбраться, пока они палят по нам.

— Да они тут на триста шестьдесят, от кого закрывать будешь?

— Мы можем придумать еще с десяток отчаянных и очень малоэффективных действий, — предложил Артем, — или уже выходите и будем импровизировать.

Какое-то время шла возня. Илья обреченно согласился на план, Лена сопротивлялась — она не видела ни одной причины, по которой ей надо быть снаружи. Но в конце концов ее убедила красочно описанная Артемом картина горящего БТР с ними внутри.

Двери десантного отсека открылись и сзади стало тихо. Из-за того, что начинка силовой брони не позволяла одновременно включить и внешний интерком и радио, слышно переговоров не будет.

Осталось лишь надеяться, что бешеная дьяволица и видящий только военный исход особист не наговорят слишком много глупостей.

— Переговорную группу хуже этой сложно представить, — угадал мысли Скай.

— Держитесь в поле зрения триплекса, — сообщил Артем по радио.

Вскоре три крупные фигуры в силовой броне и до ужаса хрупкие на их фоне женские показались справа.

Высокий гуль, у ног которого лежал баскер, выглядел брутальнее своих сородичей. Его лицо провалом носа и отсутствием кожи не ограничивалось. По багровой поверхности шли белые безобразные кривые шрамы. Следы попыток приручить баскеров? Пытались

откусить ему лицо, а откусывать-то и нечего, невесело подумал про себя Артем.

Он что-то начал говорить, явно вступив в диалог, а потом вдруг подозвал кого-то рукой. И ему принесли… мегафон.

— Я хочу, чтобы меня слышали все! — сказал он в него. Голос неожиданно громко ворвался в уши — будто и не прошел сейчас вовсе сквозь толщину брони. — Я знаю, что внутри осталось еще два или три человека. Так вот знайте, что вам это не поможет, если решите совершать резкие движения.

Ему явно что-то отвечал Максимов, и гуль внимательно слушал, даже кивал. Потом снова поднес мегафон к губам.

— Ваш предводитель говорит, что вы — делегация для переговоров. Очевидно, что стальной костюм — это такой вид дипломатической одежды. Демонстрация мирных намерений. Но это неважно. Дело в том, что вам не повезло. Среди нас есть те, кто с удовольствием бы с вами поболтал и, возможно, даже о чем-то бы договорился. Но вы попались мне. А я четко следую гласу Пришедшего. И если Пришедший утверждает, что выродженцы должны быть утилизированы — значит, так оно и будет.

Снова стали говорить переговорщики. Даже Марта что-то говорила, точнее — кричала, судя по жестам.

— Конечно, я бы вас уже уничтожил. Но мне нужно ровно три вещи — вернуть своего человека и частицу, а также найти среди вас полезные рабочие руки. И это прекрасное переговорное устройство мне в этом поможет. Каждый из вас сейчас немедленно убьет своего ближнего.

Сначала Артем не понял, что несет этот облезлый, но потом увидел, как одна из фигур в силовой броне сбивает другую с ног.

Илья! “Болванчики подчиняются гулям”. Судя по всему не всем, иначе бы Елизавета давно бы уже попробовала этот трюк. Но этот явно обладал теми же способностями, что и тот, которого пленная называла Нетопырем и Двенадцатым.

Две тяжелые фигуры боролись на оплавленной земле. Гуль с любопытством наблюдал за этим.

— Что ж, хотя бы один, — деловито сообщил он, — остальные нам не нужны…

Его явно перебили и в поле зрения Артема появился еще один, хромой на одну ногу. Роман. Он держал руку вверх, показывая ту самую плату из рации, частицу Пришедшего.

— Прекратить! — рявкнул гуль и борьба тут же прекратилась. — Что ж, вот и все три вещи, что мне нужны. Теперь давайте аккуратно их унесем на безопасное расстояние, и мы спокойно закончим с вами. Без лишней суеты.

Роман продолжал что-то говорить, затем опустил руку и убрал за спину.

Гуль слушал. Его лицо, точнее то, что от него осталось, выражало скуку. Свободная рука стала медленно подниматься вверх.

— Он сейчас отдаст приказ стрелять, — предупредил Скай, но Артем уже и сам это понимал. Он приготовился дать полный газ вперед, а затем резкий поворот вправо — чтобы прикрыть своих бортом, как и договаривались.

Но рука так и не поднялась. Вдруг все гули вокруг побросали оружие и схватились за головы. А их главарь резко повернулся в сторону.

Там, слева, появился кто-то еще. Кто-то неожиданно невысокого роста, будто ребенок.

* * *

— Разве так встречают гостей? — очень молодой, мягкий, почти мальчишеский голос звучал прямо в голове. Артем схватился за висок.

Шрамированный быстрым движением выхватил пистолет из кобуры корчащегося рядом гранатометчика и направил его прямо в новую фигуру.

Да, это был подросток. Ребенок-гуль. На обезображенном лице сидели круглые очки с тонкой оправой, делавшие новоприбывшего еще более невинным и кротким на вид, чем он есть. Он спокойно продолжал идти прямо на наставленный на него пистолет.

— Перестань, Седьмой, убери это, — снова голос в голове, и он не просто звучал, он будто слегка резал мозг, как тонкая бритва — почти не больно, но ужасно дискомфортно. Краем сознания Артему неистово хотелось залезть пальцами прямо под череп и почесать зудящие извилины.

— Валим! — вывел его из ступора голос в гарнитуре.

Команда засуетилась, лежащий на спине Илья поднял руку и Максимов с Леной вдвоем, кое-как, подняли стальную тушу на ноги. Побежали, в десантном отсеке загрохотало.

— Эй, Тема, жми уже! Мы все внутри!

Артем поставил ногу на педаль, врубил заднюю передачу… и вдруг мощная вспышка боли прошила его голову от лба до затылка, будто сквозь мозг пустили раскаленную иглу. Или пулю.

— Нет-нет, — мягко произнес подросток. — Все останутся здесь. Нам очень многое нужно обсудить.

Отпустило почти сразу — через пару секунд. Артем вытер слезы, глянул в триплекс. Подросток стоял в упор к шрамированному, на пистолет не смотрел. Он странно водил рукой по воздуху… нет. Он гладил баскера

Он гладил гребаного баскера.

— Ч-черт… — выругался рядом Юрий. — А я думал, меня ничего не сможет остановить. Но это… как… как…

— Как пуля в голову, — подсказал Тема.

— Да. Но без летального исхода.

Артем связался с Максимовым и спросил как там у них сзади обстановка. Стонущий капитан сообщил, что в норме, а потом принялся за перекличку.

— Выходите, — вновь раздался в голове голос. — Обсудим наше положение.

Очевидно было, что сопротивляться бесполезно. Они ничего не могли противопоставить этому странному маленькому гулю в очках. Он по желанию поджаривал их мозги — с помощью устройства или из-за каких-то неведомых способностей — неважно. Может быть, это и есть этот их Пришедший, может быть, это он и вещает ахинею по радио — и заодно использует вот эти свои мозговые приколы, чтобы гнать сюда Орду.

Мы были слишком самонадеянны, подумал Артем. Схватили одного их представителя в плен и подумали, что можем все. И проиграли.

Поэтому он безропотно подчинился — открыл люк и вылез наружу, ускоритель оставил внутри, из оружия только пистолет на поясе. Скай последовал его примеру. Остальная команда тоже потянулась обратно из десантного отсека.

Отряд Седьмого вокруг потихоньку очухивался. Сам шрамированный уже опустил пистолет и стоял с очень хмурым, но принявшим положение видом. Приятно видеть, что и в стане Потомков нет согласия.

— Это Александр, он же Седьмой, он же Иволга, — зачем-то представил подросток шрамированного, которому кое-как дотягивал до плеча. — Вы, наверное, не знаете, что такое иволга. До войны существовала такая птичка. Очень красивая, желтая. В знак примирения и чтобы Седьмой потом сильно не расстраивался, я попрошу отпустить Лизу.

— Она нас атаковала, — тут же ответил Максимов, — стреляла на поражение.

— Да, — просто ответил подросток, — я попрошу вас простить ее за это. Некоторые из нас слишком трепетно относятся к Новосибирску. Вы, кажется, называете его Пятном? Так вот, среди некоторых наших людей, лидером которых является наш дорогой Александр, ходит поверие, что это наши священные земли. И вы, выходцы из внешнего мира, эти земли оскверняете.

— И кощунствуют над частицей Пришедшего! — выпалила пленница.

— Значит, вы теперь знаете и про это, — спокойно продолжал подросток. — Что ж, тем проще мне будет все вам объяснить.

— Пророк, твою мать, — вступил Александр, — если они надругались над частицей, то можешь сжечь мне мозги прямо здесь, но их следует немедленно казнить.

— Они ведь не понимают, — отозвался парень. — Она у вас?

Роман поднял руки в примирительном жесте, а затем медленно полез в карман.

— Если я правильно понимаю, то она цела, — сообщил он. И достал на свет плату.

Гули вокруг загалдели почти одновременно, но Пророк поднял руку, и они тут же замолчали.

— Наверняка повреждена, — сквозь зубы выпалил Александр. — Дикари тупые. Он же все чувствует…

Артему показалось или за круглыми очками Пророк на миллисекунду, но закатил глаза?

— Освободите Лизу, отдайте это ей и продолжим разговор, — предложил подросток.

Роман уже хотел было подчиниться, но Максимов остановил его жестом стальной руки.

— Что если это наш единственный залог того, что вы нас сразу не убьете?

— Я лишен религиозных предрассудков дорого Александра, — заметил Пророк, — если бы мне нужно было вас убить, частица не стала бы преградой.

— Скажите, чего вы хотите, — предложил Максимов. — И тогда, может быть, продолжим обмен. С вашим… Седьмым, все понятно, мы для него мусор, который надо вымести из дома. А у вас что за интерес?

— Контакт, конечно, — Пророк даже улыбнулся. — Вы же здесь за этим?

— Мы здесь за тем, чтобы остановить трансляцию Храма, — ответил Максимов. — И если вас это не устраивает…

— О чем мы тут вообще говорим? — Александр повернулся к Пророку. — Мне достаточно свистнуть, и Ветерок вмиг закончит их короткие жизни. Остановить трансляцию… Что вы еще хотите? Погасить солнце? Уронить луну на Землю?

Пророк опустил голову, вздохнул. Затем посмотрел на шрамированного снизу-вверх.

— Ничего такого делать мы не будем, — сказал он ему таким тоном, будто отец отчитывает подростка за глупости, хотя выглядели они в точности наоборот. — Подумай хотя бы о том, что это люди, обычные люди снаружи, которые вообще-то уже давно должны были собственной кровью захлебнуться, учитывая наш местный уровень фона. Но они вон стоят, здоровые. Те, что в силовой броне, защищены ею. А вот те, что без…

— Они из Нетопыря сыворотку сварили! — вдруг выпалила Елизавета. — И вкололи себе.

— Двенадцатый мертв? — быстро спросил Александр.

— Да! Они его убили!

Глаза шрамированного забегали — его взгляд скользил по группе, как будто он пытался внешне вычислить убийцу своего товарища.

Очевидно было, что если бы не подросток, Седьмой бы уже приказал открыть по ним огонь из всего что есть. А баскерам приказал

бы дожрать то, что осталось.

— Не из какого Нетопыря мы сыворотку не варили, — быстро вступил Артем, — он умер в попытке захвата одной заставы Атома на юго-востоке. Он набрал добровольцев среди Дьяволов и захватил один из наших постов. И затем погиб, когда пост отбили обратно. Вы напали, мы защищались. Понимаете? Это не было намеренное убийство, обычная гибель в пылу сражения.

— То есть не вы конкретно, — Пророк кивнул, как бы удовлетворясь ответом. — В ином случае, было бы, конечно, тяжелее.

— И ты им поверил? — почти рявкнул Александр.

— Почему нет? Кирилл не отличался… манерами, скажем так.

Подросток пошел вперед и остановился прямо перед группой.

— Не могу понять, кто из вас главный. Но это неважно. Я могу говорить со всеми. Итак, надеюсь, мы все уладили? Конфликт случился из-за всеобщего недопонимания. Но теперь можно поговорить цивилизованно. У меня тысячи вопросов, но среди них есть тот, который нужно прояснить сейчас, прежде чем мы двинемся дальше. Зачем вы хотите остановить трансляцию?

— Это единственный способ спасти наш дом, — быстрее всех ответил Юрий. — На наши города и поселения движется Орда. Огромная обезумевшая армия с юга. Нет никакой возможности остановить ее силой. Но мы знаем, что у Орды есть цель. Она идет на ваш сигнал. На трансляцию Нового Храма.

Пророк помолчал. Потом повернулся к Александру.

— Ладно, — он сказал это будничным голосом, а не тем возвышенно-воздушным, которым излагал мысли ранее, — должен признать, я зря называл Кирилла сумасшедшим.

Потом снова обернулся к команде.

— Судя по всему так и есть, — сказал он, — и это новость для нас. Уверяю, у трансляции нет цели призывать какие бы то ни было армии. Это просто маяк. Светоч для своих.

— Просто маяк, — фыркнул Седьмой, — если бы ты был не Пророк, тебя бы поставить к стенке за ересь вместе с этими гладкокожими.

— Давай не будем устраивать религиозные споры перед гостями? — спросил подросток, не поворачиваясь.

— Теперь они гости… — продолжал бурчать шрамированный.

— Вы можете отключить этот… маяк, пока мы не разберемся в ситуации? — спросил Илья.

Пророк внимательно посмотрел на него. Так, словно видел белобрысого ученого сквозь толщу силовой брони.

— Я так понимаю, для вас это вопрос личный, — сказал подросток. — Что ж, это не так просто, как вы думаете. Трансляцию ведет Пришедший.

— Х-хорошо, — пробормотала Лена. — Раз так, то можно его попросить перестать?

Александр засмеялся. Точнее заржал в голос. И остальной его отряд тоже принялся смеяться вслед за ним. И Елизавета.

— Боюсь все немного сложнее, чем вы думаете, — ответил Пророк. Он улыбался, но к веселью своих сородичей не присоединялся.

Когда все отсмеялись, Александр напомнил:

— Частица и пленница.

Максимов медленно, будто нехотя, подтолкнул Елизавету к Роману. Тот протянул ей плату. Она приняла ее двумя руками, придирчиво осмотрела, быстрым движением спрятала куда-то в одежду, а затем подняла глаза на Артема.

— И оружие, — сказала она.

Артем нахмурился. Ему не хотелось возвращать ускоритель. Внутри поднялась жажда собирателя. Это его добыча. Законная. Очень редкая! По правилам пустошей он мог оставить ее себе.

Но они были не в пустошах.

Юра толкнул Артема локтем. Тот вздохнул и полез в транспортер. Вытянул пушку за ремень, спрыгнул обратно и подошел к Елизавете.

— В настоящей снайперской дуэли я бы тебя уделала, — сказала она, протягивая руки.

— Надеюсь, не придется это проверять, — буркнул Тема в ответ, выпуская добычу.

Елизавета закинула ускоритель за плечо и гордо двинулась к Александру. Встала по правую руку от него.

— Отлично, — сообщил Пророк. — А теперь можно и прокатиться.

— Что? — вопрос задал кто-то один, но ощущалось так, что спросили сразу все — и гули, и люди.

— Я поеду с вами, — пояснил подросток, — покажу дорогу до Храма.

Ч4. Глава 2

Сразу за панельным кладбищем начиналось то, что Пророк назвал Стеклянным морем.

— Охренеть, — прошептал Артем, жалея, что никто из команды сейчас этого не видит.

Города не было. Только пустынное холмистое пространство, покрытое темным блестящим крошевом. Местами в этом крошеве показывались проплешины с растресканным гладким… будто бы стеклом.

— Хиросимит, — пояснил Пророк, как будто Тема у него что-то спрашивал. — Происходит от названия города, который впервые в истории человечества подвергся ядерной бомбардировке. Бетон, асфальт, сама земля — все это превращается в такое вот стекловидное вещество.

Пространство было расчерчено линиями — видны были “дороги”, которыми гули проходили или проезжали это поле. Все эти пути так или иначе вели туда, на запад, к центру города, где должно было быть здание Оперного театра. Новый Храм. Их цель.

— Оказывается, если раз за разом в одно и то же место прилетает боеголовка и взрывы раз за разом переплавляют пространство, то не остается ничего кроме стеклянных полей. Большая часть Новосибирска выглядит так.

Холмистость местности тоже не была естественной — это были следы пашни. Страшной ядерной пашни, которая постепенно сглаживала черты города до полного несуществования. Все довоенные карты, которые они рассматривали в Атоме здесь были бесполезны.

— Вообще обычный человек должен почти мгновенно погибнуть, если пройдется тут пешком, — продолжал Пророк. — Но вы уже довольно долго в Пятне и с вами все в порядке. Расскажи про вашу вакцину.

Артем покосился на подростка. Гуль выглядел довольно отталкивающе. Лицо с этими нелепыми круглыми очками выглядело так, будто с него сняли кожу, а затем запекли под ультрафиолетовой лампой. Много-много раз. А потом еще и заразили какой-то ужасной

болезнью, чтобы это истерзанное лицо продолжало перепахивать постоянно возникающими и заживающими с корочкой болячками.

— Наши военные нашли труп одного из ваших на границе Пятна, — пояснил Артем, — на основе полученных данных, вашей крови и… да, более свежему трупу Нетопыря, смогли сделать что-то вроде вакцины.

Пророк кивнул.

— Скорее всего, получился агрессивный, но податливый канцероген, который, как и у нас, контролируется облучением.

— Канцероген?

— Да. Вещество, которое заставляет твои клетки жестко мутировать и неконтролируемо размножаться. Если говорить очень грубо, конечно. С помощью лучевой терапии удается этот процесс сдерживать. Получается что-то вроде доброкачественного рака, если так можно выразиться. Он уничтожает клетки, поврежденные излучением, а само излучение, в свою очередь, не дает ему распространиться настолько, чтобы убить организм… В итоге две смертельные для человека сущности сталкиваются в нем и позволяют жить вечно. Иронично, не правда ли?

— То есть через какое-то время я стану как вы?

— Понятия не имею, — отозвался подросток. — У нас нет специалистов, которые могли бы провести обследование. Точнее, мы, конечно, пытаемся… Но топчемся на месте. Знания и технологии утрачены, ничего не поделать. Ни деторождения, ни возможности жить вне постоянного радиационного фона.

— Если… — Артем остановился и стал формулировать в голове вопрос так, чтобы он не показался бестактным, — если вы не можете иметь детей, то откуда вы, Пророк? Вам на вид лет четырнадцать.

Подросток засмеялся. Очень невесело, как будто кто-то рассказал ужасно надоевшую шутку, которую тот слышал тысячу раз, но слышал не просто так, а от родного дедушки, который уже умер и не сможет рассказать ее в тысячу первый раз, хотя именно этого и хочется больше всего.

— Мне столько лет, что я уже перестал считать, — печально произнес Пророк. — Я просто остался в том теле, в котором получил укол.

Артем не удержался — руки дрогнули, транспортер пошел слегка юзом, неуклюже, со скрежетом, съехал с очередного пологого склона и оставил на блестящем холмике темную плешь.

— До войны тестировали такое на детях?

— Я умирал, — ответил Пророк так, как будто рассказывал, чем сегодня завтракал. — Опухоль, в очень небольшом возрасте, родители в отчаянии. И тут появляются люди, серьезные, государственные, которые предлагают хоть и не спасение, но маленький, небольшой, шанс на выживание. Что тоже по-своему иронично. Весь мир в огне, ежедневно идут разговоры о том, что пора уже нажимать красные кнопки, что это единственный шанс остановить катящуюся уже по инерции бойню… Мир умирал, и я вместе с ним. И мои мама и папа, мои глупые родители решили, что я непременно должен выжить любой ценой.

— Вы жалеете, что выжили?

— Жалел. Очень долго, много лет. Пока… пока не обнаружил Новый Храм. И не стал Вторым.

— Вторым? Что это вообще значит?

— Была такая книга до войны, Библия. И люди верили во все, что в ней написано.

— Да, я знаю, у нас в Атоме сохранилось несколько экземпляров.

— Значит, ты знаешь про двенадцать апостолов. Постепенно находились выжившие. И все они были такие, как я. Некоторые из нас объединились вокруг Храма. Мы выжили благодаря нему. Благодаря Пришедшему. Смогли наладить быт, производство… жизнь. И даже начать исследования самих себя. Так образовалось двенадцать лидеров. Мы были приближены к Пришедшему и даже получили часть его сил. Кому-то досталось больше, как мне, кому-то — меньше, тоже ироничный элемент случайности. Мы могли с ним общаться, слушать его — и транслировать волю остальным Потомкам.

— Кто такой Пришедший?

— С точки зрения Седьмого — бог, — Пророк улыбнулся, — с моей точки зрения — друг. Вы увидите.

— Но это человек?

— А я — человек?

Артем снова отвел взгляд от триплекса и посмотрел на подростка.

— Как вас зовут, Второй? — спросил он вместо ответа. — По-настоящему.

— Захар.

* * *

Осталась одна фотография — дурацкая, из школьного альбома, такой официальный бездушный портрет. С фотографии смотрел благообразный скромный паренек с прилизанными на бок светлыми волосами и круглыми кроткими очками, за которые его чморили несколько лет, пока неожиданно круглые очки не стали модными. Под ними — тонкая бледная шея, торчащая из воротника белой рубашки с немного кривым галстуком-бабочкой.

Захар положил фотографию на запыленный стол, а рядом — наиболее прямоугольный осколок зеркала, который ему удалось найти. В отражении на него смотрел кто-то совсем другой. Монстр. Зомби. Урод. Некогда яркие голубые глаза погасли и посерели. Им уже не нужны были очки, но Захар подумал, что хорошо бы все же найти подходящие. Так было бы привычнее.

Крыши у дома не было. И стен тоже. Поэтому порыв ветра легко сдул фотографию со стола, и она полетела куда-то наружу, через пролом, где другие Потомки раскладывались на отдых.

Захар побежал за снимком по битому кирпичу, фотография крутилась на ветру, будто перышко и все время выскальзывала между пальцев в последний момент.

Надо прыгнуть, подумал Захар, поймать в прыжке. Он улучил момент, согнул колени, сделал рывок, выкинул руку вперед — и да! — фотография в руке. А вот приземление вышло не очень, он грохнулся коленками прямо в острое каменное крошево и зашипел от боли.

— Захар! — крикнули со стороны лагеря. Кричал Тимофей Сергеевич, глава их группы.

Он подошел — упертые руки в бока, на почтительном расстоянии, чтобы не дай бог не вступить на территорию руин и не покалечиться.

— Я что просил сделать, Захар?

Вот я дурак, подумал подросток. Совсем забыл, зачем полез в этот дом. Нужно было проверить комнаты. Может быть, будут все еще с крышей над головой и, если повезет, даже с кроватью.

Захар вскочил, отряхнулся, проверил раны — было терпимо, обычные ссадины. На его новой странной коже даже не особо и

заметные. И затянутся уже к темноте.

Он вернулся в здание и стал обходить комнату за комнатой. Этому городку повезло, на него не уронили ни одной ядерки. Это и не требовалось. Но он постепенно вымер сам — холод и голод послеядерных лет сделал свое дело. Разрушения естественным образом принесла природа.

Комната с крышей действительно нашлась. И это была спальня. С кроватью! Но обнаружилась проблема — на ней лежали чьи-то останки. Кости в лохмотьях одежды, два черепа на сгнивших подушках. Давняя смерть. И очень знакомая картина. Они наблюдали такое во многих заброшенных поселениях по пути. Люди решали, что медленно умирать в условиях уничтоженной цивилизации — это не для них. Они уйдут тихо, по своей воле, в своих постелях, проведя последние часы жизни среди родных.

Захар выбрался, сообщил об увиденном и сразу несколько человек засуетились и принялись за дело. Женщины завозились вокруг носилок Дашки. Именно ей предполагалось спать под крышей и на настоящей кровати, а не в палатке, как всем остальным.

Дашка была слабая. Так говорили все вокруг, но шепотом. И она слабела с каждым днем. Девчонка, немного младше Захара, которую укололи, наверное, спустя месяц после него.

Захар сначала ей завидовал — она почти не изменилась, у нее даже волосы не выпали! Кожа на лице не слезла, не лопнула, не вспухла, только покрылась такими бугорками и рытвинами, как бывают у взрослых, как они говорят, “от ветрянки”. Но потом завидовать перестал. Вокруг шептались, что она не прожила трансформацию полностью, вакцина не подействовала в полной мере — и рак вернулся.

При слове, которое еще несколько лет назад звучало как приговор, Захар привычно нащупал на груди свой радиоактивный тотем и сжал в ладошке. Это была не просто облученная вещь, это был небольшой кусочек плутония в маленькой, размером с гильзу, капсуле. Подтверждение того, что его война застала на больничной койке в секретном городке.

Как и многих других здесь. Как и Дашку.

Возле нее, мешая взрослым, но делая вид, что помогает, крутился Зураб. Несмотря на то, что они с Захаром были одного возраста, Зураб

был крупнее, мускулистее и одновременно полнее. Как-то он признался, что в школе его за полноту немного гнобили, и он надеялся, что от трансформации похудеет. Оказалось, это невозможно. Даже наоборот, если верить остальным, то теперь комплекция никогда не изменится. Даже если каждый день бегать и штангу поднимать. Мутации, перерабатывающие их клетки каждую секунду, все сведут на нет.

Зураб был влюблен в Дашку, хотя и не признавался. И очень страдал, глядя как болезнь медленно пожирает ее.

Лагерь организовали в стороне, под сенью руин какой-то хрущевки. Почти все взрослые были при деле — стаскивали все, что могло гореть для вечернего костра, ставили палатки, сидели с больными. Тимофей Сергеевич важно ходил туда-сюда — руководил по его мнению. Павел Ильич сидел под вставшими домиком бетонными плитами и читал. Он тоже считал это работой, хотя не все были согласны. На него вообще не обращали внимания.

Он воспринял трансформацию слишком буквально. И уверовал, что бессмертен, отчего стал, как говорили взрослые, особенно женщины, ужасно невыносим. Он перестал мыться, приводить себя в порядок и, судя по всему, утратил всякую брезгливость. Полчаса назад они вытащили из-под этих самых плит расползающийся иссохший труп. И почти сразу Павел Ильич, с кряхтением, уселся прямо на то место, где секунду назад лежали серые, почти окаменевшие кишки.

— Каждый принимает новое по-своему, — говорила про это Полина, постоянная сиделка Даши, которая до вот этого всего была психологом.

Вечером, когда все было готово, начался обычный ритуал. Тимофей Сергеевич сел у разгорающегося костра, достал свой радиоприемник — старый, даже древний с точки зрения Захара, тяжелый, с мотками проводов и огромной раскладывающейся антенной, которую он иногда приказывал затаскивать на крыши домов, на деревья или просто на холмы.

Радио включилось и все они услышали его — зов. Новый Храм говорил с ними и все взрослые в этот момент затихали и слушали. Захар никогда не старался прям вникать, ему казалось, что из приемника несется белиберда, причем даже не смешная, а просто непонятная и скучная.

— Тебе всегда будет сложно сосредоточиться, — говорила ему про это Полина, — ты застрял в том возрасте, когда концентрация требует больших усилий, чем у взрослых. Придется теперь с этим жить.

— То есть он навечно пубертатная заноза в наших задницах, — упрощал ее слова Тимофей Сергеевич.

Сначала этот факт — что он, Захар, фактически никогда не вырастет и не станет настоящим взрослым, его ужасно злил. Но потом, глядя на окружающих, он понял, что это не так уж и плохо. Большинство взрослых — идиоты. Так и зачем ему вырастать в идиота?

Еще Захар не понимал, зачем они куда-то идут. Он, конечно, был в курсе, что их цель — Новосибирск, он был там не раз, родители постоянно возили его туда в огромную больницу на всякие процедуры. Теперь их всех звало туда это радио. И все шли, хотя странно противоречили себе, утверждая, что “от городов-миллионников ничегошеньки не осталось, одни камни и пепел”. Так и зачем туда идти?

— Это называется паломничество, — брезгливо, но терпеливо отвечал на подобные вопросы Тимофей Сергеевич. — Ты еще мал, чтобы такое понимать. И, видимо, всегда будешь мал.

Это звучало обидно, и Захар эту обиду тихо таил. Он не знал зачем, он просто ощущал, как внутри него на полочки складываются все неприятные слова, которые ему говорят. И эти полочки уже слегка трещали под весом груза.

После обязательного прослушивания радио шел ужин — каждый день все более скудный и все более мерзкий на вкус.

Лежа в спальнике Захар вспоминал как все началось. Как их всех — все палаты в длинном затхлом крыле больницы, подняли и погнали в подвал, а после подвала — еще ниже, куда-то за толстые стенки гермозатворов. В бункер.

Вообще, как и многие другие подростки, Захар в тайне думал про то, как бы классно было уцелеть после апокалипсиса и… эээ… выживать дальше? Но круто выживать! Как в западных фильмах. Там, обычно, главные герои пачками косили зомби, но теперь сам Захар был больше похож на этих самых зомби, поэтому такой исход ему не нравился.

К тому же все эти чаты и каналы про жизнь после ядерной войны о многом умалчивали.

Например, о вшах. Пожалуй, это единственный плюс его лысой башки. Как только в бункере пропал водопровод и запас воды стали жестко экономить — все, кто не прошел трансформацию, то есть обычные пациенты и персонал, тут же стали заниматься в основном тем, что чесали голову. Главный враг выжившего — это не агрессивные толпы маргинальных элементов и даже не дикие звери, почуявшие, что доминирующий вид перестал быть таковым и можно невозбранно посягать на его бетонный рай. Главный враг — это вши. Если под рукой нет чистой воды, то вывести их невозможно. Основным признаком обычного человека стала даже не гладкая кожа, а непрерывное чесание головы. Оно настолько их поглощало, что они постепенно научились почти все делать одной рукой, даже готовить еду.

Второе, о чем мало писали — это о зиме. Это было странно для сибиряков, как будто они игнорировали самый главный факт своего региона, потому что против него просто было сложно бороться. Неинтересно представлять, как после ядерной войны ты умираешь не в борьбе с каким-то другим кланом за бочку бензина или дизельный генератор, а банально замерзаешь.

Бункер выдержал ядерную бомбежку, но скучно не пережил первый же год зимы. Взрослые говорили, что под землей всегда тепло. Но это почему-то не сработало. Бункер превратился в ледяную могилу, бетонный мешок промерз так, что арматура внутри стен и перекрытий стала трещать и выть. А через какое-то время стало выходить из строя оборудование — замолчала вентиляция, зачихал и стал работать с перебоями генератор, а в конце концов сама конструкция стала менять геометрию и было принято решение выходить — взрослые опасались, что гермодвери навсегда заклинит в закрытом положении и тогда из бункера уже никто и никогда не выйдет.

С этими воспоминаниями Захар засыпал, с ними же и просыпался, потому что снилось ему почти всегда одно и то же — как он бежит вниз со всеми остальными, вокруг белые халаты, пижамы, каталки, мятые спортивные костюмы, костыли, коляски и целый лес стоек для капельниц.

Утром лагерь выглядел неожиданно притихшим. Взрослые молча жевали завтрачные сухари, прятали глаза, а потом Захар увидел Зураба, который сидел под обвалившимся подъездным козырьком и тихо хныкал.

— Дашка ночью умерла, — сказал он, увидев Захара.

Подросток смотрел, как его сверстник ревет и пытался понять, что он чувствует сам. Пытался ощутить хотя бы легкий привкус горя, страха или отчаяния. Он вспомнил Дашку, ее тонкие руки, прозрачную слабую улыбку и синенькие паутинки вен на лбу.

Обычно людям должно быть жалко, когда кто-то слабый и невинный помирает. Люди страдают, когда навсегда уходит тот, кто еще вчера был рядом и живой.

Но Захар ничего не чувствовал. Он смотрел на Зураба и понимал — этот тоже умрет. И еще многие умрут. Ему придется наблюдать все эти смерти, но к счастью, трансформация забрала у него не только волосы и кожу, но и изрядный кусок каких-то важных эмоций.

Ч4. Глава 3

— И вы пришли сюда? Все эти люди, которые шли с тобой теперь живут здесь? — спросил Артем. История Пророка его впечатлила. Особенно та часть про “чаты” и “каналы”. Про интернет. Некое величайшее общее хранилище знаний, доступ к которому потерян навсегда.

Это была циничная мысль собирателя — он гораздо больше грустил по утраченной информации, чем о том, что вокруг Пророка погибло множество близких ему людей.

— Из паломничества остались очень немногие, — ответил Второй, — большинство погибло на входе в город. В Пятно, по-вашему. Уровень облучения здесь подходил не всем Потомкам, для некоторых он был слишком высок. И, конечно, немало наших просто не дошли и умерли в пустошах — от самых разных причин. В том числе и от рук других выживших.

— Странно, что люди продолжили убивать уже после того, как поняли, что большая часть человечества уничтожена.

Пророк невесело усмехнулся.

— Они… скажем так, и не думали, что убивают других людей. Они принимали нас за монстров.

Да, подумал Артем. И мы до сих пор близки к этому. Там, в десантном отсеке сидят обычные люди и у некоторых из них в голове тоже рисуется именно такая картина — это монстры, опасные чужаки, другой… вид? Кто-то опасный, как медведь или стая волков. Как баскер.

— Ну и сами мы друг друга тоже успели прорядить, — признался Пророк. — Видишь ли, Пришедший и Новый Храм сразу стали чем-то вроде религии. А там где религия — там и разногласия.

— Когда вы пришли в Храм — там были выжившие?

— Конечно, — кивнул Пророк. — Местные Потомки, которые поддерживали Храм и Пришедшего, чтобы трансляция могла продолжаться. То, что меня называют Вторым, не значит, что я был одним из основателей Нового Храма.

— Значит, трансляция работает… — пробормотал Артем, скорее для себя, — она действительно привела вас, новых людей к Храму, как и завещается в трансляции. И много ваших приходят?

— Вы первые гости за много лет, — ответил Пророк. — И это кое-о-чем нам, Потомкам говорит…

Столетний подросток вздохнул. Видно было, что он переживает за свой народ, но делает это иначе, чем Седьмой.

— Но мы оказались не из ваших…

— Да. И именно поэтому Седьмой позволил открыть по вам огонь. Его группа… радикалы. Для них вы — вторжение, инородное тело. В Пятне могут обитать только Потомки. Со временем это из простого физиологического факта превратилось в некую религиозную догму. Мы с другими апостолами много дискутировали о человеческих поселениях под боком и если бы Седьмой был бы в силах, он с удовольствием бы снес Атом всем арсеналом, что у нас есть.

— И почему он до сих пор этого не сделал?

— К счастью, он в этом вопросе в меньшинстве.

Тема чувствовал как постепенно успокаивается. Пророк все больше ему нравился — хотя, конечно, как же теперь мало для этого надо! О, этот человек меня не убивает? Да это считай что друг.

Но самое главное, что он был настроен на сотрудничество. Глупо было думать, что гули едины в своих ценностях. По факту у них такая же сложная каша из самых разных взглядов и идей, как и в Атоме. Седьмой и его группа — это, если угодно, тот же Военный институт, а Пророк… он будто бы был своим — из местной Верхней зоны, его легко можно было представить где-нибудь в подвале Института Ядерной физики и в белом халате. Хоть он и выглядел как пацан, решивший поэкспериментировать с петардами и бензином.

Тем временем транспортер достиг очередной ландшафтной границы. Стеклянное море сходило на нет, вокруг начали появляться привычные руины — по большей части обрушенные и оплавленные бетонные скелеты высоток, знакомые уже панельные “зубы” и просто груды каменно-кирпичного крошева. Здесь стал угадываться контур улиц.

И это было странно. В Атоме все специалисты по истории Новосибирска и последствий войны для него, сходились в едином мнении — центр города, скорее всего, превращен в огромный гладкий,

продуваемый всеми ветрами, на столетия смертельно радиоактивный, могильник…

То есть все то же стеклянное море…

Захар объяснял куда ехать и как поворачивать и вскоре они выехали к тому, что Артем, читавший в детстве книжки про рыцарей и замки, мог бы назвать оборонительным рвом.

Широкий желоб низины, который на картах значился одновременно как крупная магистраль и русло реки Каменки, дугой огибал то, что когда-то было центром города. Внизу… была свалка. Или железная могила. Ржавое море из сотен и сотен автомобилей и другого металлического лома.

— Тут была грандиозная пробка тех, кто пытался выехать, — пояснил Пророк. — Причем в обе стороны. Кто-то пытался ехать на восток и север, кто-то — на юг или к реке. Но оба направления были гибельными, даже если бы им удалось прорваться. Те, кто решил ехать на юг просто заперли себя у реки и не смогли выбраться на Бердское шоссе, по которому вы прибыли, а те кто поехал на северо-восток… что ж, туда даже мы, устойчивые к радиации, не суемся. Самый тяжелый удар пришелся именно туда.

— По авиационному заводу и производству ядерного топлива, — кивнул Артем.

— Да, — Захар оторвался от триплекса и посмотрел на собирателя как будто даже с уважением. — И по всей военке на севере. Так что… шансов там не было. Эта дорога стала кладбищем. Мы за годы постепенно стащили весь старый транспорт с улиц и свалили сюда. Потом пожалели, когда поняли, что река постепенно пробивается из вкопанных в землю труб. Могли бы полностью ее вскрыть, жилось бы приятнее. Но теперь она навсегда погребена под тысячами тонн ржавчины.

Но Артемия интересовало не это. А то, что он видел на другом “берегу”.

Слева был крупный довоенный путепровод — разрушенный наполовину, но достроенный интересным подъемным механизмом — металлическая конструкция была задрана кверху, как крепостные ворота. Это был мост. Кустарный подъемный мост. Врата в мир Потомков. А за ними…

Уцелевшие дома. Много уцелевших домов. На вид они были далеки от того, что сохранилось в Атоме — провалившиеся крыши, черные провалы окон, частично обрушившейся секции… но это были дома. Устоявшие. Не развоплощенные в пыль, не укатанные в землю в стекловидный хиросимит.

За ними угадывались и более презентабельного вида постройки и в нижних этажах даже блестели целые стекла. Признак живого общества.

На переднем плане всего этого выделялось пострадавшее, но все же величественное сооружение, как будто гигантский парус, взметнувшийся посреди города. Он выглядел ветхо и изувечено, зияло дырами, но все еще напоминало, что когда-то здесь жило человечество — не жалкие его остатки, продолжающие медленно вымирать, а огромное многомиллиардное сообщество, способное одновременно творить чудеса и ужасные абсурдные глупости, последствия которых они и пожинают сейчас.

— Театр “Глобус”, — прошептал Артемий. Вышло почти благоговейно и это не ускользнуло от Пророка.

— Да. Второй из трех уцелевших театров. Некоторые предлагали его восстановить, как дополнительный Храм, но у нас нет на это ресурсов. На самом деле здание еле держится.

— Да, но почему оно держится?! — не выдержал Тема. — Почему центр настолько хорошо сохранился?

Захар улыбнулся краем рта.

— Я думаю уроженец Академгородка прекрасно знает ответ на этот вопрос, — сказал он.

Конечно! Какие же мы все глупцы! Артем почувствовал почти ликование. Зонтик! Им был накрыт не только Академгородок, не только Атом! Просто им там, на юге, повезло больше — отрезанные от остального города большими массивами “неинтересных” для ракет пространствами лесов, они просто избежали заражения. А центр, хоть и был накрыт тоже, хоть и уцелел физически, но погиб на более тонком уровне, окруженный разорванный ядерными взрывами пространством… Ни один человек бы тут не выжил, но гули, иммунные к радиации, смогли!

— Мы были уверены, что существовал лишь один прототип, — пробормотал Тема.

— Их было больше, — просто ответил Пророк. — Как минимум, два. И кто-то решил, что очень нужно защитить Оперный театр.

— Защитить центр города — это очень логично.

— Нет, — Пророк покачал головой, — все сложнее. Точка расположения зонтика — купол Нового Храма. Учитывая, что, судя по всему, энергия нашей установки была гораздо слабее вашей — защищать театр и окрестности, пусть и с правительственными зданиями, ужасная идея. Половина накрытого пространства — улицы, площади, парки и пустые, нежилые дома. Если кого и хотели спасти, то точно не людей.

— Ну понятно, что не людей, — усмехнулся Артемий, удивленный наивности гуля, — свои задницы они спасали.

Однако по Захару было видно, что его не устраивает эта версия.

И его можно было понять. Он сам — реликвия. Человек из прошлого, которому чудом вакцины удалось пережить ад и время, за которое сменяются несколько поколений. Это для Артемия все довоенные люди, его предки — просто ужасные идиоты, разрушители и расточительные мерзавцы, которые не ценили того, что у них было и просто предали все огню. А для Пророка это были его современники. Люди, которых он когда-то знал и многих из них наверняка любил и уважал.

Ему просто не хотелось верить в циничность и злонамеренность своего поколения.

— Значит, это ваш дом? — спросил Тема, чтобы перевести тему.

— Да. И вам пора познакомится с его сердцем.

* * *

— Ты знаешь правила, Второй.

Большая и крупная женщина-гуль, которая представилась как Пятая, встретила их у моста. Судя по всему она была “центристом” среди апостолов. Открыто и сходу бросила что-то презрительное про взгляды Седьмого, но тут же поведала, что именно от него получила информацию о прибывающих. При этом и Второго она прямо сейчас отчитывала за наивность и глупость: провел недостойных гладколицых почти что к самому Храму!

Так начался торг: Второй утверждал, что нужно относится к пришельцам, как к официальной делегации и чтобы все прошло хорошо — принять их как следует. Пятая возражала, что переговоры

можно провести в любом месте и раз людишки доехали аж сюда, то поди от радиации уже не умрут, пусть хоть посреди стеклянного моря делегируются.

В конце концов, Второй победил, но дальше стало еще сложнее: начался спор про то, в каком виде и количестве люди могут попасть за мост.

— Силовую броню — долой, — заявила Пятая.

— Без нее мы умрем, — возразил Максимов. Он, Илья и Лена стояли поодаль, так как им запретили приближаться более чем на двадцать метров. Разговаривать это не мешало, благодаря усилителям голоса в броне.

— Придумайте что-нибудь, — Пятую слабо интересовали проблемы вторгшихся атомчан. — Силовая броня — оружие. С оружием никто дальше не пойдет.

Таким образом почти все подпадало под оружие. И транспортер тоже.

— Могут пойти только те, кто без брони, — предложил Пророк, — остальные подождут здесь.

— Ну уж нет, — тут же возразил Максимов. Ему, очевидно, не хотелось оставлять судьбу миссии на ненадежного мусорщика, суперсолдата из другой страны, шпиона-андроида и придурковатую дьяволицу. — Отряд не разделяется.

— Вообще-то это неплохой компромисс, — признал Скай.

— О, конечно, сибиряк сразу согласился! Интересно, почему? Избавиться сразу от большинства представителей Атома очень ведь удобно.

— Наша задача — остановить трансляцию, — спокойно ответил Скай, — вроде в этом мы все совпадаем.

— К тому же, кому-то все равно придется остаться следить за техникой, — добавил Роман.

— И ты еще, робот! — тут же взвился Максимов.

Пятая, наблюдающая за всем с кривой усмешкой, повернулась к Артему.

— Дать вам время пообщаться?

Она говорила с превосходством, как будто в рядах гулей все было гладко и прекрасно.

— Каковы гарантии, что мы, сдав оружие, сможем выйти обратно живыми? — вместо ответа спросил Артем.

— Оружие вам не поможет в случае чего, — просто ответила Пятая. — С силовой броней или без, с твоей вот этой вот винтовкой или нет — вы не выйдете обратно, если будете делать глупости. Но оружие все равно придется сдать, чтобы уменьшить шанс глупостей.

Пятая выглядела очень потрепанной жизнью. У нее отсутствовала левая рука по локоть, от челюсти, по шее и дальше вниз под одежду уходил ужасного вида рваный шрам, заметный даже на изможденной коже гуля.

Продержаться столько лет живой ей явно было нелегко. И, кажется, выжить ей помогла ужасно душная дотошность по факту безопасности.

— Они правы, капитан, — Артем повернулся к трем фигурам в стали. — Нам придется разделиться. Оставайтесь у транспорта и ждите. Свяжитесь с Атомом, если получится, расскажите об успехах и нашем положении.

— Об этом не может быть и речи. Ты будешь говорить за весь Атом?

— Чем я хуже тебя? — бросил Артем. — С другой стороны, всегда можно вылезти из брони и уколоться. Запасная вакцина есть. Готов рискнуть?

Детское желание Максимова покрасоваться в силовой броне сыграло с ним злую шутку. И сейчас он это понимал. Сейчас он в бешенстве именно из-за этого осознания. С одной стороны, Тема признавал, что злорадствует. С другой — это было тревожно. Максимов явно захочет быть активным участником всей этой истории. И ничего хорошего от этого желания не будет.

— У меня другая идея, — ответил особист и повернулся к Пророку. — Дайте нам ваши рации. Если хотите нас разделить, то дайте нам связь между собой.

— Частицу Пришедшего захотел в руках подержать? — Пятая подалась вперед. — Да скорее сейчас Генсек передо мной объявится, чем я доверю вам их.

Артем невольно переглянулся с остальной командой. Он впервые услышал слово “Генсек” со времен, когда он сидел за школьной партой

и учил историю. Так привыкли называть последнего из руководителей государства, пока мир не загорелся в ядерном огне.

Но, видимо, для Пятой, которая жила в те времена, это было что-то вроде стандартной присказки.

— Это хорошая идея, — неожиданно поддержал Максимова Роман. — Мы же будем полностью под вашим контролем. Вы вполне можете доверить нам пару раций.

— Они правы, — вступил Захар, — это против наших правил, но в текущий ситуации можно сделать исключение. Под мою ответственность.

— Это кощунство, Второй!

— Хорошо, — согласился тот, — это кощунство под мою ответственность.

— Не удивлюсь, если Пришедший тебя когда-нибудь самолично удавит, — буркнула Пятая, но все же пошла к небольшому караульному домику и скрылась в нем.

Она активировала какой-то механизм и мост стал опускаться. Затем вышла с двумя рациями.

— Так, это гладким без железной скорлупы, — она вручила рацию Артему и тот сразу сунул ее в паз на разгрузке. — А это… слушайте, вы этими ручищами ее сразу сломаете!

Она смотрела на три огромные стальные фигуры с сомнением.

— Предки хоть и были так глупы, что раздолбали планету, — заявил Максимов, — все же были достаточно гениальны, чтобы предположить необходимость подключения к внешней радиостанции.

И он буквально вытянул провод из-под пластины, защищающей предплечье.

— А клавишу PTT как ты будешь нажимать? — Пятая стала отводить руку с рацией назад, будто опасалась, что Максимов захочет ее выхватить.

— Это не потребуется, — вступил Илья, — у нас своя система в костюмах, способная управлять этим удаленно.

Нехотя, Пятая все же передала и вторую рацию, Артем и капитан тут же проверили связь и убедились, что все в порядке. Максимов важно сообщил, что будет держать связь с Атомом и попросил команду не действовать без четкий указаний из города.

— Теперь мы можем идти? — спросил Второй у Пятой и та кивнула, не слишком впрочем уверенно.

— Мне это не нравится, — заявила она. Захар лишь пожал плечами.

Артемий, Юрий, Роман и Марта ступили на мост и направились в центр, в самое сердце Пятна.

Лена, Максимов и Илья остались позади.

Мост сразу стал подниматься, как только они его миновали. Теперь группа была по-настоящему разделена и помочь друг другу будет проблематично.

По спине Артема пробежали мурашки. Оказалось, это достаточно неуютно — быть единственным представителем Атома, когда на кону стоит само их существование.

Учитывая, что он вообще не был переговорщиком. Никто из них не был.

Ч4. Глава 4

Чем дальше они шли, тем руины все больше превращались в город. От чего он, впрочем, не становился приятнее на вид. Даже уцелевшие здания пустовали, во многих из них отсутствовали окна и вообще хоть какой-то намек на жизнь. Это совсем не было похоже на Атом, где в каждом окне горел теплый домашний свет.

Здания были целыми, но мертвыми. А многие еще и были будто закопчены.

— Не так уж радужно, да? — спросил Второй. — Сразу после удара начались жесткие пожары. Когда первые рискнувшие выбрались на поверхность, город стоял, но это вообще ничего не значило.

Они шли по широкой магистрали. Слева — руины, дома либо пусты, либо частично разрушены, особенно выделялась восьмиугольная башня, которая с каждым этажом превращались из здания в его скелет — внизу уцелело все, даже облицовочный мрамор, выше — пустые дырявые окна, еще выше — облезлые, закопченные стены, а совсем высоко — голые, серые колонны каркаса и совсем наверху — обнаженные поникшие решетки арматуры.

Справа — бывшее здание театра, с этим его парусом, а вокруг — низкие длинные строения из стекла и пленки. Теплицы.

— Здесь можно что-то выращивать? — с удивлением спросил Артем.

— Можно. То, что нам удалось приспособить. У нас большая часть свободной от зданий земли занята огородами. Конечно, и до войны тут была не ахти какая почва, а сейчас… но на нас хватает.

Здания заброшены и не восстановлены, еды с клочков почвы хватает…

— Вас не очень много, да?

Пророк усмехнулся.

— Великая тайна раскрыта, — ответил он, — да, нас очень мало. Мы все бесплодны и с каждым годом нас становится меньше. Да, мы не стареем физически, у нас не может быть рака, даже обычные болезни нам не страшны, потому что мы мутируем быстрее любого вируса. Но было бы странно, если бы не завелись новые болезни. К

тому же, мы гибнем и просто по глупости. Это такая плотно вжившаяся в человечество черта, что ее никакие мутации не выведут.

— Что ж, отчасти я понимаю, почему ваши… эээ… коллеги, так не хотели нас пускать, — вступил в разговор Скай.

— Седьмой не считает, что это проблема, кстати, — заметил Пророк. — С его точки зрения, один Потомок стоит десятерых обычных людей. Правда, это он утверждал до того, как увидел вас, Юрий. Теперь ему придется пересмотреть расклад сил. Раньше мы переживали только по поводу Атома. Очень большого поселения по нашим меркам. А теперь выясняется, что есть целое государство с суперсолдатами на службе.

— Ткните мне хотя бы в одного атомского, который прирезал хотя бы одного гуля, — вдруг загоготала Марта. — Нашли о чем переживать! Мы, Дьяволы, первые вас на фарш пустим!

— Дьяволы… — пробормотал Пророк. По отношению к Марте он вел себя странно. Точнее также как и Елизавета. Он не особо отличал ее от остальных. — Да, любимчики Кирилла. Он думал, что может вами управлять.

— Управлять, — фыркнула Марта, — пусть поуправляет теперь после моего ножичка!

Артем напрягся. Тупая дура! Надо же было вот так проговориться! Когда они уже внутри и без оружия.

Захар остановился. Задумчиво оглядел Марту. Дьяволица криво ухмылялась и стояла уперев руки в бока.

А ведь мы понятия не имеем, зачем она здесь. Ее взяли как слабое, но все же связующее звено с гулями, и пока ее полезность совсем не очевидна. А вот возможность попросту саботировать все дело у нее есть и вполне осязаемое. Конечно, дьяволы тоже попадут под каток Орды, но вряд ли Марта умеет думать хоть сколько-нибудь стратегически.

— Так, — Второй говорил тихо, но уверенно, — давайте постараемся сделать так, чтобы этот факт больше никто кроме меня не услышал. Двенадцатый хоть и слыл чудаком, но все же считался апостолом Пришедшего. У нас тут нет суда, адвокатов и следователей. И уж тем более тюрем. Убийцу Потомка следует тоже убить, простой закон.

— Спасибо за вашу дальновидность, — отозвался на это Панин, молчавший все остальное время.

— А ты, Марта, впредь помалкивай, — добавил Тема.

— Все вы одинаковые, — с каким-то даже разочарованием заметила дьяволица, — что облезлые, что атомские… давайте скрывать то, чем стоит гордиться! Пф!

Вот из-за таких разговоров они и будут считать людей выродженцами, горько подумал Артемий.

Они прошли дальше — до момента, где магистраль под углом в сорок пять градусов вливалась в другую широкую улицу — по довоенным картам в Красный проспект, главную артерию города.

Они вошли как бы в ворота — слева и справа створ дороги ограничивали два дома с вогнутыми фасадами. И вот они уже были живые — в некоторых окнах горел свет.

— Где вы берете электричество? — спросил Скай.

— Из нескольких источников, — неопределенно ответил Второй, — у нас, к сожалению, нет целой гидроэлектростанции, как у Атома, а все ТЭЦ были разрушены в первую очередь. Приходится обходится малым.

— Солнечные панели? — снова уточнил Юрий.

— В том числе, — Захар явно не хотел раскрывать карты и его можно было понять. Странно было бы раскрывать чужакам секреты своей стратегической инфраструктуры.

Слева у уходящего на юг проспекта сохранилась аллея по центру. На ней стояла небольшая довоенная часовня, когда-то наверняка белая, но за годы потемневшая от грязи и сошедшей штукатурки.

В Атоме уцелело две церкви, но староверов в городе было совсем мало. Апокалипсис случился и в рай их не забрали, оставили на земле. Значит, смысла взывать к старому богу нет, так рассуждали горожане. К тому же курс на науку и человеческую, земную справедливость, не способствовал развитию большой религиозности.

Интересно, как с этим у гулей. Все ли они верят в своего Пришедшего или есть староверы? Раз они из тех времен… это было бы логично.

Но задавать такие вопросы Артем решил когда-нибудь потом. Сейчас это было бы довольно бестактно.

— Почему вы называете себя Потомками? — спросил вместо этого Тема. — Вы ведь наоборот… из предков.

— Это для вас, — ответил Второй. — А для нас мы потомки старого человечества. Его новый вид, которому удалось выжить в новом мире.

— Нам тоже удалось, — заметил Скай.

— Пожалуй, — не стал спорить Захар, — но не переименовываться же в гулей теперь.

Прямо по курсу дорога упиралась в угол большого, уходящего дальше вглубь города, прямоугольника, полностью застроенного теплицами. На довоенных картах здесь был сквер.

А проспект уходил направо, на север. Храм был совсем рядом.

Они пошли дальше, мимо также когда-то белого здания, тоже похожего на театр, но здание будто было мертво.

— Играть музыку теперь некому, — коротко отозвался про это Пророк.

Они дошли до здания бывшей мэрии — тут светилось гораздо больше окон, но на нижних этажах. Верхние окна были кое-где забиты фанерой, закрашены или даже заложены черновым кирпичом. Очевидно, малочисленным гулям не нужен был огромный аппарат управления некогда двухмиллионным городом.

А слева сохранилось здание музея. И здесь Артемий впервые понял, что видит действительно старое здание. Не просто довоенное, а такое, которые было старым еще тогда, когда Захар не стал гулем.

Историческое. Почти утраченное прилагательное, вытесненное из лексикона “довоенным”.

Интересно, сохранились ли там экспонаты и пустят ли их посмотреть, если переговоры пройдут успешно?

Любопытство собирателя, чуйка на редкости прямо-таки тянули его туда.

Это не пустошь, напомнил себе Артем. Это цивилизованное место и здесь нельзя брать все, что приглянулось, потому что оно очевидно ничье. И вообще мы здесь не за этим.

И наконец-то улица распахнулась. Они вышли на большое пустое пространство, центральную площадь, место, где некогда огромный город пульсировал, откуда расходился лучами дорог, кварталами домов, шумом транспорта, гулом миллиона голосов.

И справа, как бы выделенный этим пространством от остальной застройки, утопленный вглубь, чтобы точно читались объем и величие, стоял он. Новый Храм.

Уцелевший Театр Оперы и Балета.

Величественная колоннада фасада, огромные прямоугольники дверей, а над ними — большой серый чешуйчатый купол. Целый, невредимый. Чудо.

— Добро пожаловать, — спокойно произнес Пророк, — не думаю, что мы когда-нибудь точно узнаем, но я почти уверен, что вы сейчас смотрите на самое большое в мире здание из уцелевших.

— А я думал Институт Технологий — венец инженерной мысли, — пробормотал Артем.

И это неожиданно вызвало смех у всех, кроме Марты, которую, кажется, театр вообще мало интересовал. Даже синт Панин смеялся.

Площадь была окружена хорошо сохранившимися зданиями и здесь, впервые, команда увидела других Потомков: кто-то шел вдалеке, небольшая компания сидела на пустой площадке с пустующим постаментом — там до войны значилась культурная композиция с далеким довоенным политическим деятелем во главе, а кто-то — и это было совсем удивительно! — мел одну из дорожек, ведущую ко входу в театр.

И это неожиданно делало площадь живой. Настоящей. Как будто и не было вокруг этого небольшого островка города Пятна, стелоквидных полей, панельных зубов, бетонных скелетов…

А еще тут были спуски вниз.

— О, метро, — отреагировал на них Юрий. — У нас в Красноярске, к сожалению, такое так и не построили, а ведь тогда могло бы спастись гораздо больше народу.

Пророк горько покачал головой.

— Это не сильно помогло, — сказал он, — Это единственная станция попавшая под зонтик. Остальные — обрушились. Они плохо годились как бункер, все мелкого заложения. Да и тут не сработало. Да, люди внизу выжили, но у них, судя по всему, очень быстро кончились припасы, а выйти наружу они не могли. К тому же мы подозреваем, что вентиляция работала не очень хорошо и вниз просачивалась радиация. Когда первые из нас пришли и вскрыли гермодвери… это был просто огромный коллективный могильник, —

он помолчал немного. — В какой-то степени эта площадь перед Храмом — огромное надгробие над братской могилой. Будь у нас ресурсы на что-то кроме выживания, мы бы использовали вон тот постамент для какой-то стелы памяти, но…

Тема невольно посмотрел под ноги. Там, буквально в нескольких метрах под ним — огромный склеп, куда люди загнали себя добровольно, потому что других вариантов просто не было.

— Люди верили, что бункеры позволят пережить ядерную войну, — продолжал Пророк, — но это чушь. Выжили те, кто был далеко от зон ударов и те, кто выбрал иной путь.

— Раз это неизбежно, то нужно придумать способ приспособиться, — кивнул Юрий. — Логичное рассуждение.

— В наше время таких считали алармистами, — Захар повел их по тропинке к Храму. Другие гули с удивлением оглядывались на пришельцев. Но они не выглядели угрожающе. Это были первые Потомки не в камуфляже и без смертоносного оружия в руках. — Думаешь, что будет ядерная война? Сумасшедший, да никто никогда не нажмет эти кнопки! Климат меняется? Да ты просто враг прогресса! Переживаешь о вторжении инопланетян? Фантазер! Запасаешь консервы в подвале?.. Но выжили именно радикалы. И те, кто поставил на них ставку.

— Как вы, — кивнул Артем.

— Я — просто случайность, — вздохнул Второй, — просто маленький мальчик, который умирал, но очень хотел жить.

Он выглядел так, будто жалеет о своем решении. Наверняка тот маленький Захар, когда мечтал жить, представлял совсем иное будущее. То будущее, которое очень не хотелось отпускать. В котором хотелось быть.

Они приблизились к Храму совсем близко, и он заслонил значительную часть мира от них. Толстые квадратные колонны казались исполинскими и между ними как будто из неоткуда появились несколько гулей. Они были в черной одинаковой форме, но на вид без оружия.

Выглядели они очень настороженно.

Второй вышел вперед.

— Никаких посторонних в Храме, — громко произнес центральный в форме. Он стоял, закрывая им проход к дверям. — Тем

более… гладкокожим.

— Во-первых, ты сейчас не пускаешь меня домой, Митя, — заявил Захар, — во-вторых, у нас переговоры с представителями разных народов снаружи.

— Которые не должны проходить в Храме, — новый голос, на этот раз женский, слева. Артем посмотрел туда. К ним очень бойким быстрым шагом шла высокая стройная девушка-гуль, лет двадцати пяти. И она разительно отличалась от остальных — у нее были длинные черные волосы.

— Кто настучал? Саша или Настя? — Пророк говорил спокойно, как будто бы даже с легкой иронией.

— Оба, — девушка встала с охранником рядом, тоже перекрыв вход. — И кстати, Насте надо по голове надавать. “Ну я же забрала у них оружие!”, гос-споди. А то, что среди них чертов суперсолдат, который сам по себе оружие, она как-то пропустила! У меня один вопрос только к тебе, Захар. Какого хрена ты творишь?

— Историю, — просто ответил Второй, — я творю историю.

И девушка и охранники разразились хохотом. И, как ни удивительно, сам Пророк тоже улыбался.

— Шизанутый, — ответила девушка, отсмеявшись. — Мы не то, что в тупике истории, мы в ее раздутом вонючем трупе, а ты все трепыхаешься. Но если серьезно, то подумай еще раз. Тебя же все возненавидят. Еще никто извне не входил в Храм. Они же очевидно недостойные.

— Да? — Захар оглянулся и осмотрел людей с головы до ног.

— То что они еще не поплавились — ничего не значит.

— Каждый, кто способен достигнуть стен Храма — достойный и должен считаться Потомком, — продекламировал Второй, — так говорит Пришедший. И если я уже не его пророк, то это для меня новости. Так, что, Стражница, отойди в сторонку. Тут все по канону.

Охранник по имени Митя сделал движение челюстью, которое нельзя было считать иначе как “ну да, аргумент, в принципе”.

— Так любой ширнувшийся хейдеркой может в Храм завалиться, — буркнула девушка.

— Значит, он достоин, — пожал плечами Второй, — не наше дело переиначивать слова Пришедшего, Третья.

— Ладно, — выпалила она, — пойдемте. Но ты все равно шизанутый!

Она развернулась, махнула Мите отбой, гордо смахнула шевелюру с лица и пошла к большой и тяжелой деревянной двери. Артемий пошел вперед и осознал, что у него мурашки. Колоннада накрыла их — они оказались в грандиозной галерее. Третья открыла дверь и показала, мол, проходите. Она вообще очень активно жестикулировала.

— Прежде чем мы войдем, — Пророк остановил их на секунду, — скажу сразу, чтобы вы не строили ожиданий. Снаружи здание выглядит как новое. Но все-таки. Падали ракеты, землю трясло… интерьеры… уже не те, скажем так. И Пришедший… он тоже внес свой вклад в изменения.

Он говорил так, будто приглашал гостей в свою квартиру, где было не убрано. Но… он ведь и сказал, что здесь живет.

За первыми дверями оказались еще один — тоже деревянные со стеклом в крестообразном переплете. А уже за ними открылось фойе, и Артем сразу понял, почему Второй захотел занизить их ожидания. Да, когда-то это было величественное помещение с наверняка белыми колоннами, яркими люстрами, красным бархатом… но теперь это просто большое темное помещение с треснувшим потолком, осыпавшимся мрамором и жгутами проводов вместо люстр. Слева и справа сохранились ряды гардеробов, но они были завалены всяким пыльным хламом, в первую очередь мебелью — диванчиками, лавочками, столиками, рулонами ковров.

Второй торопливо повел их дальше, и они попали в холл первого этажа — оно шло большим кольцом, повторяя форму здания. Под ногами лежал ковролин, который когда-то точно был красным, драпировки стен и колонн облезли, в потолке, в нишах для плафонов через раз горели обычные лампочки. Они не могли осветить всего огромного помещения, поэтому оно казалось мрачным, заброшенным и придавленным потолком с расходящимися лучами балками.

Второй повел их налево — к боковой лестнице, они пошли по ступеням с сохранившимися держателями для ковра, но без самого ковра и попали на второй этаж. Здесь их ждал такой же просторным кольцевой коридор, и он выглядел получше — сводчатый потолок создавал ощущение пространства и тьма не была такой мрачной,

благодаря светлым тонам стен и потолка. Ковер под ногами сохранился лучше, угадывался приятный и глубокий голубой цвет.

Они все еще никого не встретили. Это показалось Артему странным. У любого Храма должны быть прихожане, чтобы он казался живым. Это же, без сомнений грандиозное здание, пустовало, отчего было жутким.

Такие большие сооружения не созданы для того, чтобы быть пустыми. Это неправильно. Так не должно быть.

Они прошли прямо, под сохранившимися некогда золотыми буквами партер и вышли к широким дверям. Здесь Второй остановился.

— Я должен вас подготовить, — сказал он. Он открыто волновался. — Вид Пришедшего может… шокировать. Даже если вы думаете, что вы повидали многое и ничего вас не удивит и не напугает… заверяю вас, это не так. Когда я впервые зашел в эту дверь, то… очень быстро вышел назад и, скажем так, не успел найти туалет, чтобы отправить туда свой обед. И это было век назад. Сейчас Пришедший гораздо крупнее.

Да что там может быть такое, подумал Артемий. Мы уже видели баскеров, а страшнее этого, пожалуй, только сама ядерная война.

Он осмотрел команду. Роман выглядел абсолютно спокойно, что неудивительно, Скай смотрел на Пророка с сомнением, видимо, был уверен, что его ничего не может шокировать, а Марта целиком изучала презрения к маленькому пугливому гулю.

— Заходим, вежливо просим остановить трансляцию и выходим, да? — Юрий повернулся к Артему с легкой улыбкой.

— Если очень сильно сократить, то да.

Артем поднял к губам рацию, которую дала ему Пятая и вызвал Максимова. Тот отозвался почти сразу.

— Мы заходим внутрь, — коротко сказал собиратель.

— Подожди! — Максимов явно был возбужден. — Сначала связь с генералом. Не предпринимайте ничего пока не согласуем с Атомом речь!

— Она уже согласована, — ответил Артем в рацию. — Просто не с генералом.

И отключился.

Скай покачал головой.

— Осуждаешь? — спросил Тема.

— Как я понял, вы с Татьяной составили речь от лица Атома, а Военный институт не уведомили, — догадался Роман. — Что ж, не имею ничего против.

— Как сотрудник Института Технологий или как… — Артем замолчал, поняв, что находящиеся рядом гули не в курсе, что хромающий пожилой дядька — не представитель Атома, а синт Нового союза. И понял, что момент для раскрытия этого не совсем подходящий. Они слишком близко к цели, чтобы добавлять переменную в и без того сложную формулу их положения.

Панин просто неопределенно кивнул.

— Я в ваши дела не лезу, — заявил Юрий, — но все равно ты создаешь опасный прецедент. Максимов просто за мостом сидеть не будет.

— Значит, нам нужно успеть решить все мирным путем до того, как он что-нибудь выкинет, — ответил Тема, — считайте, что я просто запустил таймер.

Он покосился на Марту. Все ли здесь пришли за мирным исходом?

Все люди вокруг были слабыми звеньями. Даже Юрий. Гораздо лучше было бы стоять тут сейчас с Ильей и Леной. Максимально миролюбивыми людьми из всей команды.

— Мне кажется нам очень не понравится звук сигнала этого таймера, — сообщил Роман. Он улыбался.

Я очень плохо все просчитал, подумал Артем, глядя в его улыбку. Но, с другой стороны, могли бы отправить математика, а не мусорщика.

— Готовы? — спросил Второй и когда удостоверился, что все согласны — толкнул большие двери, распахнув их в стороны. — Прошу.

Юрий пошел первым. Артем за ним. Следом скользнула Марта и уже за ней, неспешно, вошел Роман.

Скай замер почти сразу, и Тема почти налетел на него. А потом поднял глаза.

— Какого х…

Он не договорил. Просто не смог.

Ч4. Глава 5

В партере не было части кресел — их давно отсюда выдернули. Впереди, на сцене — не было занавеса и кулис, не было сценового оборудования…

И, Артемий был почти уверен, не было никаких инструментов в оркестровой яме, ничего не было.

Все пространство партера до самой ямы было забито электроникой — серверные шкафы, пучки проводов праздной толщины, идущие отовсюду, свисающие с балконов, уходящие за двери, столы с компьютерами, толстые гофрированные трубы вентиляции и охлаждения… и все это работало — мигало диодами, светилось экранами, гудело вентиляторами, звенело блоками питания.

Уже одного это могло удивить кого угодно. Столько довоенной электроники в рабочем состоянии, все это жрет уйму энергии и, судя по всему, у гулей эта энергия есть. Но взгляды команды прикованы были, конечно, совсем не к этому.

Все помещение было оплетено или тут больше подходило бы слово заросло расходящимися во все стороны щупальцами до ужаса человеческого цвета — будто вся эта органика была создана из человеческой плоти. Эти отростки вились по полу, путаясь с проводами, лезли на стены, заходили на ярусы и пропадали там в полумраке, обвивали беломраморные статуи в нишах над балконами и главное — со всех сторон проникали в недра серверных шкафов, обволакивали их, срастались с ними в нечто единое…

Особо толстые отростки уходили куда-то в оркестровую яму и там пропадали, еще несколько крупных уходили наверх… И там, наверху, сходились вместе.

Подвесной потолок здесь давно обвалился — не было ни фресок, ни люстр, только голый скелет купольного нутра и в самую его вершину, в центральную точку сходилась вся эта псевдочеловеческая органика, чтобы в центре провиснуть массивным и тяжелым комком плоти огромных размеров. Он свисал вниз на несколько метров, почти до уровня балконов, медленно покачивался, пульсировал кожистыми буграми и наростами и, что самое ужасное — блестел случайно

разбросанными ртами с полным набором зубов и глазами самых разных видов.

У Артемия было ровно пять секунд, чтобы все это разглядеть, а затем его скрутило от жестокой боли в голове. Перед глазами тут же появилось сверкающее пятно, как при мигрени, а к горлу подкатила тошнота. Не выдержав, он упал на колени, уперся руками в пол, из глаз брызнули слезы, зубы хрустнули друг об друга.

Прямо перед собой Тема видел Ская, который тоже корчился от боли, но устоял на ногах, а дальше впереди — Пророка, который подбежал к одному из компьютеров и стал активно что-то в нем делать.

С ужасом собиратель обнаружил, что одно из ближайших щупалец, потоньше, отклеилось от пола, проворно метнулось к его руке, обхватило запястья и плотно прижало к старому паркету. Почти мгновенно то же самое произошло и со второй рукой, его будто приковало к зданию. Но при этом давление самих щупалец ощущалось как… прикосновение. Обыкновенное человеческое касание. По температуре, текстуре кожи, еле заметному биению кровотока, да и просто благодаря какой-то внутренней системе обнаружения своих, Артемий понимал, что перед ним человек, что вся эта отвратительная видоизмененная масса — это все еще представитель людского рода.

Это продолжалось не более полуминуты, но Тема понимал, что не выдержит. Он выблевал все, что у него было в желудке, с трудом подавил желание с размаху ударить лбом в пол — ему казалось, что можно расколоть череп и вся боль утечет через трещину, ну или на крайний случай, он бы от этого умер и перестал бы вообще что-либо чувствовать.

Потом все кончилось, он почувствовал, что его руки свободны, сразу упал на бок, а потом перекатился на спину, голова все еще жестоко пульсировала, перед глазами плыло и в этой ненадежной реальности появилось изуродованное лицо Пророка, он что-то говорил, будто пытался привести в чувство, но поздно — Артем все больше проваливался в небытие, реальность отдалялась, сворачивалось в точку, пока не исчезла полностью.

* * *

Связь была плоха. Все-таки радиация постепенно точила полупроводники и даже стойкая военная аппаратура от долгого

нахождения в Пятне давала сбой. Искаженный помехами голос генерала звучал издалека, будто он действительно пытается докричаться до команды из самого Атома.

Максимов не замечал, как нервно жует губы. В броне было душно и потно, ужасно хотелось почесать спину, голову, расправить свалявшиеся волосы, вынуть чертовы катетеры из причинных мест…

Вместо этого он слушал далекий генеральский ор.

— Вы не должны были разделять команду! И определять состав делегации без санкции со стороны Совета!.. Вы, как руководитель должны были…

Спасительные помехи топили возмущенного Алдарова в себе, избавляя уши от необходимости все это слушать.

Конечно же генерал пришел в бешенство, узнав, что Артем и другие пошли на переговоры без санкции Атома. И, конечно, имел право винить в этом капитана, которого, вообще-то и отправил сюда затем, чтобы поддерживал дисциплину среди гражданских.

Но могли бы сами подумать кого сюда отправляют! Сразу же было понятно, что этот мусорщик — себе на уме, будет барагозить и бунтовать, следовать тупому закону пустоши вместо субординации и выкинет что-то такое в самый неподходящий момент.

Легко Алдарову говорить, думал Максимов. Он там в теплом кабинете, вокруг — тонна обученных и квалифицированных специалистов, настоящие вояки… тогда как здесь сброд из пришлых, мусорщиков, фриков и студенток. Они, в конце концов, в центре Пятна! Здесь никогда никто из атомских не был. Он, Максимов — глава группы первопроходцев. Очень плохо подготовленной группы. Разве он виноват в том, что в такой обстановке и такими людьми просто невозможно управлять?

Когда генерал снова вынырнул из вороха помех, он был уже немного спокойнее.

— Значит так, — говорил он, — теперь ваша задача — воссоединение группы. Если через час от разведчиков не будет связи, выдвигайтесь к Храму сами.

— Товарищ генерал, при всем уважении, это не так просто будет выполнить.

— Чего?.. — видимо, до Атома его голос тоже доходил с трудом. — Что ты там квакаешь, капитан?

— Прощу прощения, — как будто это он виноват в помехах! — я говорю, там целый город, понимаете? У меня два гражданских в силовой броне и никого, кто мог бы вести транспортер…

— И кто в этом виноват, капитан?! Мне нет дела до твоих трудностей. Найди способ подтвердить или опровергнуть прошедшие переговоры, если самозванная делегация не выйдет на связь.

— Боюсь, это невозможно.

— Тогда, если они не выйдут на связь, выполняйте первый чрезвычайный протокол.

Максимов невольно оглянулся на остальных, как будто они могли подслушать. Илья стоял вдалеке, спиной — разглядывал центр города. Лена была ближе, сгибала и разгибала конечности, шипя сервоприводами, словно делала разминку.

— Но если они будут еще живы и все же договорятся…

— Не мне, товарищ капитан, рассказывать вам о сопутствующих потерях.

— Понял.

— Что-что?

— Так точно, товарищ генерал!

— Так-то лучше, — Алдаров оборвал связь.

Чрезвычайный протокол был принят Военным институтом, как крайняя мера, действующая в обход приказов Ученого Совета, если миссия с точки зрения него, капитана Максимова, будет под угрозой. Всего в протоколе было четыре ступени и первая, про которую упомянул генерал, звучала так: “Капитан Максимов собственными силами и подручными средствами уничтожает источник трансляции вне зависимости от текущего положения отряда в целом или его отдельных участников”.

В текущем положении это значило, что нужно найти место, с которого можно точно навестись на Храм, взять ядерную установку — что бы там мусорщик не нес про закон пустошей, а Максимов считал ее трофеем Военного института, — и сделать один точный залп — снаряд должен пробить купол и взорваться внутри, чтобы точно все уничтожить.

К счастью, силовая броня отлично распознавала пусковое устройство, стоило его только положить на плечо, и включала интерфейс наводки в визоре. Еще один маленький секрет Военного

института и причина, по которой особист настаивал, что он будет один из носителей брони, хоть и на самом деле ему не очень хотелось питаться жижей и ходить под себя.

Вот только осуществить это будет очень затруднительно. Скажем, нейтрализовать Пятую и пересечь ржавый ров будет несложно. Но внутри города им точно зададут жару.

А еще сложнее будет объяснить двум этим гражданским, почему нужно поступить именно так, а не иначе. Они ни за что не согласяться палить по театру, пока есть надежда, что собиратель и компания там и все еще живы.

“Делегация”, как назвал их генерал, отсутствовала уже сорок минут и скоро можно будет попробовать с ними связаться, и Максимов надеялся, что мусорщик ответит, что у них там все в порядке. Да, он не был согласен с дипломатическим путем решения проблемы, все это смахивало на огромную ловушку, но и рисковать своей шкурой, идя на прямую конфронтацию в самом гнезде врага, только потому что так приказал генерал — тоже не хотелось.

Особист отдавал себе отчет и в том, что у него проблемы и с субординацией и с долгом. То, чего профессия требовала от него находить в других и использовать, в себе он отыскивал с трудом.

Но вокруг Пятно, враги и совсем не те люди, с которыми можно эффективно прыгать на амбразуру. Приходится работать с тем, что есть.

* * *

Сраная жестянка не работала! Лена пошевелила рукой. Затем ногой. Каждое движение давалось с трудом, в механизмах что-то трещало и терлось друг о друга, будто в них насыпали песка. Появилась тяжесть — будто включили гравитацию и теперь она чувствовала огромный вес брони, который на нее надели.

По-хорошему, нужно было кому-то сказать об этом. Но капитан Максимов был последним человеком, к которому Лена хотела бы обращаться. Он казался таким же, как силовая броня — мощным снаружи, напыщенным, со стальной корочкой уверенности, но внутри — слабая потеющая плоть, которая не знает что делает.

А Артем ушел туда, за мост. Какого черта он все время вел эту колымагу? Какого черта единственный человек, которого она не боялась во всей этой компашке — все время был не рядом?! Она бы

хотела поговорить, рассказать, поныть — о том, как ей тяжело и неудобно внутри этой брони, что аж даже спать приходится стоя или сидя, о том как плохо подогнанные для ее небольшого хрупкого тела сочленения натирают, о том как это, в конце концов, унизительно — писать через трубочку.

Но еще больше ей хотелось бы рассказать о том, как ей страшно. Рано или поздно силовая броня встанет окончательно и превратится в консервную банку с живым мясом внутри. И ей придется вколоть вакцину, которая, кажется, навсегда изменит ее жизнь.

А еще ведь между открытием брони и временем, когда укол начнет действовать, даже если его смогут поставить в ту же секунду, пройдет какое-то время. И все это время радиация будет просачиваться внутрь ее тела, выбивать молекулы из мест, где их вообще не надо трогать и разрушать ее нутро, превращать в кровавый кисель…

Лена понимала, что ее поведение абсурдно: страх перед необходимостью выйти из силовой брони не дает ей рассказать о проблеме, что в свою очередь лишь приближает неизбежное.

Они проходили это в университете. Когнитивные искажения. Они мешают ясно мыслить, создают большие проблемы в науке, жизни, отношениях и… убивают в пустошах.

— Фонарев не отвечает, — голос Максимова в интеркоме вырвал ее из круговерти тревожности в еще менее приятную реальность. — Уже прошло больше часа.

— Переговоры не длятся быстро, — ответил на это Илья.

— Но ответить-то можно было, — возразил особист. — У меня прямое указание из Атома: если делегация не отвечает, то план меняется.

— Меняется? Что это значит?

Лена слушала их, сжимая и разжимая пальцы силовой перчатки. Ощущение было такое, что ей приходится сжимать эспандер килограммов на двадцать. А потом ее внимание зацепилось за столб пыли на горизонте. Она единственная, кто смотрела не в сторону центра, а в стеклянное море.

— Что это? — перебила она мужчин.

— А? — Максимов повернулся на нее.

— На горизонте, вон там, — она с трудом подняла правую руку, чтобы указать на пыль.

— Сссууу… — Максимов развернулся и побежал к мосту. Лена смотрела на него с завистью. У нее бы сейчас точно так побежать не получилось. Лучше вообще не двигаться на всякий случай. А потом загрузиться в десантный отсек и не подавать признаков жизни до самого Атома.

Если, конечно, повезет туда вернуться.

— Эй, как там тебя… Пятая! Что это? — металлически кричал Максимов на всю пустошь.

— Чего орешь, гладкокожий? — гуль появилась из здания поста.

— Вы вызвали подкрепление?! — продолжал орать Максимов, приближаясь к ней на высокой скорости. Он ее сбить с ног хочет? У этих костюмов огромная инерция — Лена лишь недавно успела к ней приспособиться.

— Это Иволга со своей шайкой, — спокойно произнесла Пятая, — покинули периметр, едут домой наконец-то. Это их тупое добровольное изгнание закончилось, я полагаю.

— Мои люди не отвечают, — не унимался Максимов. Они ужасно контрастировали в диалоги. Гуль была даже слишком расслаблена и спокойна, тогда как особист обливался бы водой негодования, если бы сталь могла потеть. — У вас что-то произошло, да? И вы их вызвали?

— По моим каналам все в порядке, — пожала плечами Пятая. — Да не переживай ты так, железный, заржавеешь раньше времени. Седьмой только на морду страшный, а так он отходчивый.

— Что-то и правда не так, — сказал Илья по внутренней связи.

Даже если так, подумала Лена, что мы-то сделаем? Мы тут, за рвом, в дурацких стальных костюмах, транспортер вести некому и к ним движется чрезвычайно вооруженная группа не очень добрых гулей.

Но вместо того, что бы озвучить эту обреченность, Лена разлепила губы, зажала кнопку связи и произнесла:

— Илья… пока они не прибыли, а Максимов не сделал ситуацию еще хуже, — она не сомневалась, что он сделает, — мне нужна твоя помощь.

* * *

Артему снился странный сон. Капитан Максимов — совсем не в силовой броне, а при параде, в фуражке с кокардой в виде модели атома, орет ему в лицо:

— Прием! Артем! Собиратель, твою мать… Отвечай! Как у вас обстановка? Прием!

При этом голос шел как будто издалека, да еще и перебивался помехами, хотя круглое пухлогубое лицо особиста вот оно — прямо перед носом…

Я лежу, подумал Тема. Я лежу, а это разрывается рация где-то рядом. Ребята, оставшиеся за рвом, переживают. Надо бы им ответить… но что? Я лежу на полу, меня сразила ужасная мигрень, которую, кажется, наслал огромный мясной мешок под куполом театра?

Тема открыл глаза и увидел его — этот самый мешок. Плоть легко покачивалась и не то чтобы пульсировала, а скорее сокращалась, будто что-то внутри, под кожей, постоянно перемещалось.

Затем собиратель повернулся на звук — и чтобы найти рацию, и ради сохранения психики. Постоянно смотреть на этот отвратительный сгусток было просто невозможно.

Рация была рядом, но… она была обвита небольшой щупальцей, которая медленно утаскивала ее прочь — куда-то под уцелевшие ряды партера.

— Черт, — прошептал Тема, перевернулся на живот, встал на четвереньки и попытался добраться до дурацкого отростка и отобрать рацию. Его мутило, как после долгого дневного сна, когда не помнишь какой сегодня день, месяц и год, руки слушались плохо и в конце концов рация исчезла где-то между мотков проводов и ошметьев отвратительной плоти. Голос Максимова исчез вдали.

Тема еще раз выругался и только сейчас догадался оглядеться.

В зал набилось куда больше гулей, чем он запомнил. Не меньше десяти человек активно суетились и среди них нигде не было видно Второго.

А еще нигде не было ни Ская, ни Панина, ни Марты.

Что происходит?

— Эй ты! — его заметили, какой-то высокий гуль-мужчина наклонился над ним и сказал, — ну-ка сиди на месте и не двигайся.

Голос звучал спокойно. Не угрожающе, а как бы предупреждая.

— Будешь дергаться — мозги из ушей полезут, — продолжил гуль, — Пришедший так и убить может…

— Это Пришедший? — задал Артем вслух первый вспыхнувшей в голове вопрос.

— Да. Повезло тебе, академовскому, его узреть.

— Где все?..

— А, — гуль огляделся. — Это тебя надо спросить. На одного из ваших защитный рефлекс Первого вообще никак не подействовал и пока Захар искал способ, как все это прекратить, а вокруг началась суета, он сбежал.

— Он робот, — выпалил Тема, — синт. Не наш. Из Нового союза.

Гуль повернул голову набок, его взгляд внимательно шарил по лицу Артема. Будто проверял, не повредился ли тот разумом.

— Что ж, это многое объясняет, — гуль кивнул, — куда он мог пойти? Что ему нужно?

— Понятия не имею. Я думал, то же, что и нам — остановить трансляцию…

— М-да, толку от вас, гладкокожих, конечно… — это прозвучало обидно, но в словах гуля все еще не было злобы.

— Где… остальные?

— Ваша оголтелая женщина сбежала с криком “я на это не подписывалась!”, как только очнулась. У нас не было времени ее остановить, поиск вашего этого… робота поважнее.

Артем хотел спросить про Ская и еще — воды, но не успел. Кто-то крикнул “наверху!” и спокойный гуль исчез, вокруг снова началась суета. Раздались крики, какая-то быстрая тень метнулась с ярусов вниз, раздались звуки раздираемой плоти, кто-то упал прямо перед Артемом и под ним сразу натекло много красного, а потом это все отошло на второй план, потому неожиданно стало трудно дышать.

Отвратительная кожаная удавка захлестнула шею и потащила его куда-то. Плечи врезались в углы столов, серверных шкафов, ноги волочились по проводам, выцветшим ковровым дорогам, а потом стало совсем невыносимо — его подняло и ноги зависли в воздухе. Он попытался вздохнуть — не вышло. Зрение стало наливаться кровью, и неожиданно открывшийся панорамой зал, где происходило очень много движения, будто накрыло красным туманом.

А потом спина ударилась в стену, руки и ноги обхватили кожаные щупальца и удавка на шее немного расслабилась. Артем широко открыл рот и сделал очень глубокий, захлебывающийся вдох.

И посмотрел вниз. Там, среди нескольких трупов гулей стоял с ног до головы покрытый кровью Роман Панин. Он уверенно стоял в проходе, уперев руки в бока, а его голова была поднята вверх — он смотрел прямо на Пришедшего.

Ч4. Глава 6

— Ну привет, старый друг, — Роман Панин тяжело сел в одно из кресел перед компьютерным столом. Несмотря на уверенный вид, видно было, что его все же серьезно потрепали. — Я знаю, что ты слышишь. Возможно, даже улавливаешь каждую мысль в этом паноптикуме.

Друг? Что этот андроид несет? Артем попытался пошевелиться и человечье щупальце сильнее надавило на шею.

— Судя по всему ты продолжил эксперименты вдали от дома, — продолжал андроид. — Похвальная приверженность своему делу. И ужасное, абсолютно невероятное нежелание делиться с близкими.

Роман здоровой ногой легонько пнул труп гуля у своих ног. Приглядевшись, Артем опознал охранника Митю. Зря ты нас пустил, Митя, подумал он.

— И у тебя вышло, надо же. Да, со своими побочными эффектами и изъянами, с этой отвратительной массой вместо кожного покрова, с этой… гримасой… но все же в человеческом облике! Потрясающий прогресс. Жаль только немного не успел, да?

Панин, или кто он там на самом деле, откинулся на спинку, чтобы смотреть наверх, в купол, куда сходились все животного вида отростки, сливались вместе и провисали в центре единой люстрой из человеческой плоти.

— Даже хорошо, что ты не можешь ответить, — продолжил робот свою тираду. — Можно немного насладиться монологом, поучением, так сказать, прежде чем перейти к главному. Мы так много сил и средств потратили, чтобы доставить этого синта к тебе. Думаю, мы вполне имеем право прочувствовать момент. Ты сбежал, Олег Эдуардович, признай это. Схватив с собой всех своих обожаемых питомцев. Петрова, Бондаренко, Лукьянову, Хейденберга. Всю интеллигентскую сволоту со всеми их пробирками, книгами и формулами. Всех этих держателей фиги в кармане белого халата.

Роман обратился к этому существу по имени отчеству, как в довоенные времена, как будто общался… с коллегой? И эти имена, которые он перечислил… это ведь известные имена, некоторые из них

— вроде Лукьяновой, — отлиты в бронзе истории Атома, а некоторые, как Хейденберг, например, вписаны в историю как имена довоенных легендарных изобретений.

— Конечно, когда пришло время нажимать красные кнопки, нам было уже не до Сибири и уж тем более не до тебя. Просто пришлось воспользоваться старыми разработками. Вколоть себе эту вашу жижу, подключить себя к серверам в бункерах и… стать такой же мерзостью, как ты сейчас. Даже не думал, что у тебя получится провернуть это с собой. Здесь, автономно от всех и, что самое главное, без моего приказа! Я был уверен, что к тому моменту вы все, ссыкуны, и в туалет без моего слова сходить не могли…

Риторика Панина изменялась на глазах. С него будто сходила какая-то навечно прилипшая маска и наружу выходил кто-то… кто-то древний, ужасно обиженный и очень злой.

— Если ты помнишь, Олег Эдуардович, я не прощаю предательств. Никогда. У нас было только два правила — своих не жрем, как предки, но и не предаем. Конечно, я очень рад, что ты не сбежал на Запад или, что было бы даже логичнее, к Китаю. Я думаю, покупателей и покровителей у тебя нашлось бы много. Но ты остался на родине, хоть и очень далеко от ее сердца. Это тебе зачтется. Тем более, что дело давнее. Будь я мелочным и мстительным, как вы все за моей спиной думали, то я бы с удовольствием дал вот этому вот парнишке, — Роман кивнул в сторону Артемия, — сделать, то, что он хотел. Или разрешил бы их опричнику жахнуть по тебе из ядерки. Но вместо этого я предпочту дипломатию и практичность. Цени это.

Я хотел поговорить, хотел бы сказать Артем, ничего такого против Пришедшего я не замышлял. Я просто хотел остановить эту чертову трансляцию и спасти свой дом.

Неожиданно все огромное помещение заполнило шипение. Белый шум, как на пустой радиоволне. Потом все стихло и раздался искаженный помехами голос. Очень узнаваемый. Жители Атома слышали его каждый день — голос проповедника из трансляции Нового Храма.

— Ты зря думаешь, что я не могу ответить, — конечно, голос шел из невидимых, сожранных органикой репродукторов, но казалось, что говорит именно эта отвратительная масса, свисающая с далекого

купола. — Я могу все. Но очень хотелось послушать, что ты скажешь, Роман Романович.

— О, так даже лучше, — отозвался Панин, не показывая смущения. Впрочем, с чего бы это делать андроиду.

— Как ты оказался здесь? Этот синт — это же просто передатчик, верно?

— Конечно, — легко отозвался робот, — довольно сложно поддерживать связь так издалека, но можешь быть уверен, я все такая же скользкая мясная куча с проводками, как и ты.

— Спутники, — коротко бахнул репродуктор.

— А ты догадливый. Да, те, что уцелели. Не всегда связь стабильна, но… поуправлять телом, похожим на человеческое — до чего же удовольствие. Даже если бы ничего не вышло, и мы тебя не нашли, все равно стоит того.

— Значит, перевод на китайский… — голос пропал в помехах.

— Тоже верно! Браво! — Роман похлопал в ладоши, эхо многократно повторило аплодисменты, будто в этом огромном зале были зрители. — Пришлось повозиться, конечно, наладить связь с местными ретрансляторами — а их очень мало уцелело, — и вуаля!

Артем снова дернулся. Значит, это все он. Все беды из-за этого дурацкого андроида, который, получается, и не андроид вовсе, а такой же Пришедший, только где-то там, в Новом Союзе. Это он включил китайскую трансляцию, это он призвал Орду на Сибирь…

— Зачем?! — хотел крикнуть Артем, но почти сразу задохнулся, удавка больно надавила на кадык.

— Хороший вопрос, — отозвались репродукторы. — Зачем?

— Я думал ты его совсем там придушил, а он смотри, кричит еще, — Панин как будто даже озабоченно посмотрел на Артемия. — Что ж, очевидно, что в текущем, абсолютно неприемлемом виде, все эти квазигосударства на территории Сибири возвращаться в законную и родную гавань не захотят. Значит, с ними надо разобраться. А потом… ну да ты знаешь все это, господи, проворачивали с десяток раз!

— А потом армия Нового Союза приходит и освобождает Сибирь от иноземных захватчиков, — продекламировал Пришедший, — смотрю, твои методы не изменились за столько лет.

— Не можем же мы уничтожать наш народ, пусть и изрядно выродившийся в своих взглядах, в самом деле?

— Надо ли понимать, что у вас наготове армия синтов?

— Об этом мы будем говорить не сейчас, друг мой, — отозвался Панин. — Но у Нового Союза есть мощности и потенциал, каких, как я понимаю, сейчас нет ни у кого на планете. Но чтобы этот потенциал раскрылся — нам нужно все вернуть. Вернуться к довоенным границам.

— Ты хочешь, чтобы я присоединился?

— Да. Старая гвардия будет в сборе. Останется лишь собрать страну по кусочкам и восстать из пепла.

— Жаль, конечно, что теперь тебе речи не пишут специальные люди, — в репродукторах слышалась насмешка. — Мне-то что с того? Я и без Нового Союза прекрасно справляюсь.

— Вот это уже разговор. Поторгуемся. Смотри, ты тут, конечно, хорошо устроился, и Потомки эти твои — очень интересно. Но что дальше? Размножаться они не умеют, свое идеальное государство не построят. В сражении даже с подбитым синтом, как вот у меня, выстоять не могут. Не захочешь присоединяться — не надо. Подождем пока тебя сожрет Орда, а если и она не справится, что ж… вырежем тебя из этого красивого здания сами. Ты, Олег, правда, ужасно портишь интерьеры.

— Это не торговля, это шантаж.

— Да? Ну, скажем так, у меня просто больше козырей. Ты знаешь, изначально мой план не предполагал с тобой сделок, потому что я решил, что ты тронулся башкой — такую пургу в эфир вещать! Так что прими это как милосердие с моей стороны. Игры в местного божка закончились.

— Зачем ты вообще это предлагаешь? Раз у тебя есть армия роботов, то я тебе не нужен.

— Ну как… мне все же будет нужен полномочный представитель здесь. Мои глаза и руки в Сибири… ну или что там у тебя вместо них. Гораздо проще, если это будет старый друг, не правда ли?

— Как бы ты хотел отрастить свои щупальца от Калининграда до Владивостока, Роман Романович… столько лет прошло, а все еще мнишь себя императором.

— То генсек, то император, — это что, смешок? — Вы все горазды давать прозвища. Конечно, если бы я мог отрастить… щупальца, как ты говоришь, на такое расстояние, то ты был бы мне

совсем не нужен. Но раз ты есть… согласись, это очень удобно! И у тебя остается твоя вотчина, она даже расширится — всей Сибирью будешь управлять.

— И мои дети должны быть защищены и в безопасности.

— Конечно. Как угодно. Местные, наверное, не очень будут этому рады, но… уголовка за любое преступление против гулей и принудительная ссылка. Все как в старые-добрые. Даже лучше — теперь есть куда ссылать.

— Может быть, тебе Сибирь для этого и нужна? Будешь совсем как истинный император.

— Какая тебе разница? Решайся. Лучше предложения не будет. Скажи “да”, и я налажу нам прямую связь. Вольешься, так сказать, в круг избранных.

— Нас много осталось?.. — искаженный голос как будто затих. Будто вспомнил кого-то. С кем вместе работал, долгие годы делал одно дело… и скучал по ним.

— Ты удивишься, — ответил Панин.

— Что будет с Сибирской республикой и Атомом, если я соглашусь?

— Будут присоединены к Новому Союзу, конечно. С огромной благодарностью, ведь мы спасем их от Орды. Тех, кто выживет, конечно.

Артем снова дернулся, но у него осталось так мало сил, что удавке даже не пришлось на этот раз затягиваться.

Все что он понимал, это то, что перед ним прямо сейчас заключалась сделка — сделка двух людей времен войны, правителей, тех самых, что нажали кнопки и начали все это… и все они, Атом, Сибирская республика, тысячи людей, тысячи новых поколений, на которых этим древним кучам мяса абсолютно насрать… все они — просто разменная монета в их желании стать снова великими.

* * *

Скай чувствовал как волны психического воздействия, потоков боли, со стороны Второго силятся надавить на все болевые точки в мозгу разом. Но это не работало.

А вот обещание одним ударом пробить грудную клетку и через спину вытащить сердце — да. Юрий держал Второго одной рукой за

плечо, а кулак второй упирался ему между лопаток, под костяшками чувствовались податливые позвонки.

Он давно научился чувствовать свою силу и скорость. И он точно знал, что захоти он — и все это сломается под его руками и останется только развести пальцы и схватить ими трепыхающийся кровяной насос. Наверное, он у гулей тоже весь в рубцах и рытвинах, как и их лицо.

Револьвер как угроза был бы все-таки привычнее, но он, к сожалению, остался там далеко, в транспортере. Придется действовать физически и грубо.

Еще он думал о том, что сейчас предает доверие всех, кого встретил на этом пути. Неизвестно, что там в шестеренках у робота Нового союза или в спекшихся мозгах Марты, но вот атомские… они явно доверились ему, точнее даже привыкли доверять. Ведь он, Юрий Скай, сказочный герой из Сибирской республики, никогда их не подводил.

Артем будет в ужасе точно — он, кажется, проникся симпатией к этому Второму, который наверняка плотно присел собирателю на уши, пока они преодолевали Стеклянное море… А теперь Скай ведет этого Второго, который еще и, по ужасной иронии, выглядит как невинный ребенок, как заложника.

Они шли глубоко вниз, в систему бункеров под Оперным театром. К его цели, как солдата Сибирской республики. Настоящей цели. Да, конечно, Орда была проблемой, проблемой, которую следует решить.

Но есть и другая. Юра вспоминал шахты Кузбасса, изможденных работяг, которые поднимались из штолен и с каждым днем выглядели все грустнее и злее. Вспоминал веерные отключения электричества в Красноярске — нужно было выбирать время, когда греть воду, чтобы помыться, успевать воспользоваться вечерним светом, чтобы почитать перед сном перед тем, как весь район погрузиться во тьму…

Уголь заканчивался. Точнее, заканчивалась та его часть, которую Сибирская республика могла добывать. Для более глубоких залежей попросту были утрачены технологии — как и для разведки новых пластов…

Как когда-то у богатых королевств пустели золотые рудники, у страны, которая изо всех сил старается показать себя сильной, кончалось ее черное золото.

Вариантов было не очень много — либо найти способ восстановить разрушенный каскад ГЭС на Енисее, что не представлялось возможным с текущими ресурсами, либо прибрать к рукам Атом с его действующей гидроэлектростанцией на Оби, которая гораздо слабее всего того, что было уничтожено, но она все же была и работала!

Поэтому пришло время архивов. Тайных, секретных. И задолго до того как появилась Орда и первые слухи о некоей трансляции, что манит их к Новосибирску, они нашли кое-что еще.

Надежду.

Надежда выглядела как обычная довоенная папка с грифом особой секретности под заголовком “чистая энергия”. И ее содержимое тоже вело сюда. В центр огромного новосибирского Пятна под Новый Храм, глубоко под землю.

И эта надежда укрепилась, когда Скай увидел, что центр города уцелел и что в этом центре светятся окна жилых домов.

У них не было ничего, ни газа, ни угля, которые они могли бы сжигать. У них не было уцелевший ТЭЦ, где это можно было бы делать. Конечно, это могли быть солнечные панели, ветряки или что-то еще. Но… что-то подсказывало, что гули не договаривают. Что их электричество — это дар Храма, точнее его глубин, того, что гораздо важнее, чем этот мясной куль, называющий себя Пришедшим.

Просто так центр города прототипом противоракетной защиты не накрывают. Даже чтобы спасти свои шкуры.

— Направо, — сказал Второй на очередном повороте и снова предпринял попытку ударить волной боли по мозгу Ская.

— Хватит, — ответил он на это, — не сработает.

— Видимо, вакцина Хейденберга дает больше, чем мы думали, — ответил на это гуль, слегка повернув голову в очках.

Бетонные коридоры с тусклым освещением. Редкие металлические двери. Гермозатворы каждые пару десятков метров. Лестницы вниз. Некоторые — действительно ведущие куда-то, некоторые — затоплены под завязку. Скорее всего, намеренно довоенной системой защиты, когда стало понятно, что пришло время хоронить неприятные секреты.

Их голоса во всем этом отдаются гулким едким эхом, как будто само прошлое участвует в разговоре.

— Да, — просто ответил Скай. Скрывать что-либо уже не имело никакого смысла, — помимо регенерации, силы и скорости есть еще кое-что. Гораздо более важное. Приспосабливаемость. Каждая эта ваша психическая атака обучала мой организм терпеть ее, подавлять боль. Тоже самое с радиацией. Изначально никто из суперсолдат не был к ней устойчив. Но постепенные дозы, увеличивающиеся каждый раз…

— Кто-то назвал бы это пыткой.

— О, это и была пытка. Но уже, к счастью, добровольная. Те кто вколол мне вакцину, были гораздо хуже.

— Сочувствую, — без всякого цвета в голосе сказал на это Второй. Ничерта он не сочувствовал. Возможно за столетнюю жизнь у него в принципе атрофировались все эмоции. Или сошли вместе с кожей при трансформации.

Такие мысли немного облегчали душу Ская. Он все же не привык брать заложников. Это было… вразрез с его внутренним компасом. Да, этот Второй прикидывается кротким и миролюбивым, прикрывается своим невинным внешним видом, но внутри он — циничная бесчувственная оболочка от человека с давно отгоревшими нервами.

— Наш тренер говорил избитую довоенную фразочку. “То что нас не убивает, делает нас сильнее”. Он говорил, что десятки лет люди ее мусолили, хотя она буквально не имела смысла — то что тебя не убило просто тебя калечило, ломало и награждало посттравматическим расстройством. А потом вакцина Хейденберга наконец-то наделила ее смыслом.

— Глубоко, — хмыкнул Второй.

И наконец-то остановился. Перед очередной гермодверью, которая на этот раз, для разнообразия, была закрыта.

— Здесь, — сказал он. — Понадобится четыре руки.

— Хорошо, — просто ответил Скай, — сейчас я тебя отпущу. Но думаю, ты понимаешь, что твое положение от этого не изменится. Мне достаточно мгновения, чтобы среагировать на любую глупость.

Второй только кивнул.

Открывал дверь, судя по всему, электромеханический привод, а вот отжать ригели, которые его удерживали в герметичном состоянии нужно было ручками. Поэтому Скай схватился за вентиль побольше —

отвечавший, видимо, за герметизацию, а Второй — за такой же, но поменьше, работающий как обычный замок.

Сначала пошло тяжело, но потом в полотне затвора что-то громко ухнуло, тяжко проскрежетало и вентиль дальше поддался легко.

— Теперь надо отойти, — предупредил Второй. — Вот сюда, за рельсу.

— Напоминаю, что глупостей лучше не делать, — на всякий случай сказал Юрий, отходя за дугу утопленного в полу рельса, который заметно блестел серединкой — дверь открывали не так уж редко.

Гуль нажал грубую промышленную кнопку, где-то за перекрытиями загудел привод и дверь тяжело, но бодро откатилась. Совет отойти подальше оказался полезным — дверь могла сшибить с ног и обычного человека, и супера.

Внутри открывалось большое помещение — со вторым светом и мостками, исчезающим далеко наверху потолке, застекленными отдельными помещениями и многим другим.

А в середине, за тройным ограждением с полустертыми предупреждающими надписями, тихо и красиво светилась она — плазма. Документы не врали. Юра моргнул и ничего не пропало. Он смотрел на установку термоядерного синтеза. Рабочую.

— Красиво, правда? — спросил Второй. — Это то, что вы хотели. Довольны?

— Более чем, — Скай чувствовал, как ему становится легче, как крылья выполненной миссии — не до конца все еще, но на девяносто процентов — приподнимают его над полом. — Наконец-то Сибирская республика получит мощь, которую заслуживает.

Второй тихо засмеялся. А потом пошел к большой контрольной панели, которая занимала почти полстены. Скай в этом ничего не понимал, но ему думалось, что такие же были на атомных электростанциях когда-то.

— Почти всю мощность установки сжирает она же сама на собственное поддержание, — говорил Второй, показывая на различные датчики. — Остальное жрет Пришедший наверху и вся его инфраструктура — сервера, дублирование систем и всякое такое. Ну и небольшие крохи остаются нам, чтобы не страдать без энергии. На небольшое поселение с мизерным производством хватает. Но на

большее… Увы, солдат, вольно. Этих мощностей не хватит, чтобы помочь вашей республике.

Не похоже было, что Второй врал. Но он все же упускал важное — наличие работающей технологии. Да, добиться того же результата будет сложно, не говоря уже о масштабировании, но обратный инжиниринг творит чудеса… Во всяком случае, Скаю очень хотелось верить в талант инженеров и ученых республики.

Есть, конечно, маленький нюанс — для этого установку надо отключить. Что, скорее всего, убьет Пришедшего, а все поселение оставит ни с чем. С другой стороны… это решит и проблему с Ордой, не так ли?

— Я знаю о чем вы думаете, — вежливо сказал Второй. Он исподтишка наблюдал, — но не думайте, что ее можно так просто выключить. Процесс самоподдерживается и никто из нас не знает, как это остановить. Тут нет рубильника, который заглушит реакцию, как на классический атомных станциях. Или есть, но мы о нем ничего не знаем. К сожалению, это наследство досталось нам без инструкции.

Неважно, думал Скай, изо всех сил гася внутри себя разочарование. Это все неважно. Его дело сделано — главное отчитаться. Установка существует, в таком-то виде, добираться так-то. Дальше дело за спецами.

— Если мы здесь закончили, — продолжил Второй, — то я бы попросил вас вернуться к тому, что происходит наверху.

Где, возможно, Пришедший продолжает прожаривать мозги Артема и Марты. А синт Панин… куда-то подевался и делает что-то еще. Возможно, тоже ищет источник чистой энергии и прямо сейчас приближается сюда.

— Да, — кивнул Скай, — остановить трансляцию. Как это сделать?

— Поговорить с Пришедшим, — просто ответил Второй.

— Это возможно? Просто встать под куполом и поорать?

— Можно и так, — гуль бесцветно улыбнулся, в глазах за очками ничего не читалось, — но лучше подключиться напрямую.

— А если он откажется?

— Я поговорю с ним еще… — Второй помялся. — Видите ли, это для Седьмого Пришедший — бог, тот, что вещает в одну сторону, говорит с нами через трансляцию и все что от нас требуется —

правильно ее интерпретировать. Но для меня он… друг. Друг, который не только вещает, но и иногда слушает. Но для этого обычное человеческое общение не подходит.

Они остались внутри помещения с термоядом, но ушли в сторону, куда-то за стеклянные кабинеты и тут снова пошли металлические двери, но уже обычные. На одной из них было написано “Центр управления (зап.)”.

— Что это? — спросил Скай. Второй бросил взгляд лишь мельком.

— Резервный пункт управления… вооруженными силами.

— И… он работает?

Второй вздохнул.

— Если я не отвечу, вы снова начнете угрожать раздавить мне сердце так что… нет. У нас нет. У Пришедшего — да. Там все в его органоидах. Так что при необходимости он может ее активировать. Но, как мне кажется, это ни к чему не приведет. Арсенал был либо исчерпан, либо уничтожен во время Первого дня.

— Почему вы называете день апокалипсиса — первым?

— Потому что тогда умерла ваша цивилизация и началась наша. Во всяком случае в риторике Пришедшего, который считает нас… своими детьми, что ли? Своими Адамами и Евами.

— И ты веришь этому?

— Я не Седьмой. Я прагматик. Да, мы тогда родились. В смысле, по-настоящему, как Потомки. Прошли трансформацию — сразу или несколько погодя. Но это ничего не значит. Человечество просрало и себя и планету. И за сто лет ничего не изменилось. Разум, возможно единственный во вселенной, все еще на грани гибели. И продолжает уничтожать сам себя.

— Что значит…

— Что это Первый день отсчета до нашей полной и безвозвратной гибели.

— Пессимистично.

— Если среди вас до сих рождаются оптимисты — значит, вы действительно раса глупцов, как считают многие из наших.

Скай только хмыкнул. И правда. Время оптимистов закончилось давным-давно. Еще задолго до того, как сильные мира сего стали хвататься за свои ядерные чемоданчики и пускать их в ход.

— Мы пришли.

Это была дверь без всяких надписей. И она была не заперта. Второй прошел внутрь и Скай последовал за ним.

Это было небольшое, но высокое помещение. Юрий невольно почувствовал себя в стакане. И оно было полностью заполнено щупальцами и отростками Пришедшего — толстыми, безобразными и шевелящимися.

— И что это?

— Переговорная, — ухмыльнулся Второй. — Предупреждаю, вид процедуры может быть слегка шокирующим.

Он прошел в середину комнаты, повернулся к Скаю лицом, раскинул руки в стороны и закрыл глаза. Щупальца будто среагировали на это, отлепились от стен, острые концы со странным наростом стали будто искать что-то в воздухе, а потом резко, одна за другой — стали впиваться в спину Второго, тот молчал, продолжая стоять неподвижно, только слегка сотрясаясь от тычков. Когда щупалец стало больше десяти, они медленно подняли Второго в воздух и там он завис — облезлый подросток в очках, распятый на мясных щупальцах.

Ч4. Глава 7

Единственное, что Артем точно понимал — это то, что он не хочет прихода Орды и смерти всех, кого он знает. И что он точно не хочет жить под пятой буквально потерявших человеческий облик правителей вековой давности. И то что все это пора прекращать.

Но вот беда — он ничего не мог поделать. Он безоружен, он прикован к стенке большого театрального зала, который будто украсили к спектаклю про ужасное и чужеродное.

Вот только это не спектакль. Это гребаная абсурдная реальность, в которой Пришедший лишь по случайности, видимо, все еще не сломал Теме шею.

Но раз он еще жив — что-то еще можно сделать.

Например, дождаться помощи. Собирательский мозг привык думать в парадигме одиночки: я заперт, я не выберусь. Потому что так это работает: собиратель Артем по прозвищу Фонарь ходит один и не любит никаких компаний. Никаких команд.

Но сейчас она у него есть. Какая бы ни была. И, раз самому сделать ничего нельзя, нужно довериться.

Один раз он потерялся в Пятне, и они его не бросили, хоть и сочли за погибшего.

Значит, помогут и сейчас. Миссия близка к провалу, да, но они еще не проиграли.

Будто отвечая на его мысли в общий шум техники, в разговор двух древних развалюх вмешался новый — очень знакомый! — звук.

И его источник не заставил себя ждать — прямо через главную дверь в партер влетел дрон Ильи. Он сразу же устремился вверх, воспарил над куполом и… вдруг ужасный скрежещущий писк заполнил все огромное помещение. Будто микрофон поднесли к колонке и акустика оперного зала послушно разнесла этот невыносимый звук по всему помещению.

Трансляция, догадался Артем. Илья запустил трансляцию на своем робошпионе и тот каким-то образом резонирует с Пришедшим, который, надо думать, продолжает ее без остановки, даже сейчас,

общаясь с Паниным. Вот что значит многозадачность! Жаль, что ради этого нужно превратить себя в мясную амебу размером с здание.

Писк подействовал — туша под куполом задрожала и будто даже сморщилась, от чего приняла забавное сходство с мошонкой, удавка на шее и на конечностях исчезла, и Артем оказался на свободе!

Что, правда, привело к свободному падению с нескольких метров высоты. Артем приземлился на ноги, тут же попытался скомпенсировать падение, нырнув вперед и вбок и… в итоге растянулся на полу, стеная от боли в коленях и в поврежденном от удара об пол плече. Но хотя бы ничего себе не сломал!

Он поднялся, быстро оглядываясь, ожидая нападения синта, но того нигде не было видно — в том числе и на стуле, на котором он сидел некоторое время назад.

Свист тем временем прекратился и робошпион, заделав сложную петлю, полетел обратно ко входу, где уже появилась фигура в силовой броне.

Но дрон не успел достигнуть хозяина — мелькнула тень, грохот, искры и прямо перед входом на колене стоит Панин, а его кулак, упертый в землю, полностью окружен пробитым насквозь искрящим робоглазом.

— Так и думал, что надо было сразу уничтожить эту штуку, — сказал Роман и поднялся на ноги. Отряхнул руки для вида.

— Что это значит? — металлический голос Ильи, который занимал весь проем, в акустике зала звучал словно гром с небес.

— То, что ты и так уже понял, — коротко бросил андроид.

— Это ты. Напал на меня в пустоши и оставил там умирать.

— Неверно. Напал и отнес к Скорбной обители, чтобы ты выжил.

— Значит, ты намеренно лишил меня памяти, чтобы…

— Чтобы провести эксперимент, да. И он вышел успешным. Наверное, этого никто пока кроме меня не понял, даже гули. Но трансляция действует на всех, кто частично или полностью потерял воспоминания. Освободил, так сказать, место для нового. Или утратил часть личности, которая блокирует возможность внешнего контроля. Не знаю. Факт остается фактом — повреждения мозга ведут к тому, что Пришедший или его питомцы могут императивно приказывать и эти приказы будут выполнены. Что ведет нас к тому, что Орда сплошь

состоит из абсолютно отбитых в самом прямом смысле слова личностей… и что она управляема.

Так вот зачем ему это все, подумал Артем. Он хочет управлять Ордой. За этим ему нужен Пришедший, чтобы он там не плел про наместника в Сибири.

Тогда ему и армия синтов не нужна будет.

— Все-таки зря ты меня не убил, — сообщил Илья и бросился вперед. Роман явно ждал этого, но не стал уклоняться — и огромная куча стали и тонкий синтетический организм покатились к центру зала, осыпая друг друга ударами. Илья не был бойцом, поэтому его замахи и движения были неловкими, но зато у него было огромное весовое преимущество. А вот синт двигался быстро, плавно и стремился попасть в уязвимые места — в визор и суставы.

Через секунду в зал вбежала и Лена — без костюма! — и она, вот счастье, тащила в руках явно тяжелый и неудобный для нее рельсотрон.

— Как?.. — выпалил Артем, когда девушка приблизилась и сунула оружие ему руки.

— Потом! — выкрикнула она. — Все потом! Седьмой с отрядом сейчас будет здесь, готовый защищать своего бога.

— А где капитан?

— Снаружи. С ядеркой. Он дал нам полчаса. Если за это время мы не остановим трансляцию — он выстрелит по куполу.

* * *

“Те, что ты привел, вот-вот столкнутся с Иволгой. Погибнет много Потомков”.

“Так останови его. Он не должен был возвращаться к Храму. Он выбрал быть изгнанным радикалом”.

“Ты знаешь, что это не сработает, Пророк. Где-то прячется еще один из них, и он вознамерился убить меня. Иволга должен это предотвратить”.

“Их капитан? Я оставил его за порогом”.

“И? Ты думал, что они тебя послушают? Они здесь, и они вооружены”.

“Они просто хотят, чтобы ты перестал проповедовать. Остановил трансляцию”.

“Почему?”

“Потому что она привлекает не только Потомков, но и Орду. Сумасшедшую армаду, которая стремится сюда, в Храм, даже не осознавая этого”.

“Как пустышки?”

“Да”.

“Что ж, можешь не переживать. Я остановлю их, и они не дойдут до Храма”.

“Но перед этим они уничтожат все поселения на своем пути”.

“Да. Поселения выродишихся людей, детей апокалипсиса. Нам нужно заботиться о себе, Пророк. О Потомках старого мира”.

“Это не то, ради чего мы выжили”.

“Нет, друг мой. Это то, благодаря чему мы продолжим выживать и дальше”.

“Я не согласен”

“Как всегда. Но это неважно. Ты знаешь, что тебе придется сделать, чтобы спасти Храм. Снова”.

“Но я не хочу”.

“Тогда погибнут, и они, и я, и весь род Потомков. А люди будут стерты с лица земли Ордой”.

“Из этого есть простой выход. Ты просто замолчишь. Перестанешь проповедовать. Мы не видели новых гулей уже много лет. Возможно, пришло время остановиться!”

“Трансляция должна продолжаться”.

“Почему?!”

“А ты не понял? Эти люди, которые так понравились тебе, добрались сюда без свинцовой скорлупы. Они нашли способ размножения Потомков, который вы не смогли”

“Вакцина”.

“Да. Они добровольно превратили себя в вас ради того, чтобы спасти своих. И раз это наш единственный способ получить новое человечество — трансляция будет не маяком спасения, а угрозой”.

“Станьте Потомками и выживите. Остальных смоет Орда”.

“Ты все правильно понял”.

“Всегда есть средний путь. Компромисс. Мы можем с ними договориться”.

“Ты знаешь, что я не верю в компромиссы. Но ты можешь попытаться. В одном из вариантов”.

“Я не готов. Я не хочу проходить через это еще раз”.

“Это всего лишь расщепление. Ты справишься. Как и всегда”.

Второй открыл глаза. Посмотрел на республиканца сверху-вниз. Тот хорошо держался и смотрел неотрывно, наблюдал за тем, что происходит с ним, Пророком. Стоит признать, что этот солдат прошел много дерьма, раз не отводит взгляд. Второй точно знал, что представляет из себя сейчас довольно отвратительное зрелище: тело конвульсивно дергается от действий щупалец, которые жутко пульсируют, передавая информацию по нервам Пришедшего туда, наверх.

— Твои друзья наверху вот-вот столкнутся с Иволгой, — сказал Второй, медленно опускаясь на пол. Пришедший постепенно отключался. — Я не знаю как, но ты должен это остановить.

— Без потерь среди ваших не обойдется.

— Уже не обошлось, — Захар при разговоре с Пришедшим чувствовал тела своих товарищей там, в зале театра. — Ваш андроид из Нового союза оказался передатчиком сознания Генсека. И он… не считается с потерями ни с чьей стороны.

— Тогда я остановлю сначала его. Это всего лишь робот.

— Хорошо.

— Что насчет трансляции? Удалось?

Второй помедлил прежде чем отвечать. Последняя из тентаклей отпустила его, и он слегка пошатнулся. Поморщился от неприятных ощущения — под прорехами на рубашке быстро зарастали раны от грубого соединения с Пришедшим.

— Нет.

— Тогда мы должны будем уничтожить Пришедшего или найти другой способ это сделать.

— Вы найдете, — Пророк кивнул, — так или иначе. Ты вакцинирован хейдеркой, а значит можешь попытаться сделать то же, что и я сейчас.

— Что? Подключится к Пришедшему?

— Да. Тебя, в отличие от обычного человека, это не убьет. И ты можешь попробовать… одолеть его. Подавить и заполнить его тело своим разумом. Твоя приспосабливаемость… думаю, это вполне реально с такими способностями.

Скай выглядел спокойным, но Второй прекрасно знал, какая борьба сейчас идет внутри него.

— Занять место дракона…

— Как в старой сказке, да.

— И ты позволишь мне это сделать?

— В одном из вариантов — да.

— В одном из… что это значит?

— Для тебя — ничего. У тебя мало времени, супер. Беги, спасай своих.

Республиканец не был простым воякой. Он был умным. И, кажется, что-то все-таки понял. Не поверил, конечно, но понял. Кивнул и побежал наверх.

Второму же предстояла другая работа. Та, для которой Пришедший и наделил его своей силой. Та, из-за которой его и называют Пророком.

* * *

О том, чтобы стрелять в Панина не могло быть и речи — он мелькал слишком стремительно и то и дело в прицел попадал Илья. Выстрелить в мясную тушу под потолком? Вряд ли одно попадание возымеет хоть какой-то эффект. Возможно, только разозлит Пришедшего и заставит его снова брыкаться и хвататься своими щупальцами.

Илья тем временем слабел. Рано или поздно синт его одолеет, вскроет броню — и убьет. Закончит начатое.

— Артем! — металлический голос Ильи, слабый и дрожащий даже через усилитель костюма, отразился от далекого купола. — Пришедшего можно перегрузить. Через компьютеры… если ничего другого не останется… это убьет всех болванчиков…

Откуда он это знает? Он говорил так, как будто передавал важную информацию перед тем как погибнуть. Но он ведь и погибнет! Он же тоже болванчик! Даже если переживет эту битву с Романом…

Тема мог бы помочь ее пережить — как-то отвлечь синта на себя, но… были и другие проблемы. Снаружи приближалась армия, которая убьет их всех.

Нужно было что-то решать.

— Что ты будешь делать? — спросил Артем у Лены.

— Постараюсь доораться до этого! — она кивнула на Пришедшего. Удивительно, но она реагировала на него нормально. Как будто была предупреждена, что именно увидит.

— Тогда я пойду наружу, — принял решение Артем, — продержусь столько, сколько смогу. Тут, наверное, есть выход на крышу… И еще надо остановить Романа.

— Не надо… — Скай появился в одной из боковых дверей. Видно было, что он запыхался. Он. Суперсолдат. Как будто сбегал до Атома и обратно. — Я разберусь.

— Где ты был?!

— Это уже неважно. Твой этот Пророк что-то задумал. Я догадываюсь что, и меня это откровенно пугает, но… Во всяком случае он вроде на нашей стороне. Нам нужно только продержаться. И постараться не убить слишком много его сородичей.

Артем кивнул. Закинул винтовку за спину и направился к главному входу. Лена пошла за ним.

— Ты куда?

— Поднимусь на купол.

— Что?

— Окажусь над ним. Над Пришедшим. Попробую докричаться так.

Это была странная мысль.

— Уверена, что это важно?

— Второй так сказал.

Тема замер на выходе из зала.

— Вы успели пообщаться? Когда?

— Там, у моста… — прозвучала не очень уверенно. Как будто она вспоминает ускользающий сон, который приснился под утро. — Перед тем как вы ушли…

— Кстати об этом. Как вы сюда добрались?

Они поднялись по одной из лестниц на уровень выше. Насколько Артем помнил довоенные схемы, у театра была не самая простая система лестниц и проходов. Но выход на крышу где-то должен быть. Главная забраться повыше.

— Мне пришлось снять броню — вся гидравлика стекла в простенки брони. И я смогла залезть на место водителя в транспортер. Понятия не имела, как им управлять, но Максимов, неожиданно, очень

хорошо умеют давать инструкции… Так что под вопли Пятой мы форсировали ржавую реку и оказались здесь.

— Ты теперь тоже с вакциной?

— Да. Но какое-то время была под прямым излучением. Так что если повезет возвращаться назад, постарайся не обращать внимания на запах. Я там все заблевала на месте водителя.

И она засмеялась — как смеется человек, который точно понял, что ему нечего терять и шансов посмотреть на себя в зеркало в старости не очень много.

— Что ты будешь говорить Пришедшему?

— Еще не знаю. Придется импровизировать. Главное не забыть зажечь шашку, чтобы капитан увидел дым. Иначе все сгорим в ядерном огне. Чего очень не хочется.

Артем хмыкнул. Они зашли в очередную дверь и оказались в длинном помещении, которое хорошо освещалось косыми лучами из немытых окон по всему периметру. Впереди вниз уходили ряды кресел.

— Еще один зал? — спросила Лена. — Какое огромное здание…

— Да, малый зал. Нам надо еще выше.

И они пошли выше, Тема плутал коридорами, изучал выцветшие схемы планов эвакуации и, наконец, определился — увидел дверь “только для персонала”. Толкнул ее. И почувствовал сквозняк. Да, они точно на правильном пути!

Очень низкий технический коридор — и вот они снаружи, на крыше холла, а позади вздымается громада купола.

— Как же затхло там, в театре, — с чувством сказал Артем и вдохнул всей грудью. — Знаешь, что я думаю…

— М? — Лена уже искала глазами техническую лестницу. Скорее всего, она была где-то позади, чтобы не портить фасад.

— Что ты можешь подать сигнал Максимову в любом случае. Хватит с этого мира ядерных взрывов.

— А если это единственный способ остановить Орду?

— Нет. Это просто самый простой. Нам необязательно его выбирать.

Лена задумалась и медленно кивнула.

— Ну… я полезу, — сказала она.

— Подожди, — Артем внимательно посмотрел на нее. — Я очень рад, что ты здесь. И что не пришлось спасать от тебя дьяволицу.

— О, еще не вечер, — и снова этот смех обреченной, — кстати, где она?

— Сбежала, наверное, — Тема пожал плечами, — могу ее понять. Вряд ли она считает, что это ее война.

И они разошлись — Лена пошла по галерее вокруг купола, а Тема взобрался на двускатную крышу малого зала.

И пошел по ней к колоннаде. Скинул с плеча ускоритель. Окинул взглядом лежащую перед ним площадь — кто угодно будет на ней как на ладони. Хорошая позиция.

Ему не хотелось никого убивать. Но, видимо, в этом его роль. Пока команда, каждый своим способом, решает основную проблему, он не даст им помешать. Каждый его выстрел будет щелчком секундной стрелки, которая дает еще немного времени на надежду все же победить.

* * *

Кулак, обнажившийся до белого композитного материала, завис прямо над треснутым визором, готовый с силой опуститься еще раз. Илья закрыл глаза.

Вот и все, подумал он. Умру, так и не вернув себе память. Так и не услышав еще раз далекий голос из-за океана. Звучащий незнакомо и странно, на ином языке, но дарующий надежду — как ни странно не только, что человечество в лучшем состоянии, чем он думал, а и какую-то личную. Как будто он, как человек, вернулся к норме. Что до войны так и было и считалось чем-то обычным: говорить с кем-то из-за океана, из любой точки мира…

Но удара так и не последовало. Другой кулак — быстрый, почти неразличимый от скорости, но точно человеческий, врезался в скулу синта и одним этим ударом снял эту лживую человеческую кожу, обнажив такую же белую композитную поверхность с шестигранными отверстиями и светящийся синий диод под фейковым глазом.

За этим ударом последовал следующий, потом еще и еще — целый град. Синт пошатнулся, сделал шаг назад и в визоре появился Юрий Скай — сосредоточенный, хмурый, уверенный.

Спасибо, скорее подумал, чем сказал Илья и расслабленно откинулся.

Второй успел рассказать два способа воздействовать на Пришедшего не словами, а кодом — нужно лишь получить доступ к компьютеру. Один, который Илья успел передать Артему — перегрузка. Второй, более сложный — перенастройка. Да, Пришедший живое существо, но трансляция формируется не в его органической части, а в электронике, в серверах. А значит ее можно перепрограммировать.

Илья потерял память. Но где-то на кончиках пальцев он ощущал, что ему привычно стучать ими по клавиатуре, привычно видеть строки кода на экране, он работал с этим, может быть, не очень много, но это было частью его ежедневной рутины. В памяти пусто, но может быть что-то более глубокое и древнее вспомнит как это делается. Во всяком случае, он, Илья, разговаривает, знает язык. Код — тоже язык. А значит он где-то в памяти… все еще там.

Илья напрягся, чтобы сесть. Голова закружилась. Да, Панин до него не добрался, броня выдержала. Но его все равно измотало, а суставы болели ужасно — тело не привыкло к резким движениям, еще у усиленным приводами силовой брони.

Он попытался припомнить, когда это Второй успел с ним поговорить, да еще и выдать секреты своего божества, но не смог. Наверное, у моста? Там они виделись последний раз.

Он посмотрел на руку в силовой перчатке. Вряд ли здесь найдется достаточно большая и крепкая клавиатура для этого… Ему придется если не выйти из костюма, то как минимум освободить руки… и впустить радиацию внутрь. А вакцина уже потрачена на Лену. Что ж. Он все равно не сильно верил ни в свое выживание, ни в выживание отряда в целом.

Битва синта и суперсолдата сместилась в сторону. Скай использовал скорость как преимущество: наносил удары, оттолкнувшись от стены, напрыгивал сверху, заходил за спину. Изрядно поврежденный синт двигался медленнее и, кажется, поставил на прочность своего тела. Он почти не перемещался, подлавливал Ская на подходе, ставил блоки, от которых у обычного человека была бы сломана вся кисть руки, контратаковал тонкими и одиночными ударами туда, где людям точно будет больно: в печень, пах, солнечное сплетение.

Нужно было действовать, пока от отвлечен. Юрий силен и вполне возможно одолеет железку, но если нет — нужно действовать сейчас.

Илья тяжело подтянул ноги под себя, силовая броня послушно подняла его в вертикальное положение. Компьютеров вокруг было несколько и, скорее всего, подойдет любой — они точно соединены одной сетью. Илья пошел к ближайшему, на ходу проворачивая и так поврежденное андроидом сочленение между предплечьем и силовой перчаткой, добровольно разгерметизируя костюм.

* * *

Когда Лена и Илья ушли, Максимов как мог замаскировал транспортер в подворотне и вышел на небольшую прямую улицу, которая упиралась прямо в фасад Оперного театра — Храм был как на ладони, нужно было только хорошенько прицелиться. Установка умела стрелять навесом и все что требовалось от него, капитана — это сделать так, чтобы угол встречи снаряда с куполом был близким к прямому. Чтобы уж наверняка его пробить, чтобы взрыв произошел внутри и развоплотил это здание из реальности.

Вместе со всеми кто внутри…

И наконец-то бы все прекратил…

И он бы вернулся в Атом — героем. Пусть и в одиночестве.

Справа по улице стояло еще одно здание, похожее на театр. Бледная желтая краска, колонны, и сохранившаяся, судя по всему с довоенных времен, надпись над ними: “кино ПОБЕДА кино”.

Победа, да, подумал Максимов. Это то, что мне нужно.

Из-под колонн вышла парочка — мужчина и женщина. Они сразу его заметили — еще бы, сложно не заметить огромную стальную тушу посреди дороги. И теперь осторожно жались в тени, не зная, что делать.

— Хватит топтаться, просто валите отсюда! — рявкнул особист. Это сработало — они тут же сорвались на бег и пропали где-то между зданиями. Больше гражданских не было или они хорошо прятались — и это правильно. Хоть какая-то польза от силовой брони, она одним своим видом показывает, что лучше держаться подальше.

Он, к своему удивлению, испытал даже что-то вроде жалости к мирняку гулей. Если все же придется стрелять — значительное их количество погибнет. Скорее всего, стены театра немного сдержат

световую вспышку и взрывную волну, а все остальное гулям не страшно, но погибших все равно будет предостаточно.

Но, может быть, стрелять все же не придется. Максимов, конечно, не верил в гражданских и их дипломатическую силу, но все же…

Он считал, что Седьмой и его отряд ему не страшны — все их внимание будет сосредоточено на Храме, вряд ли они полезут в маленькую улицу в противоположной стороне площади. Но и на этот счет у него была мысль — он просто выстрелит раньше времени.

Наверное, это будет предательство отряда, предательство всех, кто в Храме и все еще жив. Но с другой стороны, долго ли они проживут, если Седьмой со своими ручными баскерами и автоматчиками ворвется внутрь?

Максимов просто сделает их смерть менее болезненной. Они просто мгновенно испарятся и все…

Время тикало. Условленный дым над куполом все не появлялся.

И вот — рев двигателей, крики и на площади появляется зеленый внедорожник, с него и из него сыпятся люди в камуфляже и через площадь бегут к зданию театра.

Отвлекающий маневр, тут же подумал особист. Удар в лоб. Основной отряд скорее всего берет здание в кольцо, пробираясь тихо, занимая позиции…

И тут: раз-два-три… тушки гулей стали падать, одна за другой. Хороший все-таки из мусорщика стрелок. Да, он там, наверное, с каждым выстрелом договаривается со своей совестью, может быть хнычет даже, пытается оправдать себя законом пустошей, в общем, делает все, что нормальный солдат Военного Института умеет подавлять, но мастерства не отнять.

Гули не стреляли в ответ — видимо, не могли направить оружие на свой ненаглядный Храм. Не дай бог пуля сделает дырку в священных стенах!

Как же они, наверное, сейчас Второго матерят! Но что удивляться, пригрели предателя и спокойно пустили его внутрь с группой диверсантов.

А то, что Второй предатель своих, Максимов не сомневался. Ведь именно Второй сказал ему, где лучше всего встать, чтобы точно навестись на здание театра. Он мысленно напрягся, пытаясь

вспомнить, когда это было. Наверное, за мостом? Перед тем, как он увел часть отряда.

Квадратные цифры часов в визоре отсчитывали минуты. Тяжелая, даже с учетом силовой брони, пусковая установка, давила на плечо.

Двадцать минут…

Пятнадцать…

Десять…

Рука сама поднимается и снимает предохранитель.

Пять…

Откидывается прицел, в визоре появляется интерфейс для стрельбы навесом.

Минута…

* * *

Марта, босая, быстрая, пригнувшаяся, с осколком стекла, обмотанным тряпкой на месте “рукоятки”, неслышно двигалась по коридорам бункера.

Сначала она громко заорала, что сваливает — пусть все думают, что она струсила! А сама нашла вот стеклышко, а потом почти случайно забрела сюда — вообще-то хотела попасть наружу, но запуталась в дверях и лестницах, эти дурацкие здания дурацких людишек! Она дьяволица, вот на просторе пустоши она бы никогда не потерялась. А здесь, в этом затхлом царстве скуки и смерти от старости, ее свободная душа терялась.

Но теперь она чувствовала запах — этого мелкого гуля, пацанчика в очечках.

Зря он ее сюда привел. Она всю жизнь только и занималась тем, что гулей ножичком чикала! Ну, может не всю жизнь, но уж когда попадались…

С ними, во всяком случае, гораздо интереснее, чем с обычными городскими, те только верещат и сбиваются в кучки от страха. Иногда, конечно дают отпор, но это просто надо знать кого хватать. Если видишь городского с огромным автоматом, то чего к нему лезть-то? Пусть мимо идет. А вот мелкашка всякая в смешной цветной одежде, как вот Лена эта…

Но облезлые — это другое. Они иначе пахнут, от них фонит, и они, самое главное, совсем не понимают пустоши. У них нет ни малейшего инстинкта, который проявляется даже у городских — если

пустошь намекает тебе об опасности, то поверти ты башкой! Не торчи как олень в полный рост! Но они всего этого не знают, привыкли, что в Пятне никого кроме них нет, вообще не реагируют, когда вокруг все с ними говорит.

Поэтому они легкая добыча. А еще у них самые классные трофеи — то, что самим из Пятна не достать. Оружие какое-нибудь необычное или довоенные штучки, бесполезные, но красивые.

Марта чувствовала, что размякла в обществе городских, переняла их сопливость, но теперь, одна, вновь почувствовала себя собой — хищником, который всегда на охоте.

Она все решит по-своему. Атомские ничего не поняли, думают, идиоты, что всем тут заправляет мешок мяса, свисающий с потолка как освежеванная туша! Конечно, за всем стоит этот Второй, и она сделает так, чтобы он больше не мог втираться в доверие, пудрить всем мозги и, главное, звать сюда Орду.

Городские, конечно, очевидного не видят. Этот Пророк в башку умеет забираться? Умеет! Явно как и Нетопырь этот могет болванчиками управлять, а раз и в черепуху к нормальным людям пролазит, то, наверное, и целую Орду болванчиков может собрать!

Марта глубоко вдохнула. Да, вот он, запашок, она его ни с чем не спутает. Вниз, направо, долго-долго прямо по скучному бетонному коридору, потом снова вниз… и вот она — дверка, небольшая, неприметная, как будто специально так сделанная. На ней что-то было написано и Марта медленно по слогам, шепча каждую букву под нос, прочитала: “Рас-ще-пле-ни-е”.

Дичь какая-то.

Он пристроилась рядом, так, чтобы ее не было видно, когда дверь откроется и стала ждать в засаде.

* * *

То, что Захар рассказал Скаю, было почти правдой. Да, в стабильном, обычном состоянии реактор выдавал довольно скромное количество энергии, большую часть которой сжирал сам.

Но это лишь потому, что создавался он и не для того, чтобы подарить миру дармовую стабильную энергию. В то время, когда установку довели до ума уже было понятно, что не будет уже мира, которому эта энергия будет нужна. Люди были готовы стереть себя с лица земли, даже не понимая, как близко они находятся к, возможно,

решению всех проблем и в первую очередь ресурсных, из-за которых эта сраная война и началась.

Поэтому потенциальная мощь была перенастроена. При нужных параметрах установка могла выдать энергии, достаточной, чтобы зажечь еще одно Солнце. Но — лишь на такой крошечный отрезок времени, который человеческий мозг не способен осознать.

Такая, на первый взгляд, бесполезная способность была похожа на оружие. Можно было зажечь всю планету одним поворотом рубильника. Уничтожить не то, что человечество, а планету целиком.

Вот только зачем?

Поэтому было найдено другое применение.

Которое кто-то остроумно назвал Расщеплением. Последняя надежда. Самый дерзкий способ побега.

Второй усмехнулся, зайдя в привычное гулкое помещение барокамеры, которое поэтично называется “лодкой Наблюдателя”.

Все это было памятником идиотизму человечества. Сильные мира сего готовы искать эликсир бессмертия и способ противостоять радиации. Готовы вкалывать это в себя, даже если это превращает их в спрутоподобные сгустки органики, навсегда привязанные к серверам, куда записывается часть сознания. Готовы были и на облезшее лицо и вечную необходимость облучаться.

И даже на расщепление пространства и времени на несколько разных реальностей, чтобы сбежать в ту, где ядерной войны все же бы не случилось.

Даже это они готовы были сделать вместо того, чтобы просто НЕ НАЖИМАТЬ ЧЕРТОВЫ КРАСНЫЕ КНОПКИ.

Судя по логу, который нашелся здесь, в бункере, Расщепление впервые произошло именно в момент запуска первых ракет. Неизвестно, удалось ли тем, кто это сделал попасть в реальность, где апокалипсиса не произошло. Неизвестно, существовала ли вообще хоть малейшая вероятность его избежать, чтобы такая реальность могла существовать. Но раз они все здесь, посреди уничтоженной Сибири, значит самый первый Наблюдатель либо не нашел реальности без войны, либо был крайним идиотом и просто ее не выбрал.

Второй понятия не имел как это работает, кроме того, что на краткий миг огромный импульс энергии раскалывает пространство и время на несколько кусков, которые дальше продолжают существовать

как отдельные вселенные. Их всегда получается случайное нечетное количество, и они живут лишь несколько часов или дней, а потом схлопываются.

Поэтому нужен Наблюдатель. Как в квантовой физике. Доброволец, которого посадят в барокамеру. Он, находясь в центре импульса, расколется вместе с реальностью и сможет наблюдать все новые вселенные, причем ретроспективно — потому что его взгляд, вышедший за пределы четырехмерного пространства, сможет обозревать небольшой кусочек временной линии впереди и позади точки импульса. И даже, при необходимости, подправить что-то в прошлом.

А потому нужно лишь выбрать ту реальность, которая покажется ему наилучшей. Та, в которой останется разум Наблюдателя стабилизируется и сохраниться. Все остальные схлопнутся.

Захар уже так делал. Каждый раз, когда Храм, существование Пришедшего или сохранение Потомков были под угрозой, он заходил в эту барокамеру и происходило Расщепление. Зачем-то он вел подсчет вселенных, оставшихся и схлопнувшихся и текущая была пятьдесят четвертой по счету.

Он каждый раз выбирал ту реальность, где кризис каким-то образом разрешался, а затем выходил из камеры со знанием, что случится в ближайшие часы. Будто Пророк, узревший будущее, а на самом деле — создавший его.

С этим были проблемы.

Первая мало волновала Захара. Схлопнувшиеся вселенные оставляли следы в той, что уцелела. Например, оставались отпечатки в человеческой памяти, что-то вроде дежавю, а в совсем печальных случаях — как эффект Манделы. Это были те, с кем он, Второй, успевал поговорить в реальностях, которые схлопнулись. У них оставалось эхо воспоминания об этом — сон, который они никогда не видели.

А вот вторая проблема… именно из-за нее он не хотел лишний раз прибегать к этой процедуре.

Захар понятия не имел есть ли у человека душа. Во всяком случае, ни в какие религиозные догмы он не верил. Но каждый раз, когда он брал на себя роль Наблюдателя, каждый раз, когда он расщеплял Вселенную — что-то в нем расщеплялось вместе с ней. Маленькая

точка в серединке сознания, может быть, само “я” как таковое. И эти маленькие частички того, что было им, Захаром, оставались там, в других вариантах и погибали вместе с ними.

Это меняло его — делало циничнее, грубее, крало часть личности и постепенно выключало те немногие эмоции, что еще остались после трансформации.

Маленькая смерть. Каждый раз выходя из барокамеры Пророк невольно задумывался: это вышел он, настоящий, тот, что выбрал? Или ему не повезло, и он — тот Захар, что остался в нестабильной вселенной и скоро исчезнет вместе с ней?

Эти вопросы пугали его до ужаса. До такой степени, что каждый раз, заходя в барокамеру, он клялся, что после сразу принесет в нее бомбу и взорвет все нахрен. Но так ни разу этого и не делал, потому что…

Потому что это единственная вещь во вселенной, которая действительно давала второй шанс. Точка сохранения, как в тех играх, в которые он играл подростком.

Захар привычно запер за собой барокамеру. Подошел к пульту настройки давления и уже рефлекторно поменял параметры, где-то в недрах загудели насосы, меняющие давление воздуха. Затем переместился к основному рабочему месту. Снял стекло с кнопки запуска расщепления. Палец завис над ней.

Второй знал, что в ядерных чемоданчиках правителей прошлого не было никаких красных кнопок. Там были рации, протоколы, документы, может быть, какие-то специальные ключи.

А вот кнопка Расщепления по иронии была большой и красной.

Он поправил очки. Зажмурился. И с силой опустил палец.

КОНЕ...

КРИТИЧЕСКАЯ ОШИБКА!

ОБНАРУЖЕНО РАСЩЕПЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ

ИДЕТ ОБРАБОТКА... ОЖИДАЙТЕ.

Расщепление 1

Второй вышел в партер, аккуратно вытирая окровавленные руки платком. Оправился, толкнул слегка покосившиеся очки выше по переносице. Порезы от стекла жглись и болели, но это было не проблема — через полчаса они затянутся.

Он поднял поблекшие — еще сильнее чем раньше — глаза к куполу. И медленно кивнул. У Пришедшего были глаза — целая куча, но большая их часть не работала. Он скорее незримо ощущал пространство вокруг и все в нем происходящее, чем по-настоящему его видел. Но Пророк знал — его кивок замечен.

Громада силовой брони, внутри которой, несомненно, был Илья, тут же замерла. Он явно шел к компьютерам с понятными намерениями. Синт и суперсолдат сражались по центру партера.

— Обезвредить Ская, — приказал Второй.

Не нужно было мне угрожать, подумал Захар, потому что ему показалось, что именно так и нужно подумать, а не потому что реально это чувствовал.

Илья повернулся, сделал пару быстрых шагов и без всякого размаха, используя лишь гидравлику, нанес удар силовой перчаткой.

Сибиряк оступился, нырнул вперед всем телом, из груди вырвался стон боли и удивления. И андроид Нового Союза, конечно, этим воспользовался. Ободранный композитный кулак врезался в середину живого человеческого живота. Поврежденная, с проводами наружу, нога сделала подножку, порвав наполненные кровью сосуды и надорвав пульсирующие мышцы. Усиленная, но все еще бесконечно органическая, углеродная, вполне обычная кость, дала трещину.

Скай потерял равновесие, упал на колено и сразу получил сокрушительный удар по хребту.

В этот момент через главный ход в партер ворвались первые люди Седьмого. Синт среагировал мгновенно — схватил Ская за ворот, рывком поднял его и закрылся как щитом.

Оглушительные в театральном зале очереди — и Юрий Скай, суперсолдат, несостоявшаяся гордость Сибирской республики обмяк и обвис без движения в хватке андроида.

— Хватит, — сказал Второй и махнул рукой в сторону забежавших в здание солдат. Они послушно опустили оружие, даже не потребовалось пускать в ход своих сил. Знали, на что он, Пророк, способен.

В зал набивалось все больше народу и, наконец, появились Третья, Пятая и Седьмой.

— Наконец-то, — сказал Второй. — Один на крыше колоннады, но это вы, наверное, уже и сами поняли, одна на куполе.

Один парень негромко свистнул, у его ног тут же появились два баскера.

— Нет-нет, — Захар остановил псаря, готового уже отдать приказ питомцам, — давайте без смертей. Просто поймайте. Баскеров можете взять, но чисто для запугивания.

— Я займусь, — сказала Пятая и повела часть людей за собой на лестницы.

— Еще один — напротив кинотеатра, целит в нас прямо сейчас из ядерной установки, — продолжил Второй. — У вас где-то пять-семь минут. Он в силовой броне, будьте осторожны.

Третья кивнула, махнула рукой и львиная доля толпы торопливо вышла за ней.

— А с этими что? — Седьмой подошел ближе и оглядел Илью и Панина с головы до ног.

— А эти теперь с нами, — просто ответил Второй.

— Точнее вы — с нами, — тут же поправил синт. — Не так ли, Олег Эдуардович?

— Да будет так, — ответили невидимые репродукторы.

* * *

Последнее, что Артем помнил — это как их с Леной втолкнули в зал, где гребаный Роман Панин сидел в кресле с видом триумфатора, несмотря на то, что полностью лишился человеческого облика, облез и слегка искрил. По правую руку от него в стальной броне стоял Илья, по левую — Второй. А над ними — спрутообразный отвратительно пульсирующий Пришедший… и эта пульсация, именно она, будто стерла все остальное.

Теперь они вдвоем, он и Лена, стояли посреди Бердского шоссе, неизвестно как сюда добравшись. У каждого на шее — гильза с кусочком плутония.

А впереди в небо поднимается несколько столбов черного жирного дома. Это горит Атом. Их дом.

Наверное, они добирались сюда несколько дней или даже больше, потому что это могло значить только одно — до города добралась Орда.

Они потратили еще много часов, чтобы добраться до ворот. Которые были распахнуты, а вся дорога — завалена трупами жителей. Они пытались спастись, убежать и даже Пятно их привлекало больше, чем та участь, что ждала в городе.

Но никто не уцелел.

Они вошли в Атом. Он горел, он был частично разрушен. То тут то там попадались странные машины — огромные грузовики, небольшие седаны, мотоциклы, ржавые, переоборудованные, с пулеметными гнездами на крышах, с огромными, торчащими из капотов движками, со странными приспособлениями и многим другим. Такое могли соорудить только безумцы и трупы этих безумцев тоже были — лежали вповалку, худые, изможденные, покрытые опухолями, шрамами, ожогами…

На многих из них не было ни царапины, но они были мертвы.

Орда.

— Это он их? Пришедший? — спросила Лена. Она держалась хорошо, но видно было, что скоро сорвется — то ли на плач, то ли на бег.

Артем кивнул.

— Надо найти выживших, — сказал он.

И они их нашли. Вышли на проспект и увидели их — людей, бредущих от здания Института ядерной физики. Видимо, им удалось спрятаться в его подвалах.

Вперед вышла Татьяна — грязная, хромающая в порванном платье и, неожиданно, с брошью Ректора, приколотой к груди.

— Это все? — выдохнула Лена, — Вас так мало?

Таня обняла ее. Потом показала рукой куда-то назад.

— Твои родители там.

Лена заплакала и сорвалась на бег. А Татьяна подошла к Артему.

— Мы не справились, — сказал он ей.

Она кивнула.

— Мы не справились, — повторила она за ним, имея ввиду весь Атом, — в тот момент когда послали вас туда. Это было ошибкой. Прости.

Они помолчали.

— Во всяком случае, вы теперь дома, — сказала Татьяна. Артем кивнул. — Нас ждет много работы.

— Отчет об экспедиции сдам через недельку, хорошо? — спросил собиратель и слабо, обреченно улыбнулся.

ОБНАРУЖЕНО РАСЩЕПЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ

ИДЕТ ОБРАБОТКА... ОЖИДАЙТЕ.

Расщепление 2

Второй подошел к Лене. Ее силовая броня явно была повреждена, но девушка не подавала виду.

— Что? — неприветливо спросила она, крутя силовой перчаткой. Было видно, как туго поддаются приводы.

— Мне кажется, вы единственная здесь без особенных намерений. Без своих тайных и корыстных целей.

— Можно сказать и проще — меня притащили сюда против своей воли, — устало ответила уроженка Атома.

— И, возможно, в этом ваше преимущество.

— Пф. Очередной мужик объясняет женщине, что вся херня, что с ней происходит — не просто так.

— Справедливый упрек, — согласился Второй. — Но вы все же здесь, и вы единственная, кто действительно сможет договориться с Пришедшим. Я думаю, именно поэтому вы здесь.

— Типа меня судьба привела? Давайте без этого. Работай в этом мире судьба, карма или вселенская справедливость, он выглядел бы получше.

— Пусть не судьба, пусть везение. Для вас в кавычках разумеется. Но видите ли в чем дело. Пришедший — не просто человек или, если хотите, гуль. Он нечто большее. Вы поймете, когда увидите.

— Я, вроде бы, вне делегации, ваша эта Пятая меня обломала.

— Ну… переговоры вещь сложная. Не сбрасывайте себя со счетов. В любом случае лучше я вас предупрежу. Вы ужаснетесь, когда его увидите. Все ужасаются. И я тоже, когда пришел к нему впервые.

— Ладно, допустим. Но если он вдруг превратился в страшное насекомое, то даже не пытайтесь. Я и близко к Храму не подойду.

— Не переживайте. Не настолько все плохо. Но дело в том, что я немного знаю о его прошлом. Когда-то, огромное количество лет назад, у него была дочь. Такая же молодая как и вы. И… он не смог ее спасти. Просто не было возможности. Она отказалась принимать вакцину, отказалась становиться Потомком. И, конечно же, погибла в Первый день. С тех пор Пришедшего окружают только гули. Его бессмертные, но все же далеко не родные дети.

— И что, он увидит случайную молодую девушку типа меня и сразу растает? Что за бред?

— Это для вас бред. Вы не прожили сотню лет, запертые в здании театра. К тому же… зависит от того, как и откуда разговаривать. В это сложно поверить, но у Пришедшего все еще есть сердце. И чтобы его найти нужно подняться на купол. И говорить оттуда. Не с его глазами, не с его мозгом, не с его логикой или безумием. А с сердцем.

— И что? Он скажет, что вспомнил дочь, всхлипнет и сразу все прекратит?

— Я не знаю, — Второй пожал плечами. — Но возможно ему все-таки захочется сохранить мир, где все еще рождаются дочери.

* * *

Второй вышел в партер, аккуратно усадил временно выведенную из строя Марту в ближайшее кресло, а потом осторожно, поморщившись, потрогал бок. Было мокро от крови, рана оказалась глубже, чем он думал. Заживать будет долго. Может быть, несколько дней. Дурацкое стекло…

Поднял голову вверх, к куполу и посмотрел туда — сквозь Пришедшего, сквозь бетон, туда, где должна была быть Лена. И медленно кивнул.

— Стой! — сказал он затем Илье, намеревающегося уже сорвать силовую перчатку. — Помоги Скаю.

Илья повернулся, сделал пару быстрых шагов, зашел к синту сзади, схватил его за плечи — и резко дернул в стороны, вырвал руки андроида из тела.

В этот момент в зал стали забегать люди Седьмого.

— Все в порядке! — крикнул Второй, и они не успели начать пальбу, хотя уже вскинули автоматы. Вскоре за ними вошел и сам Седьмой, Пятая и Третья.

— Синт, — сказал Захар и кивнул псарю. Тот коротко свистнул, и два баскера бросились вперед, сбили андроида с ног и стали рвать на части. Во все стороны полетели провода, металл и куски композита.

Это всего лишь передатчик, напомнил себе Второй. Генсек все еще где-то там, далеко на западе. И он придет снова.

— Еще один — напротив кинотеатра, целит в нас прямо сейчас из ядерной установки, — продолжил Второй. — У вас где-то пять-семь минут. Он в силовой броне, будьте осторожны.

Третья кивнула, махнула рукой и львиная доля толпы торопливо вышла за ней.

— Там еще снайпер на крыше, — заметила Пятая.

— Сам спустится, — ответил Второй.

— Он убил не меньше шести наших!

— А кто вас просил штурмовать Храм? — спокойно спросил Захар. — В этом не было никакой нужды.

— А с этими что? — Седьмой подошел ближе и оглядел Илью и Ская с головы до ног.

— А это наши друзья. Из славного города Атома и могучей Сибирской республики.

Седьмой помотал головой, явно не соглашаясь, а затем поднял глаза на Пришедшего, как бы взывая к нему за ответом. И тот ответил.

— Трансляция остановлена, — громогласно возвестили репродукторы. — Орде приказано остановится.

— Что?.. Но это значит, что маяка теперь нет! Новые Потомки не узнают о Храме! — выпалил Седьмой. Захар впервые увидел, как он гневается на своего бога. Что ж, наверное, это прогресс.

— Новые Потомки за твоей спиной, — грохнули репродукторы и замолчали.

Седьмой обернулся. В партер заходили Артем и Лена.

ОБНАРУЖЕНО РАСЩЕПЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ

ИДЕТ ОБРАБОТКА... ОЖИДАЙТЕ.

Расщепление 3

Когда Пришедший свалил пришельцев с ног своей психической атакой, а синт бросился наутек, думая, что никто этого не заметит в суматохе, Второй спокойно повернулся к Третьей и сказал:

— Ты будешь нужна у кинотеатра. Там появится человек в силовой броне с ядерной установкой. Нужно ему помешать.

— Что?.. — конечно, она сначала не поняла о чем он. Давно он не выкидывал предсказаний, все Потомки успевают от этого отвыкнуть.

— Отрабатываю звание Пророка, — пояснил Захар. Третья тут же поняла и кивнула.

* * *

Капитан Максимов потверже уперся ногами в землю. Квадратные цифры часов в визоре отсчитывали минуты. Тяжелая, даже с учетом силовой брони, пусковая установка, давила на плечо.

Двадцать минут…

Пятнадцать…

Десять…

Рука сама поднимается и снимает предохранитель.

Пять…

Откидывается прицел, в визоре появляется интерфейс для стрельбы навесом.

Минута…

Краем глаза особист успел заметить летящую гранату, успел даже начать прыжок в сторону, но взрыв все же произошел очень близко, взрывная волна ударила в костюм, как в колокол, все тело тут же заныло от боли, по броне застучали осколки.

Его откинуло в сторону, вжало в асфальт, но благодаря приводам он очень быстро встал и огляделся. Интерфейс наводки в визоре мешал обзору, но зато говорил о том, что крепления выдержали и установка все еще на плече.

Капитан успел заметить врага — женщина-гуль, неожиданно, с густой копной черных волос. В одной руке небольшой пистолет-пулемет, а во второй… несомненно фрагмент силовой брони. Силовая перчатка.

Сняла с Ильи? Или у них была своя?

Так или иначе это было ничто по сравнению с полноценным комплектом брони.

Пистолет затрещал, мелкокалиберные пули забили по лицевой маске, грудной пластине, но вряд ли наносили урона больше, чем небольшие сколы. Она точно это понимает… а значит — это отвлекающий маневр! Черт…

Атака пришлась справа, и она была до того сильна, что Максимов снова потерял устойчивость и упал. А когда поднялся, то понял, что у него ужасно болит внизу живота.

Что за хрень?! Что могло пробить броню?

Ответ появился сразу — кусок асфальта сдвинулся, пошел боком, и баскер проявился во всей красе.

Максимов сухо сглотнул. Вот это уже серьезно.

Мысль о том, что он мог сидеть сейчас в теплом кабинете, пить чаек и неспешно допрашивать очередного контрабандиста, пролетела через мозг.

И правда, обидно.

Максимов, замахнулся, нанес удар, но баскера в том месте уже не было, он снова пропал, пролился по пространству как жидкость и утек в полную неразличимость.

Затем он почти инстинктивно повернулся и закрылся — как раз вовремя, чтобы удар перчатки пришелся в предплечье, а не шлем. Рука заныла, сталь заскрежетала. Быстрая контратака — и уже выскочка-гуль летит в асфальт.

Так… где баскер?!

Максимов завертелся на месте, вовремя успел заметить текучее движение и ударил кулаком вперед на упреждение — и это сработало. Невероятная скорость броска баскера и сила удара сложились вместе, изуродованный череп сложился в труху, и исчадие лабораторного ада с почти человеческим визгом встретило свою смерть.

Хорошо… Хорошо! Капитан уже готовился навсегда покинуть этот мир, но, кажется, еще походит. Жаль, конечно, никто не видел. Поди даже этот самодовольный Скай так не смог бы.

Максимов обернулся как раз вовремя, чтобы заметить очередную атаку гуля, но защититься не сумел и снова ужасная боль пронзила живот. Он вяло отмахнулся, но броня усилила жест, поэтому гуль снова

отлетела — и в ее руке блеснул нож, окровавленный по самую рукоятку.

Пырнула, значит. Нашла дыру, проделанную когтями баскера. И где так наловчилась ножом управляться…

Тяжело дыша Максимов подошел к гулю и, не дав ей успеть подняться, припечатал ее к асфальту ногой. Он почувствовал как под рубленой стальной подошвой хрустнули ребра.

— Какого черта ты волосатая… — пробормотал он, наступил следом на волосы и дернул в сторону. Они легко отошли и отлетели в сторону.

Парик. Можно было догадаться. Как глупо.

В животе и ниже было очень мокро и больно. Капитан прекрасно понимал, что теряет много крови — голова начала кружится. Мутило.

Нет, так не должно все закончиться. Он герой! Герой Атома.

Он снова встал в позицию. С трудом, с криком, распрямился. Навел прицел в невидимую точку на небе высоко над куполом Храма. Дыма от шашки все еще не было, хотя чертовы гуль и баскер дали студентке нормальную фору.

Что ж. У него не осталось выбора. Он зачем-то задержал дыхание, как будто это имело значение и нажал на спуск.

Установка со свистом отправила тяжелый снаряд в полет, Максимов не удержался и все же упал. И осознал, что уже не встанет.

Он смотрел на здание театра и отсчитывал в голове мгновение. Раз, два, три…

Вспышка больно ударила по глазам, мигом поглотив строение, а затем и все вокруг. Все вокруг тут же задымилось, а потом этот дым, фасад здания, сам асфальт с земли сорвало взрывной волной — она подхватила смешную и незначительную стальную фигурку и потащила прочь.

Капитан закрыл глаза. Ему было уже все равно.

* * *

Госпожа Ректор перерезала ленту, мальчики в форме и белых перчатках подхватили ткань и стащили ее с постамента.

Люди, множество людей, почти весь Атом и его гости — большая делегация из Сибирской республики, зааплодировали.

На большом мемориале из черного камня посреди красивого зеленого сквера был изображен Оперный театр, из крыши которого

поднимался ядерный гриб. А на его фоне стояло шесть статных фигур.

Предстояло сказать речь — дурацкую, напыщенную, но необходимую. Госпожа Ректор повернулась к жителям и гостям.

— Сегодня мы чтим память уроженцев нашего города и представителя Сибирской республики, настоящих героев, которые спасли не только Атом, не только наш город, но и десятки тысяч жизней по всей Сибири. Их жертва никогда не будет забыта. Благодаря ним мы продолжаем спокойно жить и развиваться. Орда рассеяна и дезорганизована. Да, в пустошах и на орбиталях стало значительно опаснее, но это то, что мы можем преодолеть. Военный институт уже занимается этим вопросом и уже скоро, я уверяю вас, ворота Атома снова откроются, и мы сможем выходить в пустоши и, я верю, настанет день, когда мы сможешь назвать и их своим домом.

На самом деле сказать хотела она совсем другое.

Я отправила на смерть нескольких хороших людей.

Я выбрала кому умирать ради общего блага.

И я никогда себя не прощу.

ОБНАРУЖЕНО РАСЩЕПЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ

ИДЕТ ОБРАБОТКА... ОЖИДАЙТЕ.

Расщепление 4

Второй вышел в партер, аккуратно усадил временно выведенную из строя Марту в ближайшее кресло, а потом осторожно, поморщившись, потрогал бок. Было мокро от крови, рана оказалась глубже, чем он думал.

Но это было неважно — скоро он перестанет чувствовать что-либо.

Близость полного исчезновения неожиданно не пугала. Было даже… уютно?

Он спокойно прошел мимо Ильи, который скинул силовые перчатки и смешными по сравнению с костюмом, бледными кистями застучал по клавиатуре.

Подошел к сражающимся синту и суперсолдату, отсчитал нужное количество секунд, почти не глядя сунул руку вперед в пространство — как раз в тот миг, когда в этом месте оказалась грудь синта, сжал пальцы и рванул на себя. Андроид тут же застыл в той позе, в которой был в последний миг, а потом как подкошенный смешно упал на пол.

Второй показал остановившемуся и очень удивленному Скаю содержимое руки. Небольшой ядерный реактор — сердце робота.

— Видишь, я тоже так умею, — не без самодовольства сообщил Второй.

В зал стали забегать люди Седьмого, Захар поднял руку, и они замерли, опустив уже вскинутые было автоматы. Когда зашли сами апостолы, он обернулся на Илью, который сосредоточено продолжал работать и даже содрал с себя шлем, который, видимо, мешал.

Благородная жертва, что тут скажешь.

— Почему этот гладкокожий… — начал было Седьмой, в ужасе смотрящий на Илью, который кощунственно рылся в файлах самого Пришедшего. Но тут же осекся и схватился за голову.

— Извини, Иволга, придется подождать, — мягким голосом произнес Второй.

— Что ты творишь? — спросила Третья.

— Историю, — снова произнес это слово Захар. — Сколько можно спрашивать… я творю историю. Лучше сходите до кинотеатра

и остановите там атомского в силовой броне с ядеркой.

Третья кивнула, махнула рукой и с большим отрядом исчезла в главном проходе.

— Хотя бы объясни, что он делает? — спросила Пятая.

— Боюсь, тебе не понравится ответ.

— Ясен хрен!

Краем глаза Второй заметил, как напрягся Скай. Повернулся к нему.

— Всех я не сдержу, — сказал он. Суперсолдат кивнул и встал так, чтобы закрыть Илью собой.

— Понятно, — вздохнула Пятая. Оглядела оставшийся отряд. Кашлянула и громко приказала: — Убить их!

Второй направил все силы, чтобы остановить своих сородичей, некоторые тут же слегли, кряхтя и крича от боли, но на всех его не хватило — часть вскинули автоматы и начали палить, а баскеры рванули вперед. Их встретил Скай — почти такой же неуловимый и гораздо более быстрый.

Второй чувствовал как хлещет кровь у него из носа, как лопаются капилляры в глазах, чувствовал как несколько пуль пронзили его тело. Когда силы полностью оставили его, он закрыл глаза.

Давай, Илья, думал он. Избавь меня от этого.

* * *

С довоенным кодом было непросто разобраться, но Илья довольно быстро понял, что выбор у него небольшой. Пришедшего можно было перенаправить — и тогда он, Илья, навсегда освободится! Как и Орда, которая наверняка сразу остановится…

Но перенаправить нужно было куда-то — просто отключить трансляцию было нельзя, это решал сам Пришедший, где-то в своей органической части, которую, конечно же, нельзя было перепрограммировать.

И выход был лишь один — Потомки. В запутанном коде Пришедшего с ними связано было очень многое, при желании он мог бы не давать им свободу воли, а захватить их разум — но Второй или кто-то умный до него поставил простой, но надежный блок в коде. Этот блок можно было перенести в трансляцию… и гули останутся без защиты. Он не знал, как Потомки отреагируют на внезапное вмешательство в их головы Пришедшего.

Обернулся через плечо. Увидел окровавленного Ская, который как будто сидит верхом на дымчатом муаре в форме страшной собаки, и пытается порвать ей пасть. Дальше в бессознанке валяются несколько гулей, а некоторые — беспорядочно стреляют во все стороны. Второй, несмотря на несколько очевидных выходных отверстий в спине, продолжал стоять и смотреть на своих сородичей, сдерживая их своей странной силой.

Еще несколько секунд, и он не сможет.

Илья вернулся к программе. Поставил максимальную мощность воздействия — чтобы точно остановить атакующих, когда силы Второго кончаться.

Занес палец над Enter, замешкался на полсекунды, но все же нажал. По экрану пошла полоса процесса компиляции — к счастью, довольно быстро. На пятидесяти процентах Илья почувствовал, как несколько пуль ударились в броню на спине. На семидесяти пяти еле успел отвернуться от монитора и его обильно вырвало остатками обеда, желчью и густыми сгустками крови. На ста процентах он обернулся.

Стрельба прекратилась. Все гули разом, в том числе Второй, резко осели на пол, будто их выключили. Пришедший наверху задергался будто от злости.

— Дети мои! Мои дети! Я убил их! Убил… Почему?!

* * *

Бронетранспортер стоял по центру площади. Вокруг лежало множество тел гулей — тех, которых сразил Артем, и тех, у кого видимых повреждений не было.

Военные, гражданские, женщины и мужчины — все лежали без движения.

Две фигуры — огромная гора стальной брони и мускулистый, но очень уставший мужчина, — стояли перед транспортером.

В распахнутом десантном отсеке лежало три тела.

— То есть он просто убил всех Потомков? — еще раз спросил капитан Максимов. Кажется, даже его черствое нутро было в шоке. — Не ожидал такого от Ильи…

— Возможно, он не знал, — ответил Скай. Он смотрел на белое лицо, обезображенное потоками крови от подбородка и ниже. Оно

было искажено гримасой — смерть от резкой лучевой болезни наверняка была мучительна. — Хотел их остановить…

— Удивительно, что Пришедший не устроил то же самое нам, — ответил капитан. — В отместку. Он так орал, что даже я тут, снаружи, слышал.

— Кажется, Илья успел поставить какую-то защиту. Так или иначе. К тому же… он винит больше себя.

Невольно они оба перевели взгляд на два других тела. Лена и Артем лежали спокойно, будто спали. Никаких видимых повреждений на них не было.

— Видимо, вакцина все же сделала из них гулей, — пробормотал атомский.

Скай поморщился от грубого слова.

— Потомков, — поправил он.

Шлем силовой брони повернулся, строгая маска визора посмотрела на Юрия сверху-вниз.

— Пожалуй… да, — неожиданно согласился особист.

— Нужно вернуть их родным, — сказал Юрий.

— Вернем, — согласился Максимов. — Ты как, сможешь сесть за управление?

Суперсолдат Сибирской республики кивнул и, неожиданно даже для себя, заплакал.

ОБНАРУЖЕНО РАСЩЕПЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ

ИДЕТ ОБРАБОТКА... ОЖИДАЙТЕ.

Расщепление 5

Второй вышел в партер, аккуратно вытирая окровавленные руки платком. Оправился, толкнул слегка покосившиеся очки выше по переносице. Порезы от стекла жглись и болели, но это было не проблема — через полчаса они затянутся.

Подумал о том, что у Марты были шансы выжить, но Захару нужны были все свои силы, если бы он не среагировал быстро и летально, она бы успела его пырнуть.

— Стой! — приказал он Илье, пока тот не успел снять перчатку. — Помоги с андроидом!

Второй разбежался, прыгнул — и обеими ногами врезался в твердое тело синта. Тот устоял на ногах, но отвлекся. Пророк повернулся к Скаю и кивком головы указал на боковой проход. Сообразительный сибиряк сразу понял о чем речь.

— Справитесь? — успел спросить он, прежде чем синт снова бросился в атаку. Второй только пожал плечами, мол, это неважно.

Суперсолдат кинулся ко входу в бункер со всей своей невероятной прытью.

Второй встал в боевую стойку. Он был так себе бойцом. Жаль на тебя не действует психическая атака, жестянка, подумал он, когда композитный кулак со свистом полетел прямо в лицо.

* * *

Юрий сделал, как Пророк — встал спиной и раскинул руки. Щупальца вокруг тут же зашевелились, как будто эта поза разблокировала в них какой-то рефлекс. Сейчас будет больно, предупредил суперсолдат себя мысленно и сжал зубы.

Тентакли с силой впивались в тело, зарывались в глубь и там сразу начинало что-то происходить — они будто сливались с телом, переплетали нервные окончания, сращивали сосуды… Пришедший врывался в тело Ская будто огромный паразит, опухоль.

Когда ноги оторвались от земли, Юрий все же не выдержал и закричал — он будто снова оказался там, в подвале, где его спину полосовали кнутами, чтобы приучить его усиленное тело к боли.

Но есть такая боль, к которой не привыкаешь.

Одновременно с ней в голову ворвались мысли — целая куча, огромный поток, который сразу захлестнул его, Ская, собственный голос. Это было еще ужаснее, чем физическая боль.

“Чужак!”

“Кто ты?!”

“Сейчас ты умрешь!”

Сознание захлестнуло уже привычной психической атакой, но она будто разбилась о внутренний барьер.

— Нам придется поговорить, — простонал Скай, по привычке, вслух, хотя это и было необязательно.

Он напрягся и отправил мысленный приказ щупальцам — перестать дергаться. И они послушались — сразу стало легче, тело неподвижно зависло в воздухе.

“Нет!”

— Это только начало, — прорычал Скай.

Он чувствовал как Пришедший переходит в оборонительную позицию, как он пытается вырвать свои органоиды из спины Ская — и не может.

Юрий пошел глубже и почти сразу провалился в чужие воспоминания. Он увидел себя в зеркале — лысеющий крупный мужчина в солидном возрасте, поправляет галстук перед зеркалом. Ему некомфортно: пиджак жмет, ремень трет пузо, рубашка норовить вылезти. Стук и в комнату заглядывает женщина моложе его лет на двадцать.

— Идешь, милый? — спрашивает она, улыбается и исчезает. Он смотрит вниз на тумбочку под зеркалом. Там лежит значок с государственным флагом. Рука тянется к нему, но потом останавливается, и мужчина выходит из гардеробной без него.

Воспоминание рассыпается — накатывает следующее. Река в граните, мост, на другом берегу красно-кирпичные стены крепости, на вершинах зеленых шатров — звезды. Рядом черная машина с мигалками. Холодный осенний воздух вызывает мурашки на руках.

— Пора, Олег Эдуардович, — говорит кто-то из темного нутра внедорожника. — Еще час-полтора и этот самолет улетит без вас.

— Все на месте? — его голос дрожит, волнуется. Боится, понимает Юрий. Но голос безошибочно узнает — именно он вещает галиматью про Новый Храм.

— Лукьянова в Новосибирске, Петров за границей. Хейденберг ждет вас, вы летите вместе.

— И все?

— Будут еще, — голос в машине звучит убедительно, будто что-то обещает. Но Юрий чувствует сомнения Олега Эдуардовича, привычные, набившее оскомину — он привык никому не верить.

— За границей — это где? — спрашивает он.

— Какая разница? Да садитесь вы!

И он лезет внутрь машины.

Снова воспоминание. Места уже знакомые — площадь прямо перед Оперным театром, только город живой, вокруг цветут клумбы, деревья шелестят маленькими, еще весенними листьями. Очень молоденькая девушка со светлыми волосами сидит на лавочке и смотрит на него, Олега Эдуардовича, снизу-вверх. На ее лице — презрение, смешанное с болью.

— Доча… — бормочет он, но слова застревают в горле. — Ты же понимаешь, какие у меня связи. Это вопрос двух-трех дней.

— И что? Я лучше сгорю заживо, чем перешагну порог твоих пыточных.

— Это клиники… — он замолчал. Это было бесполезно. Все бесполезно.

Выход из воспоминаний — будто ведро ледяной воды в лицо. Он снова Юрий Скай, но что-то изменилось. Он уже не ощущает, что висит на щупальцах, нет, это он, Юрий и у него есть щупальца, они растут из спины и расходятся далеко вокруг по всему зданию — он ощущает его, весь театр, каждый его уголок. И где-то там, в центре, высоко под куполом исходится в истерике сознание Олега Эдуардовича, некогда дважды министра, четырежды семьянина и лишь единожды отца.

Юрий приказывает ему сидеть тихо и не дергаться, а затем ищет трансляцию — и находит ее. Там снова Олег Эдуардович, но уже другой — никаких пиджаков, никакого лоска. Он стоит в дешевом спортивном костюме посреди длинной палаты с бесконечными рядами одинаковых коек и в руках у него — папка с надписью “Полный список” на титульном листе.

Он открывает ее и ведет пальцем по фамилиям. Останавливается на какой-то строке, переходит в столбец “Место рождения” и с

неудовольствием качает головой.

— С каких пор Екатеринбург у нас Сибирью считается? — спрашивает он кого-то невидимого, вне поля зрения. Не глядя выставляет руку ладонью вверх и туда сразу послушно ложится ручка. Он вычеркивает имя из Екатеринбурга.

Все исчезает, затем — кабинет, экран компьютера, а в нем — лицо усталой женщины в очках.

— Вы серьезно? — говорит ее голос прямо в уши, Юрий не сразу понимает, что на голове у Олега Эдуардовича наушники. — Так вы хотите прикрыть факт, что у вас толпа подопытных в подвалах?

Губы женщины на экране немного отстают от голоса и это странным образом раздражает.

— Что ты хочешь? — раздраженно говорит голос Олега Эдуардовича.

— Перестать в этом участвовать. Я понимаю, мы спешим, потому что у нас нет времени проводить все стадии испытаний, хорошо, хоть на крысах что-то успели увидеть… Но лить в уши общественности пропаганду, что вы отобрали лучших из лучших со всей Сибири и создаете нового человека… я отказываюсь в таком участвовать. Это какая-то гребаная секта, а не наука.

— Это уже давно не наука, если ты сразу не поняла, — рявкает Олег Эдуардович. — Это выживание!

Юрий снова выныривает в реальность. Мысленно дергает рубильник — и слышит как Пришедший орет, что он уничтожает дело всей его жизни. Трансляцию Скай не слышит, но чувствует — она затихает, сходит на нет и в конце концов превращается в ровный белый шум.

Сибиряк, собрав все силы, начинает говорить прям в это шипение:

— Бегите! Бегите из Сибири и не возвращайтесь! Любой, кто понимает это сообщение прямо сейчас должен остановиться и двигаться прочь от источника этой трансляции.

Его слова встраиваются, вплетаются в шум, а затем и вовсе заменяют его. Постепенно Юрий начинает чувствовать, что может говорить это просто на фоне, неосознанно.

Он чувствует, как в главном зале происходит движение — это выжившие гули и его друзья, его команда, с которой он уже никуда не вернется, пытаются удержать Илью, который всеми силами рвется

прочь. Он надеется, что они все же найдут способ вернуть бедолаге его память, личность и свободу от трансляции.

Рассыпанное по гигантскому организму сознание Пришедшего будто вздыхает со всех сторон.

“Идиот, теперь ты заперт тут со мной навсегда”.

“Это не я заперт с вами, — возражает Юрий, — это вы заперты со мной!”

ОБНАРУЖЕНО РАСЩЕПЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ

ИДЕТ ОБРАБОТКА... ОЖИДАЙТЕ.

Расщепление 6

Второй выдохнул, открыл глаза. Встал, отключил насосы, подождал, пока выровняется давление и подошел к люку наружу.

Там, за дверью его ждет Марта. Как она его нашла, по запаху что ли? Все-таки прав был Артем, они, жители Атома и Дьяволы, кочующие вдоль Пятна, все же сильно отличаются. Это большое высокомерие со стороны Потомков, думать, что все они там одинаковые, дикие и на одно лицо.

Он знал, что совершил ошибку — никак не провзаимодействовал с Мартой. Недооценил ее. Подумал, что она никак не в этом не поучаствует, сбежит при первой возможности. Он ошибся.

С другой стороны… почему бы не сделать ошибку вариантом?

Он открыл люк, вышел в тамбур и толкнул дверь наружу. Он не стал сопротивляться, уворачиваться, хотя тело и очень пыталось следовать рефлексам. Стекло настигло его — сначала в живот, а потом быстрый размашистый удар по шее.

Очень больно, но спасибо, что быстро. Марта действительно знала свое дело…

* * *

Пятая втолкнула Артема в главный зал. Он с ужасом увидел рядом с оркестровой окровавленное тело явно мертвого Юрия Ская, его будто изрешетили — такое даже суперсолдат не переживет. Рядом с ним лежало, механизированным и электронным нутром наружу, туловище Романа Панина.

А наверху, над ними, ужасающе дрожал, корчился и извивался тяжелый мясной мешок Пришедшего.

— Кто из вас убил его?! — ревели репродукторы голос, полным ярости и боли. — Признавайтесь, кто? Откуда?

Чуть погодя в партер ввели и Лену. Она глазами показала, что ничего не вышло. Когда ее подвели ближе она успела сказать:

— Все шло хорошо, я слышала его в своем сознании, мы говорили… а потом он как заорет, как будто ему сердце выдрали…

Но на нее быстро прикрикнули и даже замахнулись, и она замолчала.

— Это неважно! — продолжал реветь Пришедший. — Активировать все боевые системы! Немедленный запуск! По всем известным целям! Красноярск, Атом, Москва! Запуск всего дежурного арсенала!

— Что он несет? — не выдержал Артем и даже у Потомков вокруг не нашлось ответа — они также недоуменно смотрели вверх, как и он.

* * *

Где-то в глухих лесах вокруг Новосибирского Пятна оживали много лет спящие механизмы, открывались тяжелые крышки шахт и оттуда — в потоках дыма и огня взлетали длинные, тонкие, словно стрелы, ракеты. Они поднимались все выше, их траектория отклонялась и расходилась страшным цветком. Им задали три цели. И они их настигнут.

ОБНАРУЖЕНО РАСЩЕПЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ

ИДЕТ ОБРАБОТКА... ОЖИДАЙТЕ.

Расщепление 7

Когда первые солдаты Потомков исчезли под колоннадой, Артем повернулся и, пригнувшись, двинулся обратно. Он увидел на вершине купола маленькую фигуру Лены, махнул ей, но она, кажется, не увидела.

Засяду рядом с лестницей, подумал Тема. Не дам им добраться до Лены.

Очень, конечно, хотелось спуститься вниз — хотя бы чтобы узнать, что там происходит. Побежден ли синт? Вернулся ли Второй? Сумели ли они попробовать свои варианты?

Но Артем понимал, что мало чем им поможет, скорее всего, его подстрелят или поймают и пленят.

Когда он оказался наверху, Лена подняла на него глаза полные слез и помотала головой. У нее не вышло.

— Дымовая шашка, — только и сказал Артем. Та медленно кивнула, достала, зажгла — и подняла руку вверх.

В этот момент на крыше появились первые враги — сначала два человека с автоматами, а потом скользящий призрачный муар баскера. И Артем недолго думая выстрелил в монстра. Тот взвизгнул, проявился, повернулся на опасность и бешено прыгнул прямо на купол. Лапы скользили вниз, угол наклона ему мешал… но баскер, цепляясь когтями за серебристую чешую полез наверх.

Автоматчики тоже среагировали, повернулись и дали по очереди вверх, но Артем опередил их — успел выстрелить в баскера еще раз, тот сразу осел и скатился обратно вниз — а потом пригнулся и успел показать знак Лене, чтобы залегла тоже.

Тема перекатился поудобнее, повернулся к лестнице — и снял первого автоматчика, который появился на ней. Второй успел скользнуть обратно вниз под защиту купола и дать очередь вслепую.

Тема прикинул пробивную способность снаряда ускорителя, кривизну купола и решил, что, в целом, видеть ему противника необязательно — и выстрелил вдоль купола. Снаряд ушел в металл чешуи, оставив аккуратную дырочку, и вышел с другой стороны — и вскрик гуля был знаком, что все прошло удачно.

Тема повернулся к Лене, чтобы сказать, что опасность миновала… и уткнулся в ее глаза. Большие красивые глаза, застывшие навсегда. Во лбу у нее было входное отверстие, которое не могла оставить обычная пуля.

Артем сжал зубы задрожал — от боли и злости, а еще от несправедливости, потому Лена, молодая, не сделавшая в своей жизни ничего плохо, девушка, больше всех заслуживала вернуться в Атом, к нормальной жизни. Она ведь никому не сделала зла, даже Марте, которая этого более чем заслужила, и у Лены было множество шансов с ней покончить…

Он снова перекатился, лег, вытянулся, стараясь стать как можно меньше, немного сполз ногами по куполу вниз — чтобы на вершине, у пустого флагштока, осталась только голова и винтовка.

Такой выстрел могла сделать только она. Елизавета. И он ее найдет.

Он стал шарить прицелом по окнам зданий, которые выходили на площадь, по крышам, по створам улиц — в центральной, уходящей вперед он заметил неподвижно лежащего Максимова в силовой броне и женщину с черными длинными волосами, стоящую над ним.

Где-то с секунду он держал ее голову в перекрестии, но все же не решился сделать выстрел и продолжил поиск.

Он знал, что она любит менять дислокацию, прятаться и… наводить минометы. Хоть последнего на крыше их священного Храма можно было не опасаться.

Он уже почти отчаялся, проверил все места, откуда можно было произвести такой точный выстрел, собирался и сам поменять позицию, как вдруг — длинный ствол, ловкая фигура — в круглом окне под четырехскатной крышей зеленого высокого здания справа. Она уже на изготовке, целится — у нее фора.

Время будто замедлилось. Артем делает длинный выдох. Он хорошо подготовился, тело почти полностью спрятано за кривизной купола, но она может провернуть тот же трюк, что и он с автоматчиком — снаряд ускорителя мало что может остановить, если выстрелить под правильным углом.

Он наводит перекрестье прицела по центру ее тела — просто нет времени наводится в голову или иную точку, все по учебнику, в центр силуэта…

Выстрела другого ускорителя, конечно, не слышно, но свистящему звуку металла, прошивающему жесть и бетон, он успевает понять, что они выстрелили одновременно. Он попал — непонятно куда, но Елизавета дернулась, как от боли и сразу исчезла.

Но и она попала тоже. Он почувствовал, как раскаленной иглой ему прошило правый бок — от подмышки куда-то вниз, минус лежачей позиции, снаряд полоснул его почти вдоль.

Правая рука почти сразу стала ныть, жгучая боль в боку усиливалась, одежда справа сразу стала мокрой от крови.

Прежде чем хоть что-то делать Артем глубоко вдохнул — и ему это удалось. Это хорошая новость. Значит, снаряд не прошил легкое. Только потом он попробовал пошевелиться и, конечно, сразу понял, что стрелять будет тяжелее — правой рукой он теперь правил через боль.

Он еще раз посмотрел на Лену — попрощаться. Она лежала на вершине купола, скорее всего, самого красивого здания на планете из уцелевших, спокойно, на боку, радиоактивный ветер трепал ей волосы, а взгляд был устремлен по горькой иронии далеко на юг — в сторону Атома, домой.

Снова скрипнув зубами, Тема сморгнул слезы, скатился по лестнице вниз, кряхтя и охая и там с удивлением обнаружил вполне живого второго автоматчика.

Тот стенал и, отбросив автомат, перевязывал простреленное плечо. Когда Артем шумно объявился перед ним, гуль судорожно схватился за бинт двумя руками, как будто это могло помочь.

— Переговоры? — спросил Тема, направляя рельсотрон в испуганное безобразное лицо.

И показал на свою рану. Ему бы тоже не помешала перевязка.

* * *

Внизу Артем появился перевязанный, решительный — и от физической боли, и от жажды мести, готовый уничтожать каждого, кто встанет между ним и Пришедшим.

Но воевать было не с кем. Второй стоял перед оркестровой ямой, заложив одну руку за спину, вокруг него каким-то даже умильным кружком сидели солдаты Седьмого, сам Иволга лежал немного в стороне, придавленный стальным коленом Ильи. На одном из

уцелевших театральных кресел полусидела-полулежала Марта в глубокой, кажется, отключке.

Пятая стояла на страже главного входа, но спокойно пропустила Артема и заложника внутрь.

— Да отпусти ты его, — еще издалека сказал Второй.

Тема подумал и помотал головой.

Левой он держал гуля, а ноющей правой поднял рельсотрон так, чтобы он смотрел примерно в Пророка. Ствол болтало из стороны в сторону.

— Я понимаю, ты, наверное, в шоке, — сообщил Пророк. — Очень жаль Лену, конечно.

— Откуда ты знаешь? — скорее прохрипел, чем сказал по-настоящему, Артем.

— Я же Пророк, — просто ответил Захар. — Работа такая.

— Раз ты Пророк, не мог предотвратить ее смерть?

— Мог, — кивнул Второй, вышло довольно печально и уныло. — Но не в этом варианте.

— Какой еще, к чертовой матери, вариант?

Артем подошел к одному из столов с компьютерами, тяжело опустил ствол на столешницу, но так, чтобы он продолжал смотреть в сторону Второго. Толкнул автоматчика к своим.

— Трансляция все еще идет, — заметил Второй так, как будто речь шла об оставленной включенной лампочке в туалете.

— И что?

Второй обвел взглядом зал.

— Никто не преуспел, — сказал он. — Третья обезвредила, к нашему счастью, Максимова, Елизавета застрелила Лену, что, повторюсь, очень печально, но в текущей ситуации неизбежно, Илья под моим контролем держит Седьмого, потому что тот хочет делать всякие глупости, а нам это не нужно. Скай погиб, потому что солдаты Седьмого… что ж, ты сам это видишь. Марта, скажем так, отдыхает, а синта разорвали баскеры. Остаешься ты.

— А ты сам?

— Мое дело сделано, — ответил Второй. — Но я могу предложить тебе два варианта. Оба их я уже говорил Илье, но как видишь, он занят, а еще для выполнения этого ему придется снять броню, что гибельно. Первый — ты можешь перенаправить

трансляцию Пришедшего прямо нам, гулям, в голову. Скорее всего, это всех нас убьет. А еще это просто сложно, нужно понимать код и все такое, но Илья, если что, тебе подскажет. Второй… Ты можешь перегрузить Пришедшего. Это гораздо проще с точки зрения работы за компьютером, даже ты справишься. А еще это наверняка. Перегрузка, скорее всего, убьет всю Орду, а не просто остановит ее. Проблема решится одним махом.

— Но если умрет Орда…

— То умрет и Илья, и другие осененные Милостью. Болванчики, как сказала бы Марта.

— То есть выбор — между вами, Потомками, видом людей, который даже размножаться не может и моими сородичами, которых вы свели с ума своей галиматьей по радио?

— Не мы, а Пришедший, но да. Расклад такой. Около трехсот Потомков или неизвестное количество болванчиков в Атоме, Сибирской республике и среди рейдеров. И вся Орда впридачу.

— И мой друг!

Второй покосился на Илью.

— Я не говорил, что выбор будет легкий. Ты же собиратель, ты, наверное, знаешь, что такое проблема вагонетки?

— Дурацкая загадка из ваших времен, у которой нет решения. Вполне в вашем духе. Неудивительно, что вы весь мир расколошматили.

— Мы… Знаешь, у нас еще была концепция коллективной ответственности, ее особо никто не любил. Ракеты запускали конкретные люди и никто из них не в этом зале, — Второй отмахнулся с досадой. — Речь вообще не об этом. А о том, что тебе именно это и предстоит. Сделать дурацкий выбор, у которого нет правильного решения.

— Верни мне Илью. Это чудовищно, принимать такое решение, когда человек, чья судьба в том числе решается, себя не контролирует.

Второй кивнул. Устало поднялся, подошел к лежащему Седьмому со стороны головы.

— Успокоился? — спросил он.

— Пошел ты, еретик!

— Не успокоился, — сделал вывод Пророк. — Ты же понимаешь, что ты в меньшинстве, даже твой отряд сложил оружие?

— Конечно, потому что ты им мозги вскипятить в любой момент можешь!

— Тебе тоже могу. Но не хочу. Давай по-хорошему, а? У меня мало времени.

Они еще какое-то время препирались, пока Седьмой не сдался.

Илья вышел из оцепенения, Иволга крякнул под его ногой, и Илья поспешил убрать ее с него.

— Извините, — сказал он громогласно и это было так… просто и мило, что гули вокруг засмеялись — без всякой злобы.

Черт, подумал Артем. Все очень плохо. Рядом лежало бездыханное, ужасно израненное тело Ская. Наверху осталась Лена. Неизвестно, выжил ли капитан.

Терять еще и Илью… по своей воле. Своей рукой его убить… Да, это будут кнопки клавиатуры, а не спусковой крючок, но суть одна.

С другой стороны — целый народ, триста Потомков, точнее уже меньше, потому что он своими руками проредил их ряды. Да, они были другими, они пытались его убить, убили его друзей и вообще выглядели чуждо и отталкивающе… но…

Уничтожить весь народ под корень? Это не то, что он хотел бы делать, учитывая плачевное состояние человечества. Возможно, они именно те, кто нужен — люди из довоенных времен, которые могли бы объединить силы с Атомом, Сибирской республикой — и, возможно, все же получить шанс на новый расцвет, а не продолжать медленное увядание, как сейчас.

— Что происходит? — спросил Илья. Визор уперся в Артема. Жаль, что не видно глаз. Это как будто нечестно.

Артем не стал ничего говорить. И Второй тоже. Илья понял все сам.

Оглянулся, осмотрел гулей, которые сидели в ожидании.

— Вы же можете скрутить меня прямо сейчас, — сказал Артем, — и сделать выбор, который обеспечит ваше выживание.

— Можем, — кивнул Захар, а потом сказал всю ту же непонятную фразу, — но не в этом варианте.

Видно было, что Седьмой с этим активно не согласен — ему внезапная смерть из-за выбора гладкокожего вообще не подходила. Видимо, именно поэтому его и пришлось усмирять Ильей — Иволга вряд ли принимал добровольную жертвенность своего сотоварища.

Я не могу выбрать, подумал Артем. Это бесчеловечно — предлагать такой выбор кому бы то ни было. Никто не должен брать на себя такую ответственность.

— В проблеме вагонетки можно и не трогать рычаг, — будто прочитав его мысли заметил Второй, — но в этом случае все равно кто-то умирает. Так уж эта бессердечная загадка устроена.

Да, подумал Тема. Если ничего не сделать, то Орда настигнет Атом, накроет Сибирскую республику — и вырежет людей под корень.

Его даже затошнило немного и закружилась голова — может от потери крови и что он, раненый, все еще на ногах, вместо того, чтобы лежать с зашитым боком под капельницей, — но Артем решил, что это от ситуации в целом.

— Если что, я готов, Тем, — вдруг сказал Илья. — Я все равно собирался снять броню и умереть от того, что радиация превратит мою внутренности в кашу… А так меня просто резко выключит… это гораздо более приятная смерть.

— Но я не хочу… терять еще кого-то.

— Ты теперь тоже Потомок, — сказал Илья, — мостик между Атомом и Новым Храмом. Так что ты потеряешь в любом случае.

— Ах да, — Второй кивнул, — хорошее замечание. Скорее всего, первый вариант убьет и тебя тоже. И Лену, если бы она… ну ты понял.

— Ты знаешь, что нужно выбрать второй вариант, — продолжал Илья, — из нас двоих, именно ты нужен и здесь, и в Атоме. Это не эмоции, это рациональность.

К черту рациональность, хотел крикнуть Артем. Отпустил, наконец-то, рукоять рельсотрона. Посмотрел на компьютер.

Поднял глаза на Илью.

Да что ж такое! Артем закричал прямо на клавиатуру. Ему было пофигу, что о нем подумают окружающие — он все равно держит их жизни на кончиках своих пальцев.

— Что ж… — Илья вдруг поднял руки и положил их на шлем с двух сторон, — я могу упростить задачу…

Артем крикнул “Стой!”, даже кто-то из гулей тоже закричал возмущенно, но никто ничего не успел сделать, потому что не было среди них доброго, быстрого суперсолдата, который успел бы остановить безумца… и уж точно не мялся бы с принятием решения.

Илья снял шлем и посмотрел на Тему своими светлыми, прозрачными глазами и слабо улыбнулся.

Теперь ввести команду на перегрузку Пришедшего было не столько убийством, сколько милостью… То есть, убийством, конечно тоже — геноцидом, учитывая Орду… Но Илья сделал свой выбор — чтобы трусливому собирателю выбирать не пришлось.

Артем покачал головой, снова смахнул слезы и положил руки на клавиатуру.

ЦЕЛОСТНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ ВОССТАНОВЛЕНА

Выбор Наблюдателя неизвестен

КОНЕЦ